

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Владимир Бутенко

Поклонение Шолохову.

Предания земли старопольской ... 3

Алла Халимонова-Мельник

Рассказы 90

Сергей Скрипаль

Конт, Кулак и Кашель 144

Мария Лабунько

Первая группа 193

Олег Солдатов

Казачка 226

ПОЭЗИЯ

Юлия Каунова

Стихотворения 85

Олег Воропаев

Стихотворения 139

Эльбрус Скودтаев

Стихотворения 188

КРАЕВЕДЕНИЕ

Егор Карагодин

Памятники царской эпохи

на Северном Кавказе 232

Главный редактор

Владимир Бутенко

*Литературное
Ставрополье
№4 (2025)*

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)6
Л64

Редакционная коллегия:

В. Бродовский, О. Воропаев,
Е. Гончарова, А. Кругов, Р. Нутрихин,
Е. Полумискова, С. Скрипаль,
О. Страшкова

Литературное Ставрополье. Альманах
Л64 №4(2025). – Воронеж: ООО «СЛАВЯНОЧКА»,
2025. – 300 с.
ISBN 000-0-

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)6

Адрес редакции:

355033, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.
Тел. (8652) 26-31-50

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

ПОКЛОНЕНИЕ ШОЛОХОВУ

Поэма¹

1

...Через двадцать два года
Несветаев придет в Ростов
известным писателем, обла-
дателем премии легендарного
столичного журнала, пожа-
лует в числе знаменитых
земляков по приглашению
губернатора. Празднование
областного юбилея будет
открываться в Шолохов-цен-
тре и, оказавшись там, он
немало удивится странному
совпадению. Именно здесь,
напротив здания на пересе-
чении Большой Садовой и Кре-
постного переулка, ожидал
он в памятное утро теле-

¹ Журнальный вариант.

**Владимир
БУТЕНКО**

Проза

визионщиков местной студии. Только тогда была весна, а теперь погожая осень, и на клумбах свечками горят пирамидки неведомых жёлтогорячих цветов. Коллеги, ради «прикола», решили испытать его, заезжего ставропольца, на прочность – и подкатили с опозданием на целый час...

Майское городское утро по-летнему рано иссушило росу. Полнокрылой листвой, с раскатами, шумели кряжистые тополя и клёны в сквере вблизи Театральной площади. По суженной в этом месте улице в две стороны беспрестанно проносились легковушки, троллейбусы, с натужным гулом пыхтели грузовики. Воздух в теснине пятиэтажек, несмотря на ветер, отравлялся газами. А он, одержимый дорогой странник, то и дело поглядывал на часы, не теряя последней надежды, что сбудется заветная мечта, с юности жившая в сердце, как священная воля мусульманина, жаждущего хотя бы раз посетить Мекку.

Сегодня день был особенный. Он направлялся в станицу Вёшенскую. И, выйдя из квартиры брата, будто солдат в строю, замер на краю тротуара, как условились с редактором телевидения. У ног поставил сумку с вещичками и портативным радиийным магнитофоном. Тротуар был не метён, вразброс валялись окурки и обёртки «чупачупса». Мимо него к продуктовому магазину спешили и возвращались с наполненными пакетами пешеходы, их говор не умолкал ни на минуту. И Несветаеву думалось даже с обидой, что никому

из этих суесящихся, занятых рутиной горожан нет дела до того, что два дня назад Шолохову – будь он жив – исполнилось бы девяносто лет. Нынешняя пятница, как обычно накануне выходных, была распланирована ими заранее, обещала поездки за город, вечеринки, тайные свидания. Утренний народ буднично жил грядущим.

До появления студийного «РАФика» он думал о великом писателе, то останавливаясь на деталях биографии, то обращаясь к его произведениям. Ненароком вспомнил даже, как узнал о существовании человека с фамилией Шолохов. Случилось это, пожалуй, лет в восемь, когда несколько вечеров кряду слушал радиоспектакль «Поднятая целина» и диктор назвал автора, по роману которого тот был поставлен.

Жил тогда он с родителями в донском хуторе, в квартире при начальной школе. Это размашистое здание под железной крышей, на краю бывшего майдана, возвели в год Первой русской революции по решению войсковой канцелярии. Церковно-приходское училище в начале Гражданской закрыли, и в классах разместилось атаманское правление. А перед наступлением на Ростов, в двадцатом году, как утверждали старики, здесь останавливался командарм Буденный. Затем, вплоть до сорок первого года, школьные стены оглашались звонкими голосами пионеров. В годы войны самое поместительное строение в хуторе занимали и немцы, и наши командиры. Словом, рос он в доме, который можно было назвать исторической достопримечательностью.

Передача «Театр у микрофона», за отсутствием в ту пору телевизора, стала в учительской семье желанной. Управившись и составив на завтра планы занятий, приходила в дальнюю комнату, называемую «залом», мама. Следом за столом усаживался на венском стуле отец, закончив проверку тетрадей. А он, также их ученик, выполнив уроки, ожидал начала трансляции на диванчике. Потрескивала раскалённая печь в горнице, жаркое дыхание угольев незаметно обволакивало квартиру. Снеговой шарил по окнам, завывал в трубе, и высокий осокорь, озябнув от жгучего мороза, жалобно скрипел у крыльца. Все трое испытывали в домашнем уюте ту благодатную умиротворённость, которая возникает только в кругу родных людей. Нигде не ощущал он ничего подобного, как только в родительском доме!

«Поднятая целина» увлекала с первых минут. Было удивительно и забавно слышать тот же говор, те же слова, которые постоянно использовали хуторяне. Смешными байками дед Шукарь напоминал соседа Ивана Федоровича, а товарищ Нагульнов – дядю Васю Стрюковского, лукавым смехом Лушка волновала его так же, как соседка тётка Мария... Да не в родной ли Дарьевке всё это происходит?! Время от времени он с интересом поглядывал на радиоприёмник, подключенный к чёрному кругляшу розетки, и дивился тому, что пластмассовый ящик способен передавать голоса.

Типовой проводной приёмничек стоял на другом, гораздо большем и красивом, со стеклянной панелью. Он почему-то отдавал изнутри кислова-

тым химическим духом. Однажды, со свойственным детям любопытством, он попросил отца включить «красавца», чтобы сквозь эфирные помехи услышать иностранную музыку и непонятную речь, песни, с бурными ритмами или восточными, как будто плачущими, интонациями. Всё это далёкое беспокоило его неизведанностью, манило. Отец объяснил, что аккумуляторные батареи разрядились, а заменять невозможно, поскольку их давно уже не выпускают...

Как раз в пору бабьего лета хутор облетела весть, что привезли третью серию «Тихого Дона». Предыдущие две части ему хорошо запомнились. Прежде всего, усаые казаки, скачущие на лошадях, то, как они стреляли из орудий и винтовок. А ещё он влюбился в Аксинью, и при появлении её на экране становилось на душе очень приятно. В предчувствии показа фильма он даже запрыгал от радости. Но мама грустно сообщила, что дети на сеанс не допускаются. Он едва сдержал слёзы. Родители, опасаясь оставлять его ночью одного, ребёнка мнительного и беспокойного, решили взять с собой.

Не без опаски плёлся он в клуб по хуторской улице и был ошеломлён стечением народа у входных дверей, чего не бывало прежде. Огромная толпа гомонила по всему большому, лебедой заросшему двору.

– Сыночек, не отходи, – предупредила мама и взяла его за руку. Среди нахлынувшего в Дарьевку народа было множество жителей из окрестных хуторов, пугающе угрюмых, с недружелюбными

глазами. А тётки выглядели привлекательней, принарядись в яркие батистовые платья и кофточки, щеголяли цветастыми платками. Особенно приглянулась ему одна улыбчивая хуторянка, с тёмно-пшеничными волосами, чем-то похожая на Изольду Извицкую. На этой актрисе он хотел жениться уже лет шести...

Сеанс почему-то затягивали, хуторяне возмущались, потому что подошло время начала и сгустилась крошечная темень. Недовольные стали колотить кулаками в двери. Он крепко держал маму за руку и тоскливо ждал.

Наконец двери распахнулись, и освещённый лампочкой вход в клуб загородила приехавшая из райцентра рослая женщина в больших роговых очках. Это был неожиданный удар. Билеты всегда продавал киномеханик дядя Миша Ляцкий. Его мальчишеское сердце затрепетало. Билетёрша кожаной курткой, красной косынкой и сумкой на боку напоминала комиссаршу из недавнего кинофильма. Предчувствуя беду, он прижался к маме.

– Па-апрошу са-аблюдать поррядок! – требовала тётка, глядя в ночной двор – Не напирайте! Цена билета тридцать копеек, а не двадцать! Вам покажут ещё документальный фильм о пользе кукурузы.

– А на чёрта он сдался? – из глубины толпы запальчиво ударил бас. – Обрыдла, мать-перемать, ваша «царица полей»!

– Товарищи колхозники! Силой вас не тянут! – отрубила тётка и расстегнула парусиновую сумку. – Подходить по одному!

Очередь родители терпеливо выстояли, хотя их уважительно пропускали вперёд. С каждой минутой страх нарастал, и вот билетёрша направила свой тяжёлый взгляд на него

– Мальчик, тебе рано смотреть такие фильмы! – стальным тоном вынесла «комиссарша» приговор. – Родители, вы – взрослые люди, а нарушаете порядок. Стыдно!

– Нам не с кем его оставить, – стал объяснять отец. – Я расспрашивал киномеханика. Ничего особо запретного в этой серии нет.

– Войдите в наше положение, – вежливо попросила мама.

– Уважаемая, вы чего?! Какое положение? Я вам... билеты не продам! – выпалила тётка в рифму и сорвалась на крик. – Отойдите и не мешайте работать!

Билетёршу пытались упротить хуторяне. Но тщетно! И родители, не показывая вида, что очень расстроены, свели его с клубного крыльца в сторонку.

Сжав губы, чтобы не слышали сдавленного плача, умывался он слезами от беспомощной обиды. Долго ли, коротко ли... Зато осталось в памяти, что мама – всемогущая от любви к нему – всё же смогла упротить завклубом отомкнуть запасную дверь с глухой стороны здания, и они пробрались в полутёмный клуб уже во время сеанса. Маме кто-то уступил место, он пристроился у неё на коленях и, забыв про билетёршу, всем существом перенёсся на экран, – в мир красивых и сильных людей, в совершенно иную жизнь, где говорили о чем-то важном и не совсем понятном,

где сурово спорили и ругались, целовались и убивали...

Фамилия писателя и фильм «Тихий Дон» несколько лет пребывали в его сознании порознь, ничем не связанные. Тем больше был удивлён Несветаев, когда узнал, кто написал великую эпопею...

2

Передняя дверца микроавтобуса, правым боком подъехавшего к тротуару, приоткрылась, из неё выглянула постриженная брюнетка молодых лет в солнцезащитных очках.

– Это вас, сударь, мы обязаны довести до Вёшенской? – наигранно театральным тоном осведомилась она. – Вы из Ставрополя?

– Да! Это я, – подтвердил Несветаев, подхватывая сумку. В салоне, переустроенном в соответствии с нуждами телевизионщиков (один ряд кресел был снят), находилось двое молодых мужчин, на задних креслах в чехлах таились операторские принадлежности. Он поздоровался, ему ответили. Одно место у окна пустовало, и он устроился на нём, ощутив всем телом приятную упругость сидения и спинки. Водитель тронул, промелькнули драматический театр, гостиница «Интурист», Нахичеванский рынок. Несветаев, нарушая затянувшееся молчание, дружески представился:

– Владимир. Редактор краевого радио. Могу предложить бутерброды с колбасой.

В салоне зависла тишина. Никто почему-то не хотел отзываться первым.

– Стас, – наконец буркнул толстячок в джинсах, с круглой, как мяч, головой, увенчанной чёрным «ёршиком». И на щеках его тоже темнела густая щетина, и рубашка была мрачноватой в жёлтых зигзагах, и несколько выпученные глаза имели смоляной цвет. В них прочитал Несветаев безразличие.

– Александр или – Алекс, – не сразу соизволил бросить тенорком его худощавый напарник, затем лениво подтянул песочные шорты, пошевелил носками красных мокасин и отвернулся к окошку. На светлом поле его футболки бросились в глаза крупные английские слова и прямоугольник американского флага.

Из-за спинки переднего кресла, что рядом с водителем, выглянула мадам и, вступая в разговор, скороговоркой прострочила:

– Редактор Эльза Наумовна Заславская... Владимир! Давайте определимся. Мы довезём вас. Но обратно – не гарантирую. У каждого свои планы.

Чёрные очки удлиняли её нос, делая похожей на большую галку, и непонятно было, почему она решила «определиваться» немедленно. Откуда такое неприятие и отчуждённость?

– Я не знал об этом, – сдержанно ответил Несветаев.

Эльза сделала сочувственную гримаску.

– Нет, возможно, мы возьмём... Есть ряд обстоятельств. Мне столько надавали заданий,

что охренеешь! – вдруг обозлённо подняла она голос. – Задолбали с этим юбилеем...

Выехали за город, помчались по автостраде.

Мадам закурила, опустив стекло своей дверцы. Ветерком дым упорно сносило в салон, и длинные волосы Алекса шевелились, прядями сползали на глаза. Журналистка, не оборачиваясь, с откровенной усмешкой полюбопытствовала:

– Владимир, а с какого панталыку донской праздник вздумали освещать на вашем радио? С чего вдруг?

– Шолохов принадлежит всему миру, – нарочито официальным тоном заметил он. – В его романах немало героев ставропольцев. К тому же, Михаил Александрович отдыхал в Кисловодске.

– В его романах – сотни героев, и если географически их застолбить, то соберётся чумовая толпища! – резко возразил Алекс. – Дело вкуса. Например, фильм «Тихий Дон», как ни затянут, я досмотрел до самого конца, но дочитать роман... Я не враг себе! Да, написано круто. Однако тема – отжившая. Не жжёт! Граждане, мы обитаем на другой планете! Какое возрождение казачества и господа атаманы с погонами и лампасами? Какие шашки с баяном? Ярмарка ряженных, обезумевших от тщеславия.

– Александр Виллер, вы действительно режиссёр телевидения? – с чрезмерным пафосом оборвала его Эльза. – Вы на самом деле собираетесь снимать передачу о «Шолоховской весне»?

– Да, леди Эльза, да! – с жаром произнёс он, воздев руки. – Еду и сделаю!

– Если я буду снимать! – с хохотком вставил Стас. – А если напьюсь и пошлю вас подальше?

– На камере «Сони» с аккумулятором «Антон Бауэр» прекрасно снимет даже наш рулевой. Правильно гутарю, донской казак Михалыч? – выкрикнул Алекс, взглянув на водителя.

– Моё дело доставить по назначению, – отозвался тот сухо, видимо, не склонный к шуткам. – Сами разбирайтесь!

– У нас, на Ставрополье, казачье движение насчитывает десятки тысяч человек. Возглавляет его атаман Федосов, – с нажимом заговорил Несветаев. – А спонсором издания моей книги о казачестве выступил казак Васильев, директор винзавода. В Чечне воюет казачий батальон «Терек». Казачество, смею уверить, на подъёме.

– Так вы ещё и писатель? – вызывающе уточнила Эльза. – О бунтарях, небось? О Стеньке?

– О судьбе казаков в годы Великой Отечественной.

– Судьба их известна, – перебил Алекс. – Кто – в Красной Армии, кто – в немецких легионах.

– Предателей было гораздо меньше, чем указывается в либеральных газетах. Для демократов – это триллер. Лично для меня – страшная трагедия, начавшаяся с рассказывания! – жёстко возразил Несветаев.

– Я с вами, автором книги... Спорить не стану. Пусть каждый останется при своём мнении, – уничижающе любезно изрёк Алекс и зевнул. – Спать, господа, хочется...

– Да! Давайте помолчим, – примиряюще предложила Эльза. – Поболтаем после...

Несветаев замкнулся. Тенью легло на душу презрение к лощёному всезнайке.. Конфуций недаром советовал: «Не спорь с глупым человеком, иначе проходящий мимо не поймёт, кто из вас дурак». Всего час назад и подумать не мог, что подобные резонёры в американских майках станут его спутниками в поездке. Однако негаданно влип в компанию недругов, чуждых и даже враждебных ему, «едущих делать передачу о Шолоховском празднике».

До Каменска пижоны пребывали в дрёме. А Эльза, похоже, спала. Между тем начала донимать жара. Несветаев рассеяннo глазел на цветущие акации лесополос, на хлебные поля в перекатах волн. Зияли дырявыми крышами фермы, печалили душу поросшие бурьяном бесхозные клины. Сиротливо-покинутыми выглядели пустые улицы посёлков и хуторов. Кое-где маячили придорожные, блёклые от времени щиты наглядной агитации советской эпохи. По салону, врываясь в открытые форточки, гуляли сквозняки, теребили ворот его рубашки, листали валявшийся на полу журнал «Караван». Телережиссёр, впавший в задумчивость, немилосердно толкнул в плечо Стаса, который, вскинув голову, вытаращил глаза.

– Мистер оператор, вы не в детском саду... Вчера звонил Жорик, – с важным видом сообщил Алекс. – Устроился он мойщиком посуды в ночной клуб. Зовёт в Штаты. Говорит, пообещали

взять его монтажёром на студию, когда наблатыкается в английском. Живёт чувак, представь, в приюте для бездомных.

– И стоило рвать когти за океан? – искривил губы Стас. – Тут вёл потрясную музыкальную программу, телезрители его письмами заваливали. Шабашки на свадьбах грёб, от подруг отбоя не было А там? За неграми посуду моет? Я только в Индию махнул бы! Здесь, в бандитском папочке-Ростове, ясное дело, – не житуха.

– Почему к индусам? Туда, где обезьянки с пальм писают, а коровий навоз на тротуарах? Али вы на йоге, достопочтенный Радж Капур, свихнулись? – съязвил Алекс. – Али нирвану возжелали?

– Тысячелетняя культура, прикинь! Тебе, америкосу упёртому, этого не понять.

– Да уж куда мне, режиссёришке... Не для среднего ума!

– Фактически, ты – не режиссёр, – внезапно атаковал Стас. – Ты – командир монтажёра. Смотришь отснятый мной материал и говоришь: эти кадры оставь, а эти убери... Я работал с профессионалами. Они писали сценарий, объясняли, как брать планы, придумывали фишки... А ты на арапа, как получится.

– Кончай базар, пока я добрый... – с ожесточением вырвалось у Алекса. – Ты, когда бухой, косячишь по-чёрному, а я тебя прикрываю... Картинки дрожат, кадры перекошенные. И меня учишь?!

Алекс неожиданно замер, поморщился и схватился ладонью за щёку. Замычал, видимо, от зуб-

ной боли. Потом склонился к своей ярко-красной сумке, вжикнул молнией и стал в ней рыться. Не найдя нужного, громко окликнул:

– Эльза! У тебя есть пенталгин? Что-нибудь обезболивающее?

– Спазган, по-моему.

– Дай. Зуб взорвался!

Он проглотил таблетку всухую, опять принял вынужденную позу: на ладонь положил щёку, а локтем опёрся о колено. Временами мученически крутил головой, как бы дивясь, что это приключилось именно с ним.

– Ночью болел? – спросил Несветаев, хотя в душе занозой сидела обида. – От горячего и холодного?

– Ага. Две таблетки пенталгина засадил. И ещё парацетамол.

– Скорей всего, гнойный пульпит. Не грейте щеку. Лучше возьмите в рот холодной воды. По крайней мере, стоит попробовать.

Алекс недоуменно уставился, теряясь в мыслях.

– А вы кто, батенька, не Гиппократ ли?

– Врач-стоматолог. На радио работаю на полставки.

Разом к Несветаеву повернулись Эльза и Стас. Они удивились не меньше, чем сам болящий. Циник покосился на раскрытую сумку, вынул литрушку минералки. Осторожно набрал полный рот воды. Через минуту проглотив её, влил новую порцию. В первом же посёлке купили холод-

ной минералки и «тройчатку». Зубная боль, как выразился Алекс, почти «затухла».

Высокомерных особ точно подменили. Узнав отчество, стали именовать «Владимиром Петровичем». И наперебой делились своими стоматологическими проблемами. Стас даже разинул рот, показав керамическую коронку, и попросил оценить «эстетику». Несветаев отвечал, советовал, остерегал – словом, провёл консультацию, не в первый раз убеждаясь в сугубой практической ростовского люда.

От миллеровской развилки взяли вправо. До станции оставалось ещё километров полтора. Под ясенями лесополосы накоротке пообедали, как говорил известный литературный персонаж, «чем бог послал».

Наконец Эльза, подражая стюардессе, шутливо возвестила:

– Подъезжаем к Вёшенской! Прошу пристегнуть ремни! Идём на посадку. Куда – в администрацию или на Дон купаться?

– Только на Дон! – выкрикнул Стас. – На хутор Лебяжий!

Асфальтная лента пошла под уклон, между крутыми холмами. И впереди, в сизом мареве, далеко распахнулась речная долина, а слева, на кургане, показался внушительный монумент – чёрный степной орёл, распростёрший крылья. Сердце Несветаева оборвалось – вот оно, шолоховское, священное...

Приблизились к мосту через Дон. По обе стороны завиднелись берега, справа – панорама станицы, низинный затопленный лес, песчаные намывы. Проблеснуло могучее речное стремя. Поворот – и вот она, Вёшенская!

Телегруппа, очевидно, ранее бывала в станице. Поехали напрямик по шоссе, затем, петляя по проулкам, обогнули окраинный пустырь, потянули по улочке, вдоль плетней. Короткий съезд вниз – и в рослой траве береговая деляна, с плакучими вербами. За стволами живым синеватым серебром искрится Дон. Он не так широк, как в Ростове. Волнушки, гонимые ветром, позванивая, выплёскиваются на глинистый обрывчик. Ему вспомнился родной хутор, речка детства, сенокос. И ступив на эту, кровно родственную казачью землю, на тугие сабельки пырея, уловив запах зверобоя и шалфея, ощутил он такой мощный прилив душевных сил, что засмеялся и, окинув взглядом речную даль, возблагодарил Бога за долгожданную сокровенную благодать...

Однако любоваться долго Доном не пришлось – налетел гнус. Голову окружило облако мошкар. Она лезла в нос, слепила глаза, проникала под рубашку. Эльза и Алекс юркнули в микроавтобус и запечатали окна. Стас, оголив накаченную фигуру и шерстяной покров на груди, бултыхнулся в реку первым и что-то восторженно гаркнул. И он мигом разделся, не стыдясь мадам, поправил трусы и с разбегу – в плескучую синь! Вода обожгла, точно одновременно дали пощёчину, а тело исколотили палкой. Жут-

кий озноб чудодейственно взбодрил. Он загрёб ладонью водицу – лёгкую, желтоватую, окропил лицо – на губах остался пресный родниковый привкус. Течение напористо тащило к середине, и этим здесь, в верховьях, река также отличалась от тиховодья ростовского пляжа.

Время поджимало. Отмахиваясь руками от гнуса, он наперегонки со Стасом умчался за вербу, отжал трусы и наспех оделся. Ай да, батюшка Дон, проучил наивных горожан. Знайте, милушки, как живут вёшенские казаки в реальности, а не по писаному!

Эльза, за лобовым стеклом укрывшись с Михайчем, просматривала в блокноте записи. На глазах её поблескивали рабочие очки для чтения. Модные, с крупными окулярами, они её заметно старили. Выглядела она какой-то угрюмой мультяшной мымрой.

3

Сугубая практичность ростовчан, оттолкнувшая было Несветаева, пригодилась, когда в штабе «Шолоховского праздника» Эльза улаживала размещение группы. Номера в гостинице и места в санатории были строго распределены между персонами из столицы и областного центра. Для расселения иных гостей предназначался частный сектор. Эльза – без всяких очков – на удивление, преобразилась, приняв вид бизнес-леди. Поверх светлого платья она надела красный пиджачок. Переобулась в туфли на шпильках и подкраси-

ла губы. Никто бы не угадал в ней тусклую тётку, что горбилась в кабине «РАФика». Походка стала горделиво-летучей,, звенящий голос – деловым. О, телевизионные дивы! Королевы макияжа и улыбок! Всесильная тайна обаяния и волшебство обволакивающего голоса! Вами нельзя стать по желанию, вами можно только родиться...

И Эльза отвоевала три комнаты в доме на улице Шолохова!

Ему сегодня сопутствовала удача – как будто по велению свыше, временным пристанищем стал угловой дом в нескольких метрах от писательской усадьбы, огороженной дощатым тёмно-зелёным забором.

В хозяйском доме расположилась Эльза. Мужчинам достался флигель. Прихожку захватили режиссёр с оператором, а дальняя комнатка досталась Несветаеву и водителю. Бравый этот усач, обмывшись во дворе под рукомойником и причесав кроплённые сединой волосы, повёз Алекса в поликлинику. А Несветаев вышел на улицу, откуда виднелся шолоховский сад. Деревья, стоящие рядами, были ухожены, словно на картинах. Всё тут казалось крепким и ладным, освещённым каким-то неземным светом. Двухэтажный дом просматривался боковой стеной и клином крыши.

«Неужели здесь жил гений? – спрашивал он себя, и от восторга заходило сердце. – Завтра увижу кабинет. Рабочий стол. Невероятное ощущение... Сколько себя помню, Вёшенская влекла меня. Точно сотни нитей протянулись к сердцу!

Даже моя учительница по литературе Валентина Гавриловна родом была отсюда! Рассказывала, как Шолохов приходил к ним в школу. Он для меня, как Пушкин, Гоголь, Толстой... А приехал... приехал сюда с первым томом своего романа...»

Сумерки мягко вступали в станицу, наливались сиреневой темнотой. Где-то на подворье кудахтали курица. Небо в оранжевых разводах чертили последние ласточки. Вернулись Алекс и Михалыч. Принарядившись, ростовчане торопливо уехали на съёмку. Просить, чтобы подождали, Несветаев не стал.

Он пришёл к Дворцу культуры за час до начала торжества. Неподалёку облюбовал недавно покрашенную скамью, сдёрнул с плеча лямку магнитофонного футляра. Вытянул штангу микрофона, включил запись и проверил её качество. Кассета была новая, фирмы «BASF», и можно было не беспокоиться.

Между тем народ валил, как на демонстрации. И он поспешил занять место. Однако дверь в зал почему-то не открывали, торчать перед ней с ношей на плече не хотелось, и он поднялся на второй этаж. Тут тоже былолюдно. Проходя мимо двух беседующих на скамье мужчин, Несветаев рассеянно посмотрел и узнал в одном из них киноактёра Юрия Мазарова. А другой, сидевший спиной, фигурой и лысой лобастой головой походил на Сашу Мосинцева. «Да, остаётся только Сашку здесь встретить», – отогнал он мысли. Но когда услышал позади громкий добродушный смех, невольно оглянулся. Так и есть! Сашка...

Ошеломлённый невысказанным открытием, он застыл на месте. Нет, это уж слишком! Приехать за тысячу километров в станицу – и встретить близкого человека!

Мосинцев о чём-то увлечённо рассказывал. Его потрёпанный журналистский блокнот лежал на соседнем стуле, поверх – шариковая ручка. Знаменитый актёр улыбался, слушал. Скорей всего, интервью кончилось, и они обменивались мнениями. Несветаев, подойдя, поздоровался. Саша вскинул брови, гармошкой морщина лоб, изумлённо хохотнул и встал.

– Матушки светы... Ты как здесь оказался?!

Обнялись. Выяснив, что интервью закончилось, Несветаев тоже попросил киноактера ответить на несколько вопросов.

Мазаров, тряхнув гребнем светлых волос, глянул на ручные часы и вздохнул.

– На обед опоздал, на ужин уже не успею...
Задавай!

И Несветаев, держа на штанге микрофон перед собеседником, минут пять изобретал вопросы, а доброжелательный голубоглазый человек, любилец миллионов, взвешенно отвечал. Затем откланялся и стремительной, чуть косолапой походкой ушёл.

Мосинцев был не меньше переполощён неожиданной встречей.

– А я ещё и подумал: «Тут только Несветаева не хватает». И как в воду глядел! Мы приехали с фотокором делать для «Кавказского края» развёрнутый репортаж.

– А у меня – задание для «Воскресного часа».

Зрительный зал перекипал голосами. В сгущённой духоте воздух был налит парфюмерными ароматами, ощущался лёгкий запах акаций, проникший через открытые окна. Яблоку негде было упасть! По широкой сцене – от кулис до кулис – тянулся стол, на высоком заднике за ним – портрет Шолохова и цифры, соответствующие юбилею. Мосинцев, глядя сверху, выискивал места. Наконец заключил:

– Есть только в передних рядах.

Сошли по наклонному полу вниз. В проходе перед сценой среди толпы жестикнул коренастый крепыш в тонких очках – это был Аршак Тер-Наркарян. Обрадовавшись давнему знакомому, Несветаев увидел также поэта Чуева и «полуклассика» Лихолетова, выступавших не раз на пленумах Союза писателей. Аршак, по привычке чуть запрокинув голову, стоял лицом к залу, возможно, кого-то ожидал. Заметив ставропольцев, он произнёс хриловато-негромким, но чётким голосом:

– Приветствую блестящих писателей! Ваши лысины ослепили зал лирическим блеском. Но в отличие от вас, я – поэт выдающийся, и всегда стою на виду у вечности! – и хлопнул себя по животу. Улыбаясь, пожали друг другу руки. Мосинцев разговорился с однокашником по Литинституту. Несветаев, не теряя времени даром, расторопно занял места, приготовил магнитофон к записи. Саша вскоре сел рядом и сообщил, что Аршак приехал в составе писательской делегации.

Несветаев, хлопая в ладони, глянул на Сашу. Они, наставник и ученик, два близких человека, сидели снова вместе, как пять лет назад в театре Советской Армии, на последнем съезде Союза писателей РСФСР...

4

Несветаев родился в конце мае. И многое в его жизни было связано с этим месяцем. Именно в пору цветущей сирени привёл его в литературную группу Олег, старшекурсник мединститута. Олег публиковал стихи не только в малотиражке, но и в краевых газетах, и даже сборниках. Человек семейный, общительный, жил в соседнем проезде. И однажды вечером, встретившись на тротуаре, пригласил «начинашку» на обсуждение своей поэмы о герое-пионере Ковешникове в литгруппу. Заодно посоветовал показать там свои стихи «настоящему поэту».

Странно, почему Несветаев, сомневающийся в себе и одновременно самолюбивый, в штыки воспринимающий критику, решился на это. Пожалуй, понял, что упёрся в стену. За первые курсы он, несомненно, набрался какого-то опыта, живя в отрыве от родителей на съёмных квартирах. Тогда же впервые осилил «Тихий Дон». Роман накатился на него глыбой, отгородив от всех прочих книг. Григорий вытеснил из сознания даже Печорина. Родное, хуторское переполнило сердце. И он твёрдо решил следовать шолоховской дорогой. К тому же, мечта стать поэтом обрела

уже некое воплощение, подборку его стихов опубликовала районная газета.

Долго и старательно выводил он строчки, стараясь, чтобы буквы читались разборчиво. Исписав три листа тетради, проверил ошибки, и стихотворения ему понравились тем, что напоминали есенинские. Однако, как оценит их строгий «судия»?

Литгруппа занималась в редакции молодёжной газеты, где по углам просторной комнаты, выходящей на проспект Маркса, громоздились четыре стола, заваленные папками и бумагами. Собрались учащиеся мастерству, разновозрастные литераторы. Рядом с Олегом чувствовал он себя вполне уверенно, хотя сомнения гложили, и предчувствовал, что «настоящий поэт» вдребезги разнесёт его вирши.

Вошёл Александр Фёдорович Мосинцев. Широкоплечий, высокий, несуетный в движениях, с открытым славянским лицом, облысевший со лба, и – располагающе улыбнулся. Сел за свободный стол у окна и окинул комнату светлыми, чуть прищуренными глазами. Было ему тогда за тридцать, хотя показалось Несветаеву, что – больше. Заговорил твёрдо, дружелюбно, в каждую фразу вкладывая точный смысл. И Несветаеву подумалось, что таким и должен быть поэт...

Олег прочёл поэму о расстрелянном фашистами мальчике. «Коллеги по перу» начали обсуждение. Кто косноязычно выделял недостатки, придираясь к рифмам и «оборотам», кто хвалил... за смелость, за то, что взялся за «такую трудную

тему». Подытожил, выслушав всех, Мосинцев. Тем же ровным, энергичным тоном, как бы рассуждая вслух, он не критиковал, а убеждал в своей правоте. И логика его была неопровержимой. Поэму одобрили и рекомендовали к публикации в газете.

Настал момент истины. Литгрупповцы разошлись. В опустевшей комнате Олег подошёл к «настоящему поэту» и назвал своего младшего товарища.

– Ну, показывай стихи, – поощряюще сказал Мосинцев. – Медики – люди серьёзные.

Несветаев протянул свои листы. Александр Фёдорович стопкой положил их на стол и заскользил взглядом по строчкам. И, дочитав первую страницу, молча – справа налево и слева направо – перечеркнул её, изобразив огромную букву «Х». Леденея, Несветаев дальше наблюдал за происходящим. Прочитав на обороте, Мосинцев безжалостно похерил и следующее стихотворение, и все остальные на двух листах. И осталось последнее, самое короткое. Мысленно ругая себя за то, что пришёл сюда, стоял, как на эшафоте.

Мосинцев вдруг переменился в лице, вскинул на него изумлённый тёплый взгляд.

– Это ты написал?

– Да, – вымолвил он удручённо.

И Александр Фёдорович прочёл весь «стишок» вслух:

Увидел, сидя на базу, я
В проём между саманных хат,
Как выезжал в поля лазурные

На алом тракторе закат.

Глубоко распахав полнеба,
До темноты, до ярких звёзд,
Закат на тракторе уехал
За горизонт, в другой колхоз.

Помолчал, вновь улыбнулся и ткнул карандашом в лист.

– Вот так и надо писать! Образно и зримо, что сам видел. Не подражать Есенину! Помнишь, у него есть: «Канарейка с голоса чужого – жалкая смешная побрякушка»? Будь самим собой. И у тебя получится!

Шли втроём по вечернему провинциальному, овейному сиренью Ставрополю. По счастью, Мосинцев жил в том же районе, где и они с Олегом. И Несветаеву эти минуты превращения из самоучки в ученика поэта запомнились на всю жизнь...

Три года занимался он у Мастера. И жил в творческой атмосфере, обсуждались его стихи. Они были неровные, в них ещё слаб был его собственный голос. Но к окончанию институтской учёбы он писал уже прилично. Стихотворения охотно брали в газеты. Хорошо отзывался и Мосинцев, с которым сдружился, называл Сашей, а тот отвечал дружеским теплом и заботой.

И вот последней институтской весной Несветаева обуяло желание написать рассказ. Причём, метафорично, в духе «орнаментальной» прозы. В два присеста настроил миниатюру с названием «Шелковица» о неудачной влюблённости

юноши в подругу сестры. Шелковицу описал ту самую, которая росла в их хуторском дворе. Увы, литгрупповцы раскритиковали в прах эту прозаическую попытку, кроме одного Мосинцева. Он заключил лаконично и очень серьёзно:

– Слушай, тебе надо писать прозу.

И это пожелание Саши вошло в душу, как проческий наказ.

Уже работая стоматологом в посёлке, он сочинит второй рассказ «Спектакль», с весёлым сюжетом, увидит его напечатанным в районной газете, хотя удача вновь отвернётся. Однако с тех дней проза утвердилась в его душе наравне с поэзией, – на двух крыльях они понесут его в неотступно манящую литературную даль...

Пройдёт ещё полтора десятка лет. И Несветаев, автор сборника стихов и двух книг прозы, станет членом Союза писателей СССР. Главредом краевого альманаха. В самый разгар перестройки начнёт писать эпопею о казачестве в годы Великой Отечественной войны, когда откроют архивы и заговорят о том, что «общечеловеческое» выше иных моральных ценностей.

Мало кто тогда воспринимал происходящее в стране как начало её гибели – великой народной трагедии. Мёртвой хваткой, с двух сторон, вцепились в горло Советского Союза Горбачев и Ельцин, его правители. Страну толкали в пропасть «демократы», нанятые иностранными спецслужбами, Емели-пустомели, криминальные авторитеты и тенивики, торговые хабалки, во всю ивановскую кроющие «коммуняк», а также вечно обиженные

учёные-кляузники и графоманы, жившие с фигой в кармане. Эти ущербные бездари и критикессы с фригидной наружностью, бесстыдно охаявали в миллионнотиражных журналах (с благословения партайгеноссе Яковлева) писателей-фронтовиков, кинематографистов, композиторов. Комсомол как бы «самоликвидировался». «Взгляд» с экрана навязывал народу свои либерально-крамольные взгляды. Иные телефокусники гипнотизировали раздражённую – мнимой свободой впереди – молодёжь то монотонно-утробным, то призывно-воинственным голосом требующего перемен Цоя, сладкоголосой ересью Гребенщикова, разбойным рыком Сукачёва. А розенбаумский «Гоп-стоп», с фразой «Сэмэн, засунь ей под ребро», стал любимой песней на гулянках советских людей...

И вот холодный московский декабрь. Тысяча девятьсот девяностый год. Театр Советской Армии. VII Съезд Союза писателей РСФСР. Он проходит в грозовой атмосфере после «Римского обращения». Откровенно антисоветская агитка подписана видными интеллигентами – не только «забугрянином» Бродским, но и Астафьевым, Баклановым, Андреем Дементьевым, Крупиным, Солоухиным. В ней оповещено, что «заканчивается существование одной из величайших империй в истории человечества и на её территории возникают новые государственные образования». Далее недвусмысленно пояснялось: «Речь сегодня может идти не о предотвращении или консервации происходящего, а только о право-

вом, демократическом и человеческом решении возникающих в его ходе национальных, социальных, территориальных, политических и прочих конфликтов». Решение одно – «право наций на самоопределение». Каждому, мало-мальски знающему историю, известно, что это было одним из постулатов политики Гитлера по отношению к захваченным странам Европы, которые «самоопределились» с вхождением в Третий рейх.

Несомненно, текст был составлен американским Госдепом. Без всяких намёков – политическая установка и руководство к действиям. Несветаева потрясло отступничество подписантов Астафьева и Бакланова, зажиточных мэтров, увешанных государственными наградами. Тех, кто воевали на фронтах Великой Отечественной за «великую советскую Родину». Тех, кто на призыв «Коммунисты, вперёд!» бросались в атаки на фашистов, а затем написали пронзительные, честные, выдающиеся произведения о героизме однополчан. Что заставило их оскорбительно назвать СССР «империей», мимикрировать, разразиться признаниями в любви к западному жизнеустройству? Что побудило примкнуть к ним русопятых потомственных христиан Солоухина и Крупина? Каким образом они оба, обласканные прежней властью, оказались среди ярких русофобов?

С этими вопросами он обратился к Саше, когда встретились на съезде. Однако и Мосинцев терзался ими, не зная ответов. Великий писательский раскол вершился на съезде день ото

дня. Учащались неприличные выходки «инженеров человеческих душ», множились оскорбительно-циничные выкрики делегатов в адрес президиума. Гнетущее предвестие катастрофы литературного сообщества, начала хаоса и низвержения авторитетов ощущалось всеми нервами. Ораторы на трибуне, сменяя друг друга, переругивались. Одни призывали к свободе творчества, другие требовали положить конец горбачёвщине и антисоветским публикациям. Делегаты реагировали по-разному. Демоны незримо носились над головами.

Сидя рядом, изредка переговариваясь, они, угрюмые и печально-притихшие, сосредоточенно внимали речам. Наконец председательствующий выкликнул Владимира Бушина. С самого начала, назвав делегатов «плюралистами», критик бросился с шашкой наголо на генсека Горбачева. Его наболевший сарказм и ирония были на редкость разящими и меткими. Зал оживился, не раз отзывался смехом. Трибуну Бушин покинул под одобрительные аплодисменты.

Врезалось в память выступление Татьяны Глушковой, прямо назвавшей участников римского сборища «клеветниками и злопыхателями России». Однако забылось, кто выступал последним перед публичным демаршем Виктора Астафьева. Скорей всего, сибиряк сдерживал себя до предела и – наконец сорвался...

Несветаев вдруг увидел, как вдоль стола президиума вприбежку ринулся Астафьев, что-то на ходу бросил в сторону Сергея Михалкова. И

тот объявил, что «Виктор Петрович вне очереди попросил слово». Голос Астафьева – разгневанного, с кирпичным румянцем на щеках, с невидяще отрешённым взглядом, направленным вглубь зала – взорвал тишину, стал неузнаваемым, клочущим. Его протестная тирада ударила пулемётной очередью! Он с таким запалом вступился за Горбачева, с такой всеокрушающей яростью стал хвалить его за порядочность, ум, дальновидность «перестроечной» политики и намерение утвердить в стране демократию, что многие растерялись, не веря своим ушам. Не поверил и Несветаев в реальность происходящего, когда кто-то из делегатов впереди сожалеюще бросил:

– Витя, Витя... Отрабатываешь «Звезду Героя соцтруда», которой наградил «Меченый»? Или «Нобелевку» в Риме пообещали?

Немолодой голос подхватил с нескрываемой горечью:

– Попал в волчью стаю – лай не лай, а хвостом вилай...

И точно бы в ответ на эти реплики людей, вероятно, ему знакомых, Астафьев откатнулся от трибуны и возвестил, нажимая на каждое слово:

– Я лично встречался и по душам говорил с Горбачевым. И остался убеждённым в том, что у нас – замечательный и мудрый президент! Несправедливо обливать грязью...

Гул голосов не смутил обличителя, он продолжал «резать правду-матку». Однако возмущённый шум в зале нарастал, и Астафьев, уже не владея собой, ругнул «престарелый президиум»,

сгоряча предложив всем уступить места «молодым», и безвозвратно спустился со сцены...

5

Первая часть торжества длилась недолго. Ораторы взволнованно, иногда не сдерживая пафоса, говорили о Шолохове и значении его книг для мировой культуры. Несветаев, включив магнитофон, слушал их, но смотрел на сидевших в президиуме сына и дочь Шолохова, всё сильнее ощущая сопричастность собравшимся в зале и всему, что связано с именем гения. Когда спустя полчаса Шолоховы сошли в зал и сели со всеми участниками президиума во втором ряду, он заволновался, ощутив некую скованность, и целый сонм мыслей, связанных с жизнью шолоховской семьи. ожил в памяти...

Наконец дали яркий свет на сцену, занавес раздвинулся одновременно с громовым пассажем оркестра, грянувшего донскую плясовую. Раскрылатив руки, синими птицами с двух сторон вымахнули казаки, – черноусые, бравые, в фуражках с алыми околышами. Выделывая ногами фортели и разные презабавные выкрутасы, они как бы мерились удалью и готовностью исполнять самые рискованные трюки. Вот крайний казачок, тряся вьющимся из-под козырька смоляным чубом, разбежался и в высоком прыжке сшиб носком сапога с высокого шеста папаху. Мигом вылетел на авансцену ухарь с озорной улыбкой на лице и, подмигнув залу, в ритм музыке стал подпрыгивать ещё выше, на уровне плеч делать «шпагат». Его сме-

нил длиннорукий и длинноногий верзила, всем на потеху так отплясав вприсядку, что зал восторженно зааплодировал.

А в самый разгар веселья с визгом высыпали на сцену молодые казачки! Все как на подбор – яркие, чернобровые, заманные красавицы. Разбившись на пары, танцующие стали хороводить, всячески изъяслять обоюдные нежные чувства. Магия танца, восхищающего отточенностью движений, мастерством и талантом артистов, музыкой и яркостью костюмов, захватила и не отпускала до конца номера. Несветаев украдкой поглядывал на друга и удовлетворенно отмечал, что его родное, казацкое Саше тоже близко и дорого.

Когда же в наступившей тишине будто вдалеке родилась знакомая песня, и незримый хор показался из-за кулис, сердце у Несветаева оборвалось.

Над озером ча... ичка вьётся,

Ей негде, бедняжачке, сесть, – приглушённо,
с ритмическими паузами, повела женская группа, завораживая слаженностью голосов. И разом вступили, подхватили мелодию тенора, вкладывая в звучание напор и потаённую мужскую боль:

Ляти ты, ляти... в край далёкай,

Сняси ты печальную весть.

Песня затопила сердце солнечным полноводьем, и Несветаев, как это бывало в детстве, когда заслушивался пением хуторянок, потерял над собой контроль, покорившись власти хора. Простые, даже нескладные слова погибающе-

го на чужбине казака, его прощальная исповедь эхом перекликалась с признанием жены. Он, «милай», просит у неё и родителей прощения и сокрушается:

Уж больше мне к вам не вернуться,

И больше мне вас не видать.

В чем тайна бессмертия этой песни? В святой простоте и жизненной правде? В оголённости страдающей души или в мелодии? Почему она рождает жалость и сострадание, точно это происходит не с кем-то, а с тобою? Нет, объяснить это невозможно. Это ощущается кровью, наитием и ещё каким-то неведомым чувством...

И снова танцоры давали жару, и вторили им певцы, задоря всех забойными запевками и срывающей с места в пляс «Пчёлушкой златой», и горели у публики ладони от бурных оваций! Сколько времени занял весь концерт, Несветаев не уследил. Он был снова радостно ошеломлён, как и несколько лет назад, искусством ансамбля Донских казаков. В приподнятом настроении выходили они с Мосинцевым из зала, когда невзначай смешались с москвичами. Саша, поравнявшись с Ганичевым, заговорил с ним и сообщил, что их двое, членов Союза писателей, приехало со Ставрополя.

– Молодцы, ребята, – похвалил Валерий Николаевич, по очереди пожав им руки. – В таком случае, присоединяйтесь к нашей делегации. Сейчас мы идём к Шолоховым.

Вечер догорал, кружа голову медвянью цветущей акации. Исчезла мошкарка. Выложила небо

звездная мозаика. Станица натруженно затихала. Лишь где-то в стороне моста раздавался гул машин.

– Интересно! – оживился Саша. – Главное – вовремя попасть на глаза начальнику.

Перед входом на шолоховскую усадьбу остановились. Ухмылистые москвичи (среди них были уважаемые персоны) холодно отнеслись к появлению в своих рядах незнакомцев. Однако оживлённый разговор Аршака и Мосинцева привлёк их внимание и, похоже, смягчил отношение.

Несветаев с замиранием сердца двинулся по дорожке к двухэтажному дому, – ладному, великолепному, с балкончиком, огороженным балюстрадой. Голоса писателей разом умолкли. В свете фонаря, бьющего сквозь листву высоченного тополя, стало заметно, как изменилось выражение их лиц. Вот оно, открытое крыльцо, увитое виноградными лозами, знакомое по фотографиям, с двух сторон – парные точёные балясины.

На верхней площадке Светлана Михайловна и Михаил Михайлович встречали гостей. Поднимаясь по ступеням, каждый из писателей представлялся. Когда подошла очередь Несветаева, он с пересохшими губами назвал себя. Михаил Михайлович коротким жестом тиснул руку и светло улыбнулся:

– Милости просим на ужин.

И он вошёл через двухстворчатую дверь. Слева от неё был коридорчик и комната, где хозяин и секретари принимали посетителей. «Здесь

читали мамино письмо », – растроганно подумал Несветаев. Женщица-распорядительница подсказала, что магнитофон лучше оставить в подсобке. Пока идущие впереди замешкались, он успел осмотреть депутатскую комнату. Мебель, пожалуй, изготовлялась в шестидесятые годы. Рабочий стол с тумбочками был подобен тем, которые ребёнком видел в правлении колхоза. Застеклённый шкаф у стены тоже скромен и старомоден. По всему, хозяин не любил менять обстановку.

Толпа поредела, и Несветаев очутился в ярко освещённой комнате, наполовину занятой овальным столом под белоснежной накрахмаленной скатертью. Он был сервирован на множество персон, уставлен сервизными тарелками с фруктами, салатами, всевозможными нарезками и деликатесами так плотно, что для рюмок и бокалов едва хватило места. С обеих сторон от входа высились шкафы, через стекло которых видны были всевозможные вещицы, подаренные писателю: поделки из стекла и дорогих камней, украшения, фигурки животных и человечков, каких-то божков. За спиной Несветаева стояли тумбы, на их верхних полках чернели композиции из скульптурок лошадей и конников, – чудесные образцы уральского чугунного литья. Они наверняка нравились хозяину, с малолетства искусному наезднику. В гостиную, где в левом углу стоял рояль, а возле окна красовалась в напольной вазе разветвлённая комнатная роза, набилось не менее тридцати человек.

С дальнего края стола, как и полагалось, сели почётные гости. А для остальных был расставлен ряд стульев вдоль стен. Каждый мог свободно подойти к столу. Неожиданно в комнате появился Петр Петрович Глебов. Актёр был всё тот же мужественный Григорий – только преклонного возраста. Шёл вдоль стола, прямо держа спину, с гордым отвалом головы. Время от времени щурил свои раскосого разреза, мелеховские глаза и баском разговаривал с приятелем в генеральской форме, с кем приехал.

По другую сторону стола, всех затмивши красотой, улыбалась Людмила Ивановна Хитяева. Перед его глазами промелькнули – Дарья Мелехова, Лушка Нагульнова, Клавдия Пухлякова. Две героини шолоховских романов и одна – калининского. Актрису называли «Казачкой Советского Союза». Наверное, свыше было предназначено ей, с броской «завлекательностью» и статью, синим взором и чертовски властным обаянием (как говорят станичники, «всё при ней, оторвиле») создать идеальный образ негибаемой и нежной, разбитной и любящей донской казачки. Несветаев, любуясь, поглядывал на эту оживлённо-весёлую, чуточку кокетливую богиню, трижды воплощённую в любимых киногероинях, и с трудом верил, что сидит с ней рядом.

– Что будешь пить? – наклонясь, спросил Саша. – Я – водку.

– Я тоже, – ответил Несветаев, ощутив прилив весёлости. – Такого праздника больше не будет.

Застолье открыл Михаил Михайлович. Внешне он очень напоминал отца: невысок, с широким лбом и тёмно-русыми волнистыми волосами; та же неспешная, осмысленная манера говорить, в голосе – знакомые интонации, то уверенные и спокойные, то лукаво-озорные. Выглядел он довольно моложаво, как и старшую сестру, Светлану Михайловну, никак нельзя было назвать женщиной пенсионных лет. Подвижная, принаряженная в белую кофточку, с живой мимикой, тоже похожа на отца, она часто улыбалась, и её открытое благородное лицо излучало приветное тепло гостеприимства, точно все собравшиеся были знакомы и близки. Только седина волос, зачёсанных назад, да вникающий взгляд умудрённого жизнью человека подтверждали её семидесятилетний возраст. Говоря о чём-то, Светлана Михайловна слегка двигала головой, то клоня на сторону, то опуская вперёд и, заканчивая фразу, испытующе устремляла на собеседника свой сосредоточенный, умный взгляд. «Господи, какие замечательные и сердечные люди! – неотступно думалось Несветаеву. – От родителей передалось всё лучшее. И простота, и жизнелюбие, и мудрость, и чувство достоинства».

Михаил Михайлович, открыв застолье, поблагодарил всех за память об отце и передал обязанности тамады главе района. Затем выступил Ганичев и провозгласил тост в честь юбилея Михаила Александровича. Водка была родниково-мягкая, классная, притом холодная. И сразу

же пошла «мелкими пташечками», а «не колом и соколом». Но даже после трех рюмок Несветаев не чувствовал хмеля, с неослабным напряжением и восторгом внимал тостующим. В стенах шолоховского дома все они сбросили напускную важность и чиновничью личину. Так в храмах пред Ликом Господа прихожане становятся такими, какие есть. И душа великого хозяина этого дома, несомненно, незримо витала в комнате!

Тосты множились, но Несветаев не прикасался к рюмке весь внимание происходящего вокруг. Ловил фразы, наблюдал, стараясь запомнить особенности вечера. Запало в душу, как читал свои стихи Чуев, каким прочувственным было слово Глебова, до дрожи взволновал рассказ Светланы Михайловны о том, как застала у могилы отца молящегося на коленях казака.

Настал черёд сказать своё слово Анатолию Знаменскому, представителю Кубани. «Неужели Знаменский? – от неожиданности у него зашлось сердце. – И он здесь?!» Не только Мосинцев встретился, но и автор «Красных дней», лауреат Государственной премии и премии имени Шолохова, единственный из делегатов, кто прочёл его роман. Книгу послал ему казачий подвижник Казмин и получил ответное письмо с доброжелательным отзывом. Даже дал заочно совет молодому прозаику, как продолжить сюжет. Он не совпадал с задумкой Несветаева. Однако само отношение человека, прошедшего гулаговский ад, тронуло и придало уверенности. И вот Знаменский в двух метрах стоит с рюмкой в руке,

рослый, солидный, при галстукe, и говорит веско, сжато, скользя взглядом из-под припухших век.

И спустя годы Несветаев не мог отыскать слов, способных передать ту атмосферу благодати, почитания и любви к Михаилу Александровичу, которая сблизила людей в гостинной шолоховского дома. Три часа озарения сердец слились в один незабываемый миг. Впоследствии, думая об этом, он не раз повторял: «Да, я там присутствовал, всё видел собственными глазами и до скончания века это счастье останется в душе».

Далеко за полночь покинули они с Сашей шолоховский дом. Свежесть ночи колко проникла под рубашку, окатил грустноватый дух доцветающей сирени. Только теперь Несветаев обнаружил с двух сторон дорожки ряды кустов, матово светящиеся увядающими кистями в озарении фонарей.

– Что скажешь, старик? – закуривая, взволнованно бросил Саша.

– Потрясающе! Нереальная какая-то история. Мы, никому не знакомые, кроме Аршака, провинциальные писатели, оказались в гостях у Шолоховых.

– Не надо уж так, Вовка. Да, вечер необычный, впечатлений множество. Но я, знаешь, невольно думал о нашем времени. К юбилею Шолохова «Литературная газета» опубликовала очередной грязный пасквиль. Да и другие «демократические» издания преуспели в очернительстве. Леонид Леонов мудро сказал: «Лучшие сорта лжи изготавливаются из полуправды». Даже в мире

ином Шолохов для них – идейный враг, «певец социализма». Жалкие лилипуты! Обидно, что к ним примкнул Астафьев. Время сотрёт нечисть, как мошкару. А Шолохов навсегда останется Шолоховым! – Саша отбросил сигарету и закурил новую. – Только представить, сквозь какие тернии пришлось ему пройти. Ничего нет жесточе предательства ближних и мести завистников. Ставил я себя на его место. Вот, скажем, отдал рукопись новой книги в издательство. А мне говорят: «Это не твои стихи» – «Докажите!» – «Ты присвоил тетрадку неизвестного автора и переделал его стихотворения». – «Докажите, едрёна мать!» – «Нет, это не ты написал...» Что это значит? Это значит – убить произведения и вместе с ними – душу их создателя. Что – я. Худо-бедно сочиню новые. А гений? Мало быть гениальным, надо при этом обладать несокрушимой силой воли и таким характером, как у Шолохова, выкованным в борьбе за правду. Понимаешь, он равен Святым!

– Для меня он и есть Святой... Но, как сказано, по Сеньке и шапка. Масштаб таланта и личности писателя – у всех разный. Нам уготована участь весьма скромная.

– Мыслить штампами члену Союза писателей негоже! Кто знает, какой Сенька и та ли у него шапка. Ты – автор самобытного романа о казаках, с размахом впервые показываешь их в годы Великой Отечественной. Первопроходец в этой теме. Тираж книги тридцать тыщ – ого-го! Сейчас даже классиков в таком количестве не изда-

ют. Так что присутствие твоё в доме Шолохова оправдано и закономерно.

– Сань, о чём ты говоришь? Это просто везение. Кстати, здесь и Анатолий Дмитриевич Знаменский. Он читал мой роман. И отнёсся к нему одобрительно.

– Вот видишь! Да мы и не напрашивались. Нас позвал Ганичев.

– Черт возьми, может, это во мне самолюбие так бушует, прямо-таки поднимает над землёй? – с иронией проговорил Несветаев и нарочито встревожился. – Честное слово, сегодня – именины сердца. Глянь, крылья у меня не выросли?

– У мужиков вырастают только рога! – подыграл Мосинцев, и оба расхохотались. На переулке условились встретиться завтра (верней, сегодня) и разошлись по сторонам.

Несветаев приблизился к дому, где квартировал, – и пошёл обратно. Свернул в темноту, под деревья. Углом падал свет от фонаря на ветку ясеня, просвечивающую тонкими листьями. Он опёрся спиной о ствол и запрокинул голову. Небо открылось, точно с глубины колодца, – тёмной поляной, сплошь засеянной разноцветными крупинками звёзд. И только одна из всех была значительно больше и ярче других, переливалась голубовато-зелёным самоцветным блеском.

У открытой форточки густо трубил носом Михалыч, никак не отзываясь на атаки налетев-

ших в комнату комаров, а он, с головой укрывшись пододеяльником, лежал в сладкой полудрёме, не в состоянии унять объявшего волнения. Мысли шли горячим потоком. Он заново переживал счастливые мгновенья вечера, казавшегося теперь до обидного слишком коротким. Мелькали лица, всплывали в памяти отдельные сценки. Присутствие на празднике Знаменского невольно добавило ему уверенности. Он должен завтра подойти к нему, познакомиться, поблагодарить за добрый отзыв...

О многом думалось в эти минуты. Вспомнилась Дарьевка, родители, которые бы разделили с ним радость, если б находились рядом. И он твёрдо решил на обратном пути заехать в свой хутор. Шемяще заныло сердце, затосковало по маме. И он снова, как возле депутатской приёмной, вспомнил о её письме, направленном Шолохову. Неостывшее волнение в душе многое воскресило в памяти, перенесло в давнее студенческое лето, в солнечную молодость...

Июльского солнца много было в степи и садах, и дни, до краёв наполненные им, давали силы и неукротимую энергию, светились зрелыми пшеничными полями вокруг и манили мечтой о скорой встрече с красавицей, в которую безумно влюбится, а она ответит взаимностью. Есенинская строка: «Не жаль мне лет, растраченных напрасно», – тогда совсем его не волновала. Легкодумно и славно мечтать в двадцать лет, когда тебе не о чем и не о ком жалеть!

В его распоряжении оказалась целая начальная школа. Большой зал с четырьмя огромными окнами и два класса. Двери из квартиры в школьный коридор летом были распахнуты, и перемещался он по всему зданию, как полноправный хозяин. Каждый в семье условно занимался своим делом. Отец управлялся в саду и на огороде, заготавливал сено и пас коров, когда подходила очередь их двора. На плечах мамы, кроме приготовления еды и стирки, лежали обязанности домашней доярки и уход за птицей. Но они всегда помогали друг другу, и такой порядок был незыблем. Радуюсь долгожданному приезду сына, родители редко привлекали его к работе, и отдыхал студент Несветаев в родных пенатах барином, «витая в эмпиреях», сибаритствуя и увлекаясь тем, что велела душа.

А душа восторгалась голосом Ободзинского, и диск-гигант с его записями часами кружился на проигрывателе радиолы. Несколько песен кумира он разучил и подобрал аккорды. Закрыв двери в квартиру, укрывшись в дальнем классе, чтобы не слышали, драл глотку до тех пор, пока тенор его не становился петушиным.

Следом садился кропать тексты, чтобы отправить их самому Григорию Пономаренко. Помытый листик, на котором известный композитор начертил свой волгоградский адрес, напоминал о знакомстве с ним после творческой встречи минувшей осенью. Смелость, которая толкнула к музыканту, увы, скоро иссякла. Терзаясь сомнениями, что стихи плохи и не годятся для песен,

он сделал несколько неудачных попыток и остановился. Теперь же, на каникулах, искушённый надеждой, что Пономаренко может написать песню на его текст, взялся за старое.

Упорно складывал строки и напевал их под бренчанье шестиструнки, не обращая внимания на случайные мотивчики. Иногда казалось, что неплохо. Но уже через час, досадуя на себя, находил недостатки и перемарывал. Нет, не то! И, охладев к безуспешным покушениям прославиться, твёрдо усвоил, что выжимать из себя строчки, не рождённые в сердце, – занятие совершенно бесполезное.

И тогда брал в руки «Тихий Дон», перечитывал запойно и жадно, словно прозревая, заново открывая для себя героев, проникаясь их страстями, восхищаясь ярким, образным языком, от силы и великолепия которого наворачивались слезы. Несколько абзацев и коротких диалогов он выучил наизусть. И, повторяя про себя, упиваясь музыкальной стройностью и отточенностью фраз.

А в самую жару, по обыкновению, катил на велосипеде купаться, а когда возвращался с речки, то таскал воду из колодца, переворачивал вилами разбросанное по двору подсохшее сено, на днях привезённое отцом, дурманящее истомой разнотравья. Бывало, в одном трико, с голым торсом, выходил на площадь поить водой или разбавленной скотиной пасущегося там телёнка.

Как-то, шагая к своему рыжему игривому дружку с ведром, он увидел, что на углу площа-

ди, у ворот Веретельниковых, остановился белый «Москвич», из которого выбрались две девушки. Успел заметить, что обе стройны и привлекательны. Их встретил дед Василь. Оживлённо разговаривая, проводил во двор, а хозяин машины задержался, доставая из багажника чемоданы. Несомненно, приехавшие останутся ночевать, и, возможно, придут на танцы.. Как никогда тщательно собирался он в клуб. Бреясь, разглядывал себя в зеркале: вполне современный парень, пусть волосы не густы, зато золотистого оттенка и вьются, глаза тёмно-карие, с живым блеском. Чем не жених! По такому случаю, надел светлые брюки и цветастую сорочку, умыл щёки одеколоном «Самсон».

Из дверей клуба доносилась «Алёшкина любовь». На ступенях и примыкающем к ним деревянном помосте уже курили местные парни. Среди них был и Петро, учившийся в ростовском техникуме. Он был явно возбуждён.

– Слушай, тут появились две чувихи. Я у них разузнал. Они к деду приехали. Обе – Таньки. Одна приехала из Подмосковья, другая – из Новошахтинска. Снимем?

– Давай, – ответил он, не задумываясь, как и полагается мужчине.

– Идём!

Но, оказавшись в зале, сразу понял, что у них достаточно серьёзные конкуренты из Болдыревки. Витька Яценко, остроразговорчивый и наглый симпатяга, и Лёшка Недвига, приземистый силач, с пудовыми кулаками. С обоими он играл в фут-

больной команде колхоза и знал, как жёстко вступали они в единоборство с соперниками.

– Какая – твоя? – примериваясь взглядом, кивнул Петро.

– Та, что ниже. Светловолосая, – ответил он, чувствуя, как замерло в груди. Он не ошибся, девушка была прелестна. Миловидное лицо, с привздёрнутым носиком, большие, подведённые тушью серовато-синие глаза, пухлые, в яркой помаде, губы. Невысокую, с прямыми плечами фигуру украшало голубое платье выше колен, золотая крупная цепочка. Белесые, словно выгоревшие на солнце волосы, были пострижены мастерски, едва прикрывали маленькие уши.

– А я люблю брунеточек. Наши интересы удачно разошлись, – шутливо сказал приятель и решительно двинулся к танцплощадке. У стен толкалась молодёжь и залётные ловеласы из ближних сёл. Каждое лето, приезжая на каникулы, он замечал прибавление девчонок на танцах, и сейчас среди новеньких были очень привлекательные. Болдыряне опередили их, пригласив танцевать именно Танек. И, по всему, без обиняков начали их «кадрить».

Однако с окончанием песни «перехватчики» сразу кинулись к нему. Витька, высоко вскидывая для приветствия руку с растопыренными пальцами, кривя рот, хохотнул:

– А кого я бачу! А що це такэ?! – запричитал по-блатному, сдавив ему ладонь своей железной лапой. – Здорово, голкипер! Давно приехал? Слыхал, на врача пошёл?

– Ну да. В мединституте.

– Не нукай, кобыла сдохла, – с пьяной фамильярностью оборвал Недвига. – Привет, кореш! А ты лысый скоро будешь, Несвя... Сильно много думаешь?

– Надо обмыть встречу! – буквально потребовал Витька. – Мы тебя, Вовка, до сих пор вспоминаем. Как ты брал пенали и смертельные удары! Прикинь, а сейчас в команде неким ворота закрыть.

– Несвя, я тебя уважаю! Ты себя не жалел, мяча не боялся... Хочешь самогона? У нас – крепче водяры... Видишь, вон две тёлки. Заберём на мотоцикле покататься, – и Лёшка пояснил матом, для чего.

– Они что, согласились? – сдерживая волнение, спросил Несветаев.

– Уломаем.

– Пока не признаются, как их зовут, – выругался обозлённый Лёшка. – Строят из себя... Правильно, Витёк, от нас никуда не денутся.

И Несветаев моментально сообразил, как поступить. Он вышел с ними из клуба, зашагал к частоколу, у которого стоял «ИЖ» с коляской. Однако тут же вернулся, будто для того, чтоб отдать приятелю зажигалку. А сам рассказал обо всём Петру, чтобы он предупредил и увёл Танек.

Болдыряне, добавив самогону, стали ещё агрессивней. Они были старше, отслужили в армии, успели завестись семьями и разойтись, оставив каждой жене по ребёнку. И теперь рыскали вечерами по окрестным селеньям в поисках

«невест». Витька устроился экспедитором, а Недвига работал на тракторе. Оба собирались на стройки в Сибирь. Когда Лёшка разливал самогон по гранёным стаканчикам, а дружок присвечивал зажигалкой, Несветаев украдкой смотрел на часы. И как только дуrolомы порывались в клуб, напоминал о прошлых матчах. Больше говорить было не о чем. И бывшие одноклубники загорались, наперебой хвастали один перед другим.

Нагрузившись вконец, Лёшка потребовал, чтобы «дружбан дёргал» домой. Тот согласился, нашарил в кармане ключ, вставил в замок зажигания и долго заводил мотоцикл, соскальзывая туфлей с ножного рычага. Проводив гуляк, в сущности, не таких уж плохих парней, бесцельно спивающихся в сельской глуши, он посмотрел им вслед и без особой радости вернулся в клуб. Ни Петра, ни Танек в нём не оказалось. Поспешил к подворью Веретельниковых, но и там было тихо. Вечер прошёл впустую...

7

Разбудили его громкие женские голоса и залистый лай Шарика. Было позднее утро, судя по короткой тени осокоря. Он глянул в окно: во дворе стояли соседки, Валентина Акименко и Таиса Курбатова, обе крепкие, полнотелые, и о чем-то разговаривали с мамой. Лица их были недовольны, жесты – отрывисты. Он быстро оделся и вышел на крыльцо. Поздоровался, хуторянки в ответ лишь кивнули и продолжили жаловаться.

– Ни с того ни с сего! Кто-то отменил рейс – ему и байдуже, – чеканила Таиса. – По телевизору Брежнев говорит, надо заботиться о людях. А у нас – наоборот. Сколько лет ходил автобус, всем хорошо было, а теперь – дядя ручкой помахал.

– Мы с мамкой, Раиса Петровна, с базара только и живём, – с сердцем призналась Валентина. – Деньги в колхозе выплачивают, как когда получится. А что на них купишь? Надо и детей обуть-одеть, и к школе подготовить, и себя не обидеть. Вот и возим продукты на базар, кормим шахтёров. А где теперь продавать? Чистое издевательство! Не знаем, к кому и обратиться. В райком чи райисполком?

– Да там скажут: уборка началась, не до ваших проблем, – возразила Таиса, поправляя светлую косыночку. – Песня будет долгая... Раиса Петровна, вас как депутата сельсовета просим заступиться.

– Думаю, надо обратиться к Шолохову, – проговорила мама с такой уверенностью, что обе казачки посветлели лицом, выпрямились. – Я сегодня напишу письмо. От сельского депутата – депутату Верховного Совета. В любом случае, так будет быстрее. Пока пройдет наша жалоба по чиновничьим инстанциям, – снег выпадет.

И мама отправила письмо.

До самых потёмков он маялся, думая о светловолосой Татьяне. Но танцы в этот день не состоялись. Прождал Петра больше часа и с досадой побрёл ко двору Веретельниковых. Там и обнаружил всех троих. Подошёл к лавочке, здороваясь, но места

на ней больше не было. Минут десять торчал как пень, слушая болтовню товарища и подмосковной Татьяны. Похоже, у них дело клеелось. Петро сам догадался, порывисто встал и сказал:

– Мы ходим за белым наливом, а вы тут познакомитесь, – и весело намекнул: – И всё прочее... Нас не ищите!

Несветаев деревянным сел на деревянную лавку. Смешался, не зная, с чего начать разговор. Молчала и Татьяна. Волнение росло, и он спросил первое, что пришло на ум:

– Вы надолго приехали?

– Почему – «вы»? Давай сразу на «ты», – мягко, но капризным тоном возразила девушка.

– Я имел в виду вас обеих.

– Меня Таней зовут, а тебя – Володей? Я пробуду у деда, пока не заберут. А Танька – недели две... Петька тебя расхваливал. Ты, правда, стоматологом будешь? И на гитаре играешь?

– Второй курс закончил. Занимаюсь ещё литературой. А ты?

– В Новочеркасске учусь, в торговом техникуме. Тоже второй закончила. А книжки не люблю. Лучше – музыка. Принеси гитару! А я пока переоденусь, – распорядилась девушка и пружинисто встала. – Ты далеко живёшь?

– Близко.

Таня проскользнула в приоткрытую калитку и растворилась в сумраке дедова двора, затенённого абрикосом. Он вскочил, в суматохе ринулся домой. Вернулся раньше, чем было нужно. Долго

ждал. Таня вышла. Дурманищий запах духов от её кожи ударил в голову. Спортивный костюм она поменяла на батник и короткую юбку. «Это она для меня, – возбуждающе отдалось в душе. – На аромат акации похоже...» Вблизи лицо её, слабо освещённое лунным светом, было различимо – оно было загадочным и красивым, чуточку кукольным.

– Ну, я слушаю.

– А какие ты любишь?

– Разные.

– Может, Ободзинского?

– Да пой же, чудик! – с ласковой усмешкой бросила Таня.

Он спел одну, вторую. Таня внимала безмолвно. Он предложил из репертуара Антонова. Потом рискнул даже на псевдоиспанском (списал слова на слух с пластинки) исполнить песню Рафаэля. И чем больше старался, тем чаще она почему-то усмехалась. Наконец снял с колен гитару и поставил на землю, прислонив к дощатому забору.

Таня повернулась к нему, обволакивающе тихо проговорила:

– Мне понравилось. Хочешь, я тебя поцелую?

Он подался к ней, обнимая за плечи. Прелестница умело подставила упругие, скользкие от помады губы. Поцелуй вышел короткий и неудачный. Он смутился, удерживая её в руках. Но она, передёрнув плечами, отстранилась и выскользнула.

– Ты не умеешь, – заметила насмешница, и в голосе её прозвучала нотка разочарования. И

тут же, глядя ввысь, точно испугавшись, она воскликнула: – Смотри, какая луна! Луница!

– Спутница поэтов.

– А я боюсь её. Говорят, там собираются души умерших людей.

– Мало ли что говорят. Доказано учёными, это – полная чушь.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно серьёзно.

– Тогда сядь ближе и крепче обними. Я научу целоваться...

Возвращался домой он в предутренний час, хмельной от огромного счастья. До последней близости не дошло. Но он впервые в жизни пребывал так долго в сумасшедшем экстазе поцелуев и ласк женщины. Ступал по тропинке, слыша запевки кочетов и позванивание струн гитары, висевшей на плече, а разгорячённые руки и опухшие губы ощущали влекущее тепло и запах бархатистой девичьей кожи, знобящую бездну слившихся уст, звериную дрожь при касании её бёдер и колен. Мысли были точно отуманены, не хотелось ни о чём думать, он был выхолощен, дотла сожжён этим взрывом первой любви. Она завладела им, явившись в тысячу раз сильнее и прекрасней, чем воображал.

И следующий лунный вечер сомкнулся с розовым отсветом зари, превратив ночь в чудесное забытё. Правда, на этот раз она уже разрешила целовать грудь, хотя сама была сдержанней и пресекала все его попытки предпринять решительный штурм. С неуголенным гулом тела рас-

стался он с Таней, почему-то развеселившейся и пославшей ему воздушный поцелуй. Обессиленный, как в бреду, доплёлся он домой. На столе в школьном зале мама оставила двухлитровый баллон молока, банку мёда и хлеб. Молоко он выпил без остатка, съел полбулки и несколько ложек мёда. В полумраке пробрался к своему диванчику и, рухнув как подкошенный, уснул моментально.

Уже опытным парнем, как наивно полагал, отправился он на третье свиданье, не взяв гитары. Песни, безусловно, отвлекали. Он решил прочесть ей свои стихи. Как условились, подошёл к дедову дому. Стал ждать. От палисадника исходил нежнейший аромат белого табака.

Спустя полчаса встревожился. Но беспокоить стариков постеснялся. Сердцем, всем нутром ощутил, что Тани нет в доме. В клубе – выходной. Значит, уехала... Он, свернув на площадь, остановился, пристально взглянул на луну, вспомнил слова о ней Тани. Всё вокруг напомнило минувшие ночи. Сердце стеснило тягучей тоской от внезапной потери. Мелькнуло в памяти, как Григорий, похоронив Аксицию, увидел над собой чёрное солнце. С дрожью он снова уставился на луну, полную, накалённую до предела, палящую глаза, и почудилось вдруг, что ночное светило тоже почернело, и расплылось по всему небу...

На другой день заехал на велосипеде Петро, передал записку. Таня жаловалась, что отец забрал её неожиданно. Дала свой адрес. Фамилия у неё оказалась редкая – Репях. Внизу тетрадного листа гармошкой растянулись каракули: «Пиши

и спеши, мой ангел души!» Эта стандартная приписка его почему-то задела. Ни одного ласкового слова. Может, постеснялась чужих глаз? Но почему-то осталось чувство, словно его провели. Однако он не стал тянуть. Вечером написал исповедальное послание, полное печали и любви.

7

Пошла вторая неделя с отъезда Тани, но ответа не было. Благо, отвлекла его свадьба Шурки Кожуховского. Известный хулиган в районе, он был старше лет на шесть, прославился драками, воровством и арестами на пятнадцать суток. После неведомых скитаний парень возвратился в хутор, работал на тракторе. И в тот день на своём «железном коне» подкатил прямо к плёсу, где находился пляж. И хотя темнела на нём в масляных пятнах рубашка и отдавали соляжкой штаны, напоминал Кожух походкой с развальцем, вытянутым туповатым лицом, с седловидным носом и сизыми глазами в глубоких глазницах, настоящего киношного урку. Почему же киношного? И на самом деле он якшался с уголовниками. Однако, возвратившись полгода назад в Дарьевку, вёл себя тихо, танцы не посещал, нигде не дебоширил.

Шурка закурил папиросу и приблизился к нему.

– Здорово, студент прохладной жизни. Загораешь? – пробасил, делая затяжки и струйками пуская дым через широкие ноздри. – Дело магазинное. В субботу буду я жениться. Нужен дружок. Выручи, Вовчик!

– А где будет свадьба?

Шурка сбивчиво обо всём рассказал.

Сбор назначили в шесть утра у старинного курения Кожуховских, единственно сохранившегося в хуторе. И как только подросли хуторянки, сразу отправились в путь. В кабину грузовика, ведомого Виктором, человеком семейным и надёжным, забралась мать жениха, тётка Мария, последняя из казачьего рода Батуновых. А виновник торжества, в темном костюме и белой рубашке, с белой же вощёной розочкой на лацкане, и гости: дружок, Петро, баянист дядька Иван и три свахи – утнездились на дощатых лавках кузова. Город Константиновск, прежняя одноимённая станица, находился километрах в ста пятидесяти. Свахи поначалу расспрашивали Шурку про невесту Любу, где познакомились, работает она или учится, что представляют собой её родители. Выглядели они деловитыми, обсуждали, как вести себя и в какой последовательности что надо делать. Но спустя час, пока грузовик пылил по ухабистому просёлку, трясся и немилосердно подбрасывая их на досках, настроение поменялось. Улыбки померкли. Солнце встало в полдуба, уже припекало.

Но едва вырулили на автостраду, как машина помчалась веселей, воздух взвил концы косынок, желанно овеял потные лица. Разнообразный степной пейзаж в августе: жнивья с копёшками, поля кукурузы и подсолнухов, золотящихся до горизонта, отливающие смолой вывернутые пласты пашен, бугры с выгоревшей травой, скульптур-

но замершие на телефонных столбах коршуны, блюдца обмелевших прудов, сизо-белесая щетина молодой полыни – всё, что попадалось на глаза, рождало грусть. Полынно было на душе и у него, думающего о Тане.

И вдруг дядька Иван развёл меха! Заиграл казачью, общеизвестную в хуторе. И три свахи, видные, грудастые, молодайки в самом соку, подхватили:

Скакал казак через долину,

Через кавказские края...

Несветаев вместе с баянистом, точно кто-то их подтолкнул, вступили слаженно:

Скакал он садиком зелёным.

Кольцо блестело на руке.

Кольцо казачка подарила,

Когда казак шёл в поход.

Она дарила, говорила:

«Твоя я буду через год».

Вот год прошёл. Казак стрелою

В свою станицу прискакал.

Навстречу шла ему старушка,

Такие речи говоря:

И опять трепетно слились одни женские голоса:

«Напрасно ты, казак, стремишься,

Напрасно мучаешь коня.

Тебе казачка изменила,

Другому сердце отдала».

Последний куплет вновь громко грянули хором:

Казак колечко золотое

С руки своей тогда сорвал

И бросил с берега в Дон милай,

И в чисто полюшко умчал...

Его, исполняющего роль «дружка», удивило, что в присутствии жениха сразу начали петь про девичью измену. Но, разогнавшись с этой невесёлой песни, залпом перебрали популярные, современные. Уже минули Шахты, осталось меньше половины дороги. И Валентина Акименко, главная певунья, предложила «для настроения» по рюмке самогона. Достали из сумок пирожки, сальцо, духмяные, только что сорванные помидоры, тугие пучки перьев лука. Дядька Иван, выпив, заметил:

– На воздухе хорошо пошла!

– А за столом – проскользнёт! – шутливо отозвалась Нина, жена шофёра.

– Лишь бы настроение было, – подтвердила Ольга, самая молодая из свех, от которой сладковато пахло пудрой, и озорно заулыбалась: – Правда, Володечка?

Он смущённо зарделся, кивнул в ответ.

– Ты будь смелей! – стала наставлять Ольга. – Когда будешь невесту покупать, смотри, не уступай в цене, предлагай только мелкие монеты. А того, кто будет торговать ею, силой со стула спихни, а сам сядь. Невесту захватить надо! На свадьбе, чем наглей, тем лучше.

– А если что, Ольга подскажет, – двусмысленно пошутил Петро.

– И научу! Откуда ему знать обычаи? Он только на лавках девок забавляет...

Опытные бабы приснули, а он от растерянности промолчал, разоружённый насмешкой. Да, в хуторе нигде не спрячешься. Сарафанное радио обо всём разузнает и разнесёт.

– Вовка, ещё одно дело, – покосился Шурка. – Дед Любкин упёрся, настоял, чтоб я подъехал к хате на коне. Такое у них правило. Сегодня у меня не получится, я – в новом костюме... Тебе как дружке придётся.

– А что за конь? Чей? – поинтересовался дядька Иван.

– Сказали – смирный.

Ровно к двенадцати добрались. Двор невесты ютился на крайней улице, поистине станичной, а не городской. Присевшие курени и дома поновей лепились друг к другу, за огородами сквозила прибрежная низина, заросшая камышом и бурьянистой травой, в отдаленье паутиной сплетались мелкие ерики, убегающие к Дону. На прогулке машину жениха остановила баррикада из пустых бочек и брёвен. Человек семь празднично одетых казаков и детвора чинно встали преградой. С ними начали переговоры языкастые приезжие свахи, кокетничая и всячески стараясь понравиться, они изошрялись в шутках и похвалах, пока преувеличенно строгие стражники не согласились отведать угощения. Бутыль самогона, гранёные стаканы и малосольные огурчики пошли по рукам.

Тем часом молодой черноволосый цыганок в коротких штанах и расстёгнутой сорочке неопределённого цвета, лохматый, как нестриженный пудель, подвёл кобылу неопределённого окраса. На этой кривоногой кляче, вероятно, скакали ещё царские фельдъегеря. Мало того, что из-под вислой губы выступали стёртые жёлтые зубы, выказывая миру редкую долгожительницу, была она, как пояснил хозяин, слепа на один глаз, а передвигалась так, как ей заблагорассудится: когда шагом, когда рысью, а порой – иноходью.

– Не бойсь! – подмигнул черноокий ухарь. – Проедешь – бутылку поставишь!

– А почему вместо уздечки бельевая верёвка? И стремяна на бельевой верёвке, тудыть твою мать! – возмущался дядька Иван, осматривая кобылу. – А подпруга из ремня, что ли?

– Ага! Угадал. Ничего, она умная, довезёт до двора, – равнодушно сбrehнул цыган. – Дайте закурить! Уши пухнут.

– Как ты на ней ездешь, разгильдяй?!

Баррикаду разгородили, и дружке пора было во главе жениховой родни выезжать на коне. На голову Несветаева надели казачью фуражку с красным выгоревшим околышем, перевязали плечо пёстрым полотенцем. Он с детства не садился на лошадь. Но изловчился, всунул остроносоую туфлю в стремя, опёршись, перебросил другую ногу через спину лошади и – очутился в седле. Она пошатнулась на всех своих четырёх. Цыган передал ему в руки поводок, бодро крикнул:

– Пошла, Зинка!

Кобыла, услышав своё имя, закосила голову и переступила передними ногами. Несветаев рванул поводок, стукнул по тощим бокам коленями. Зинка сдвинулась с места и круто развернулась, артачась, не слушая команды всадника, метнулась в противоположную от хаты невесты сторону. Он сразу понял, что с одной стороны поводок оторвался, и лошадь стала неуправляема. Сжался, прирос к костистой шее. Взбесившись, лошадь неслась галопом, точно на скачках. Временами давала задки, стараясь сбросить чужака. Он обеими руками держался за гриву, упирался в стремя. Кончились дома, потянулась балка. Дико заржав, кобыла слетела по скату вниз, не оставляя попыток освободиться от наездника. Вскоре вымахнула на берег речушки и вброд пересекла её, с ног до головы окатив всадника. Город отдалялся...

Зинка выбилась из сил в глубине низины, когда бурьян стал елозить по брюху. Сначала захромала, потом стала как вкопанная. Он, с трудом веря, что опасность минула, слез, обследовал сбрую. Лопнула старая сопревшая верёвка. Он взял её за нащёчный разболтанный ремень и потянул за собой. Кобыла захромала, едва переступая ногами, проваливаясь местами в ил. Тут только он хватился, что с головы слетела казачья фуражка...

В балке отыскал свою Зинку бесшабашный цыганок. Объяснил, что заготавливал раньше тут сено и догадался, кудахватила лошадь. Предложил даже сесть на своего рыжего жереб-

ца, с настоящей сбруей и под отличным седлом, но Несветаев наотрез отказался. Пошёл в город, как под конвоем арестант. Спустя час доковылял, грязный и мокрый, страшной лешего, к подворью невесты, где на два голоса заливались баян и гармошка.

Свадьба была в разгаре. Обязанности дружки в безвыходной ситуации принял Петро, и по всему, преуспел в этом. Приключение с «унесённым кобылой» знали уже все гости. И появление его во дворе вызвало интерес, многим захотелось увидеть «героя». Но помог попавшему в переплёт гостю, как истинный казак, брат невесты. Привёл к себе домой. Дал мыло и полотенце, показал надворный душ с бочкой на крыше. Пока гость мылся, подобрал ему из своего шифоньера вполне сносную одежонку. А испачканные, отдающие болотиной вещи бросил в мешок и завязал узлом – дома приведёт в порядок.

Гуляли допоздна, пока могли держать ноги. Несветаев, прослышав отчаянным парнем, тоже изрядно выпил, подтягивал поющим бабам и выплясывал. На обратной дороге, сидя рядом с Ольгой, обнимал и назначал ей свидание. Та вначале смеялась, а затем резко сдёргнула руку с талии и сразила вкрадчивым шёпотом: «А что скажет Раиса Петровна? Как я твоей матери в глаза посмотрю?» И он унялся. Малость протрезвел. Покаянно вспомнил о Татьяне...

До отъезда в Ставрополь надеялся, что получит от неё письма. И наконец в предпоследний день увидел в окно, как почтальон вместе с газе-

тами подал отцу конверт. Он стремглав сбежал по ступеням крыльца. Отец успел вскрыть конверт и, держа в руке кипенно-белый лист, читал письмо! Встретив испытующий сыновний взгляд, произнёс подчёркнуто уважительно:

– Маме – от Михаила Александровича Шолохова. Автобус из Новошахтинска будет ходить через Дарьевку. Вот видишь, сынок, что значит великий писатель. Он живёт чаяниями людей.

На крупном конверте стояло клише депутата Верховного Совета СССР. В этот же день, всем на удивление, в хуторе появился новошахтинский автобус. И водитель ЛАЗа расспрашивал у хуторян, кто у вас такой важный, что знает Шолохова? Дескать, из Вёшенской позвонили в горком партии, директору автовокзала дали нахлобучку. Обошлось.

Писем от своей возлюбленной он не дождался.

Но ровно через год, здесь же, в хуторе, встретился с ней, и оба с разочарованием поняли, что они – разные. Татьяна призналась, что ей пора замуж, а он промолчал. Дальнейшее представлялось ему, студенту-поэту, совершенно иначе, по-лермонтовски: «Я ищу свободы и покоя».

8

Телевизионщики поднялись рано, громко галдя, стали собираться, завтракать. И держались отчуждённо, вовсе не замечая коллегу. Впрочем, и он не обращал на них внимания. Несмотря на короткий сон, чувствовал себя бодро и собранно.

То огромное, завладевшее душой волнение, которое пережил вечером, не остывало в ней.

С трепетом вошёл одним из первых в дом-музей Шолохова, теперь уже обычным посетителем, как только минуло восемь утра. Экскурсовод, собрав группу, повела по уже знакомому маршруту. Он переходил из комнаты в комнату, узнавал интерьер и обстановку, и ему казалось, что это уже виделось ему в чудесном сне, примечал и новые подробности, ускользнувшие вчера от глаз. Всё было убрано, чистенько и опрятно. И непрошено тронула сердце грусть.

Оторвавшись от экскурсовода, он поднялся по лестнице на второй этаж, наобум двинулся дальше и угодил в солнечный писательский кабинет. Ближе к стеклянной двери на балкон, притягивая взгляд, стоял прочный шолоховский стол. Несветлев почувствовал себя так, как если бы молился перед алтарём. В глазах задрожали слёзы. Он порывисто приблизился и на миг приложил ладонь к тёплой столешнице. И тепло её передалось руке, как при рукопожатии...

В десять утра всеохватным песенным пожаром полыхнула по станице «Побудка» – народное гуляние. Оно захватило прибрежный бульвар и центральные улицы. Вдоль них ярмарочно раскинулись палатки с прилавками, окружёнными клубными артистами в казачьих нарядах. У каждой торговой точки – трафарет с названием района. И, судя по их количеству, торгово-артистические бригады прибыли со всей Ростовской области У Несветаева разбегались глаза от много-

людыя и красочных нарядов, закладывало уши от немолкаемого гула и рокота толпы.

Неподалёку от шолоховского дома установили из досок и фанеры сценический постамент. Задник его сплошь украсили метёлками ковыля, соорудив в сочетании с российскими и казачьими флагами необычайно красочное панно. Сменяя друг друга, на сцену поднимались хоры, певцы и танцоры, баянисты и балалаечники. В перекличку с ними вступали фольклорные ансамбли, зазывая к своим палаткам. Большинство в них составляли казаки и казачки далеко не молодых лет. Донцы не просто пели, а «играли» под гармошку ли, без неё, но всегда самозабвенно, – будь песня страдательная или шуточная. Голоса звучали по-разному, то ярко и довольно звонко, то коряво и невпопад. Но Несветаев не мог оторваться от старинных песен, звучащих точно так же, как в исполнении дедов. В них было множество диалектных слов, повторов по несколько раз строк, танцевальных пауз и речитативов. Казалось, что станичники на ходу импровизируют, как бы забавляют самих себя, вольничая, словно на свадьбе. И Несветаев вдруг осознал, что они, действительно, не помышляют, какой эффект произведут на зрителей. Они всецело существуют в песне, в её лучезарной радости или боли...

Он записал интервью с артистами самодеятельности и гостями «Шолоховской весны». Принимая приглашения, бесплатно отведал домашней колбаски, буженины, сомятины, бочковых яблок и самогонки в нескольких палатках, ходил

безостановочно по станице, – от православного храма до здания районной администрации, где по-прежнему «дежурил» пролетарский вождь Владимир Ильич, пока ни настало время открытия памятника «Григорию и Аксинье».

Спустился к Дону. Перед набережной обнаружил причаленный паром, оборудованный под плавучую сцену. Из планок и панелей на ней была установлена конструкция в виде раскрытой книги, с юбилейной датой писателя. С правой стороны открылась знакомая скульптурная композиция, которая находилась в Ростове на левобережье Дона. Посчитал, что это – копия ростовской. Но за натянутой красной ленточкой, как сказал ему один из чиновников, хлопотавших на берегу, было оригинальное творение, перевезённое сюда в целях лучшей сохранности и по просьбе земляков писателя.

Шестиметровый бронзовый монумент тёмной окраски выглядел как будто внушительно. Григорий, восседая на коне, перегораживая тропинку, сверху смотрел на Аксинью, несущую воду. Несветаева вновь огорчила неестественность в изваянии Аксиньи. Странно, что скульптор, выросший в селе, ошибся или позабыл, как женщины носят на коромысле полные вёдра, иначе бы его героиня не взялась за подол юбки рукой. Во-первых, непонятно для чего она это делает. Во-вторых, коромысло, с полными балансирующими вёдрами, всегда располагают параллельно плечам, придерживая с двух сторон. Именно так, как показано в герасимовском кинофильме.

Спускается Акси́нья к Дону с пустыми вёдрами, держа коромысло на одном плече, а поднимается в гору, как бы обнимая его обеими руками. Впрочем, на это мало кто обращал внимание.

Между тем у монумента собралась тьма народу. Одной группой, все вместе пришли чиновники, автор композиции Можаяев, писатели, актеры Глебов и Хитяева. Они встали перед красной лентой, их встретили аплодисментами. Глава района начал речь. И в этот момент по спуску вихрем слетела чёрная «Волга», блестя никелем решётки мотора и дверных ручек, и, описав дугу, остановилась на набережной. Все невольно обратили на неё внимание. С двух сторон отмахнули двери, и из машины выскочили два рослых казачьих генерала. На вид обоим было за сорок. Только один из них был в зелёном мундире и покрыт синей фуражкой, маячившей огромной кокардой. А другой красовался в синем мундире и покрыт был зелёной фуражкой. Шаткой походкой, с красными улыбающимися лицами, озираясь по сторонам, они врезались в группу представителей лиц и по очереди гаркнули: «Здравия желаем, братья казаки!» Видимо, забыв или не совсем понимая, где они находятся, казачьи генералы стали приобнимать близстоящих женщин. Их попытки решительно пресекли. И атаманы утрюмо застыли в молчаньи.

– Кто это? – спросил Несветаев у стоящего рядом казачьего офицера, с погонами подъесаула. Чернобровый удалец, не поворачивая головы, насмешливо ответил:

– Наш атаман Всевеликого войска Донского, а тот, что в зелёном мундире, – Верховный атаман казачьих войск России.

– Назюскались с утра. Стыдоба! – презрительно проговорила молодая станичница, державшая его под руку, очевидно, жена, – смуглая красавица.

– Какое там с утра, Люся... Они второй день не просыхают, – возразил муж и со вздохом пригладил усы.

Когда Глебов и Хитяева перерезали ленточку, Несветаев сделал магнитофонную запись, комментируя происходящее у него на глазах. С набережной шёл вместе с Аршаком, говоря об их приятеле, поэте Леониде Казьмине. Земляк, давно уже ставший москвичом, попросил передать ему привет при встрече. А затем, не скрывая волнения, Аршак прерывисто спросил:

– Ты знаешь, что Примеров повесился?

– Боря? – выдохнул он, онемев.

– Три недели назад. Оставил записку. Написал, что позвала к себе Юлия Владимировна Друнина. И о том, что не может жить в стране, где правит банда.

– Ужасно. Большой поэт... Талантище! Мы в девяносто первом жили в соседних номерах, в Переделкине. Какая потеря для русской литературы!

– Ты потерял поэта, а я – самого близкого друга. Мы с ним из одной ростовской обоймы. Два года назад не стало Бориса Куликова, теперь – второго Бориса. Сиротой я остался, Володя! – эмоционально вскинув к небу руки, сглотнув слёзы,

воскликнул Аршак. Затем остановился и махнул рукой, показывая, чтобы оставил его одного...

Солнце палило адово. Ни облачка. Ни дуновенья ветерка. При этом – влажная, потогонная духота. Несветаев устал (сказывалась бессонная ночь) и решил укрыться в квартире. Возле бульвара, под дубом, приглядела местечко цветочница. В высоких вёдрах пламенели цветы. Несветаев выбрал восемь алых гвоздик и, захваченный воспоминаниями о вчерашнем вечере, зашагал напрямик к шолоховской усадьбе. Располовинил свой букет и возложил цветы к могиле Марии Петровны, а затем – у серой гранитной глыбы, на которой было высечено одно слово – «Шолохов». Могила писателя была завалена розами, тюльпанами, сиренью. Жара губительно темнила их, трогала тленом. На соседних деревьях слышались вкрадчивые птичьи голоса. Издали эхом доносились казачьи песни и невнятный шум празднующей станицы.

Он стоял, преклонив голову, и мысленно разговаривал с писателем, произнося про себя клятву, что продолжит роман, несмотря ни на какие трудности и препоны, донесёт людям правду о великой трагедии казачьего народа. Никого не было поблизости, и вдруг в тишине побережья, за которым шашкой блестел ослепительный берег Дона, ярко щелкнул соловей, замер, снова сделал нехитрое коленце. Невероятно, но запел в самую жару, вопреки всем своим правилам. И странный озноб пронизал грудь, и молитвенно замер он, подумав: не добрый ли это знак свыше?!

Получасовой сон добавил сил. К счастью, на квартиру явились передохнуть и телевизионщики и забрали его с собой на стадион, где проводилась выездка лошадей и ожидался большой концерт. Ещё два часа сущего пекла перенёс он стоически. На обратной дороге к центру станицы, влившись в писательскую делегацию, он решил подойти к Знаменскому. Услышав знакомое имя, Анатолий Дмитриевич не удивился, приветливым голосом сказал:

– Рад познакомиться. Сейчас многие приналегли на тему казачества. Вы – единственный, кто сказал новое слово. Именно – новое! Вашу книгу прочитал я с интересом, даже профессиональным. Она мне понравилась серьёзным подходом к сложной теме, неуклончивостью в решении «жёстких вопросов бытия». Читается книга хорошо. Очень хотелось бы, чтобы вы, ещё молодой человек, продолжили эстафету правды. Знаете, меня ведь долго не признавали. Клеймо лагерника долго довлекло. Чурались меня даже некоторые из тех, кто вчера лил елей во славу Шолохова. А я после ВЛК¹ засел в Краснодаре, главу за главой печатал в журнале «Кубань», а затем объединил их в роман «Красные дни». Но не так-то легко было его опубликовать. О командарме Миронове никто и слышать не хотел. Это теперь я вхожу в двадцатку лучших писателей России, а прежде двери издательств для меня были закрыты... Сей-

¹ ВЛК – высшие литературные курсы на базе Литературного института им. Горького.

час стал прибалывать. Страшная молодость была. Подорвал здоровье...

Знаменского хватило только на один монолог. Он заметно побледнел, черты лица его оплыли. И вскоре, извинившись, сославшись на поднимающееся в жару давление, отстал, пошёл медленно. Больше его в станице Несветаев не встречал.

А потом начался новый вечерний концерт на плавучей сцене, и был мощный праздничный салют над Доном. Фантастически дивным фейерверком зависали облачка искрящихся ракет в выси и, отражаясь в реке, отвесно скользили вниз, и оттого возникало завораживающее зрелище: будто огненные потоки сверху и снизу летели друг к другу – с неба и с Дона!

Заключительный банкет праздника в большом зале вёшенского санатория собрал сотни три приглашённых. Вёл его губернатор Чуб. И снова было море разлитое водки и вина, и вкуснейшие донские блюда – от тройной ухи до шашлыка из барашка, от пирогов с лесными грибами до блинов с сазаньей икрой. Несветаев сидел между «полуклассиком» Лихолетовым, оказавшимся при близком знакомстве чванливым занудой, и Сашей. И снова провозглашались тосты, славящие Шолохова, и ораторы старались блеснуть своим мастерством, и выступали разные артисты, даже исполнял авторские песни Малезик. А ему это вавилонское столпотворение за обильным столом ничем особенным не запомнилось.

Шли с Мосинцевым глубокой ночью по опустевшим улицам станицы, под звёздным небом, жадно дыша прохладцей, натекающей с донского берега. Были оба в подпитии, но думалось ясно. Саша курил, рассуждал с присущей ему горячностью.

– С Примеровым мы вместе учились. И на семинарах потешались над ним за слишком смелые образы, за самолюбование. Поэт и должен быть таким: ищущим, яростным. Потом стал писать он с есенинской метафоричностью, но очень мало. До чего жестока стала жизнь! Бьёмся, Вовка, в железной клетке демократии. Во времена святотатства, когда русские люди изгоняются из Чечни, когда вешаются совестливые и талантливые русские поэты, а сельские девчонки, чтобы прокормить родителей, становятся в ряд проституток на Тверской, рядом с Кремлём. Дожили до дней, когда Солженицын на белом коне победно прокатился по России под аплодисменты ельцинских лакеев. Тот самый «правдолюбец», обласканный американцами, которого Шолохов в середине шестидесятых назвал «откровенным и злобным предателем».

– Хорошо сейчас только подонкам и бандитам. Им терять нечего. Они – приобретают, «прихватизируют», делят недра и заводы, – с раздражением отозвался Несветаев.

– А как быть нам, людям с живой душой?! Писателям, оболганным и забытым по идеологическим причинам? – Мосинцев тяжело перевёл

дыхание. – Надо просто оставаться самими собой. Быть честным русским писателем. И чаще вспоминать о Шолохове, когда на сердце мрак и кажется, что жизнь лишена смысла. Ельцин не вечен. «Россия вспрянет ото сна». Придёт новый лидер и поднимет страну с колен, сделает её сильной и самодостаточной. Я в этом убеждён...

При расставании решили вместе с москвичами добраться автобусом до миллеровского железнодорожного вокзала. А поезда на юг ходят часто.

Он пришёл на квартиру и застал её совершенно опустевшей. Ростовчане остались верны себе – сгнули по-английски. И снова не мог долго уснуть, глядя в окно на шолоховскую усадьбу, всё отчётливей и ярче выступающую из сумрака в отсвете зари.

*...Несветаева оторвали от воспомина-
ний голоса людей. Большой комфортабельный
автобус высадил у тротуара Шолохов-центра
с десятков пассажиров. Они выглядели по-евро-
пейски: в платьях, костюмах, украшениях доро-
гостоящих мировых брендов. С первого взгляда
понял, что это – также губернаторские гости,
приехавшие с разных концов земли. Они вошли в
здание, а он задержался.*

– Неужели прошло больше двадцати лет? – с грустью воскликнул он, оглядывая людный городской перекресток.

Странная штука – память. За несколько минут в ней могут молнией пронестись события давнего, явственно воскреснуть лица

людей. Время разбивается на отрезки, на особенные даты. Семь лет назад ушёл навек Саша Мосинцев, выдающийся поэт, его наставник и друг. Не стало сына Шолохова, с которым близко познакомился во время его приезда в Ставрополь, подарившего книгу мемуаров об отце. Жизнь значительно изменилась. Страна встала с колен. Крым воссоединился с российской землёй. А он завершил трёхтомную эпопею о судьбе казачества в годы Великой Отечественной. Она опубликована столичными издательствами, книги разлетелись по белу свету. И теперь живут своей отдельной жизнью. Он исполнил клятву, данную в станице Вёшенской. Сказано в евангелие от Матфея: «Имеющий уши – да услышит, имеющий глаза – да увидит, имеющий ум – да осознает».

2025

ПРЕДАНИЯ ЗЕМЛИ СТАВРОПОЛЬСКОЙ

Эти предания слышал я в далёком детстве от девяностолетних старцев, которые утверждали, что они были переданы им прадедами-терцами, стяжавшими ратную славу на грозном Кавказе и в сражениях победной войны против Наполеона. От поколения к поколению протянулись нити священной памяти, озаряющей души праведной силой и светом доброты. Не могу утверждать, что всё так и было

на самом деле, и нет выдумки и преувеличения. Знаю одно – в преданиях живёт мудрость народа и его бессмертная история.

Матушка-Степовица

В незапамятные времена в этом краю, раскинушемся от Чёрного до Каспийского моря или, как называли предки, – от Понтийского до Хвалисского, проживали люди, не похожие на иные племена. Они отличались могучей силой и таким высоким ростом, что могли доставать рукой до макушек вековых деревьев. Себя называли они «Детьми Неба» и умели предсказывать погоду, останавливать течение рек и дуновения ветра.

Ни один конь не мог выдержать тяжести их тел, поэтому приручили они слонов, обитавших в лесах, и всегда в походах передвигались на этих огромных животных, одним видом устрашая врагов. Соседи называли Великую степь, край, населённый великанами, «Страной слонов» и старались держаться от них подальше.

Но однажды солнце померкло и потеряло силу, и смертельный холод сковал всю Землю, и толстым льдом покрылась её поверхность. Дети Неба бросились вслед за животными на юг, но и там не было спасения, и настигла их гибель у подножья Кавказского хребта.

Выжила единственная девочка из семьи, прятавшейся в глубокой пещере. Когда её бабушка-пророчица, знавшая законы движения звёзд и посвящённая в науку исцеления от недугов, поняла,

что взрослым не выжить, она настояла травы и корни на тёплой целебной воде, бегущей ручейком по дну пещеры. Внучка выпила зелье и, укутанная в несколько буйволиных шкур, заснула дивным летаргическим сном на краю жизни и смерти.

В тот самый век, когда степь и горы вновь отогрелись солнечным теплом и в полную силу окрепла на Земле жизнь, сон её оборвался, и она вышла из пещеры уже не девочкой, а молодой женщиной. Трудно пришлось ей одной в первое время, пока научилась разводить огонь, обрела меткость в стрельбе из лука и стала смело вступать в схватки с барсами и волками, разя их коротким мечом, доставшимся, как и лук, от отца.

Шли годы, и как-то в утренней долине заметила она скачущих всадников, в железных шлемах и туниках. Благодаря переданной от предков способности быть невидимой, если угрожала опасность, и умению понимать языки, она приблизилась к ним и выяснила, что это – греческие воины, направляющиеся на завоевание Персии. Ещё с детства помнила она, что самое страшное зло – это война. И теперь, убедившись в том, что люди остаются прежними, стала часто задумываться, искать способ, как изменить мир, чтобы воцарились покой и справедливость.

Но вот однажды на горной тропе, ведущей в страну Акуа², захваченную legionами римлян, повстречалась она с мужчиной в белой тунике,

² Акуа – древнее название Абхазии.

привлѣкшим внимание светлым ореолом вокруг его тела. Она объявилась перед ним и поинтересовалась, кто он и куда идёт. Странника, по всему, насторожил вид синеглазой женщины необыкновенно высокого роста и её непривычное одеяние. На ней белела кофта из лебяжьего пуха, а достающая до земли длинная пѣстрая юбка была сшита из шкур куниц, ласок и сурков. Украшал её горделивое лицо плат из плотно состѣганных васильков и султанок ковыля. «Не дух ли нечистый вижу я пред собой? – наконец промолвил путник. – «Не опасайся меня, милый человек. Я давно живу в этой малолюдной степи и никому не причиняю вреда», – услышал он в ответ. И, поверив её словам, он поведал, что зовут его Симон, и он из числа Христовых апостолов, и ходит по землям, проповедуя учение Спасителя, посланного избавить мир от пороков и самой смерти. Долго его расспрашивала она, и исполнилась её душа неизъяснимой благодати и веры, и поняла испытанная долгим одиночеством женщина, что только милосердие может принести людям мир и счастье. И решила вечно следовать божественным заповедям.

Не покидала она Великую степь, и была свидетельницей, как попирали полынную твердь конницы ханов половецких, сарматов, хазар. Беспреданно ведя кровопролитные битвы, орды необратимо теряли численность, таяли, точно комья снега на вешнем лугу. Душу её неотступно терзала боль, не избывала жалость к убивающим друг друга воителям. Помнила она слова Симона,

что только мир может принести народам благодатную жизнь. И, рискуя быть сражённой стрелами, стала она выходить к людям и давать мудрые советы, и всячески помогать им. Но не всегда это удавалось, и надежды её не сбывались.

Тогда стала молить она Небо, чтобы заселили её владения достойные люди, укоренились бы здесь навек и возделывали поля, как когда-то её народ. И моления её были услышаны! Перед тем, как принять князя Потѣмкина с докладом об устройстве крепостей на Кавказе, приснился Екатерине Великой вещий сон. Увидела она высокий холм, на котором стоял каменный крест. А вокруг – золотящиеся под небом нивы и тучные луга, селенья и город, в которых живут разноликие народы. Дороги пролегли во все концы обжитого и благополучного края. И когда слушала план возведения защитной Линии от набегов иноземцев, повелела одну из крепостей именовать Ставрополь, что в переводе с греческого значило – Город Креста.

И пришли в назначенный императрицей срок к реке Ташле brave драгуны, и прибыли издалека хопѣрские казаки, и заложили крепость, ставшую впоследствии южным оплотом России. И рос год от года вокруг крепости, на холмах и вдоль речной долины, уютный город, в который нахлынули мастера и деловые люди. И дал он название всему необозримому краю – Ставропольский!

В ту пору разнеслась от уст к устах молва о Матушке вольного простора, рек и долин. Примирившиеся народы прозвали её Степовицей,

заступницей и охранительницей своей. А казаки именовали по-своему – Святой Степанидой. Впрочем, это и немудрено. Была она Хозяйкой степи.

И поныне Степовица неотлучно пребывает на земле ставропольской, охраняя народы, живущие на ней. Всеми силами радуется, чтобы щедрыми были хлебные поля, а вызревшие виноградные лозы светились янтарём, чтобы не иссякла минеральная, «живая» вода, некогда спасшая её от гибели, и длились на благословенном Ставрополье мир и согласие.

О том, как атаман Сенгилей, его сыновья и казак Лыков станицу спасли

Искони велось так среди казаков – либо грудь в крестах, либо голова в кустах. В детстве, ровно в три годика, сажали мальчонку в сшитой для него воинской справе на коня, украшенного дорогой сбруей, и трижды проводили по майдану, чтобы хлебнул он ветерка полынного, дующего из степи, чтоб ощутил поступь скакуна и увидел родной курень и улицу с высоты седла – как и полагается отважному терцу.

И будущий атаман Сенгилей прошёл заветный обряд «Посаждения на коня», и был крещён в Никольской церкви, носящей имя Святителя, покровительствующего казачеству. Рано овладел он шашкой и умением сшибать скачущих басурман заточенным копьём. В двадцать лет уже

командовал сотней, призванной царём Петром I в персидский поход, и был отмечен им как бесстрашный герой, не жалеющий живота своего ради процветания и славы российской империи.

Возвратясь домой с почётом, Сенгилей сменил оружие на соху и косу, скованную, по его требованию, гораздо крупнее, чем у других станичников. Небывалой физической мощью обладал рослый и широкоплечий Сенгилей, не было в округе ему равного пахаря. Играючи завязывал в узел кочергу, ударом кулака насмерть валил быка. А любушку свою Настасью, усадив на плечо, словно голубицу, доносил аж до высокого бугра, как называли казаки гору. Под стать себе отыскал он избранницу, весёлую и преданную, а про то, сколь трудолюбива была, и говорить не приходится. По вечерам разливались с той горы её чудесные мелодии, потому на уличных лавочках собирался народ – стар и млад, – грел душу нежными песнями, ласковыми словами о счастливой любви и – неразделенной.

Родились у Сенгилея и Анастасии трое сыновей, один другого краше и сильнее. А когда призвал император терцев и кубанцев на защиту Отечества, отправились вместе с отцом на службу. Тяжело пришлось им в боях с крымчаками и янычарами. Всё трое воевали храбро и отчаянно, все трое получили ранения, но выжили и получили прозвище «Сенгилята», в знак уважения к их прославленному отцу.

Незаметно катились годы, и стал атаман дедом, и со слезой на щеке наблюдал, как уже его внучат в седле провозили по майдану. Однако и в преклонном возрасте оставался он таким же несокрушимо сильным, как в молодости, а в борьбе на поясах превосходил не только казачьих силачей, но и иноземных батырей.

Два года подряд ставропольскую степь иссушали суховеи, всю растительность дотла испепеляла засуха. Пересохли реки и ручьи. Звонящей глинистой коркой покрылись травяные низины и солончаки. Пали стада коров и овечьи отары. Только глубокие колодцы и родники позволили выжить станичникам и спасти лошадей.

Наконец на третий год дал Господь погожую и дружную весну. На редкость густо цвели яблони и вишни. Вовремя прошли дожди, поднялись жирные степные травы и нивы. Мирно жила станица, и радостью наполнились казачьи души до самой середины лета.

Но в то утро, когда намечали станичники выехать в поля на уборку ржи, вдруг повеяло с Кавказских гор холодом, налетел ураган, взвивший над дорогами смерчи, наскоками срывающий соломенные крыши и ломающий деревья. Чёрной пеленой небо закрыли тучи, и разразилась гроза! Раскаты грома потрясали курени, молнии обжигали глаза и огненными стрелами вонзались в землю посреди дворов. Бурные потоки затопили станицу, вода подступила к ступеням крылечек.

И в самый разгар стихии от страшных подземных толчков вдруг зашатались стены куреней, по ним пошли трещины, упала на пол и разбилась посуда, маятниками качнулись перед божницами и погасли священные лампы. Вскоре последовало ещё несколько ударов! То замирала, то вновь плыла земля под ногами целых полчаса. Но вот ливень стал утихать, отдалилась гроза. И, казалось, жуткое ненастье минуло. Но по главной улице, несмотря на подтопление, промчался казак Егор Лыков и разнёс тревожную весть, что гора стала перемещаться в направлении станицы. Одни этому не поверили. Другие решили, что Егор выпил лишку крепкого вина, и только атаман кликнул сынов и вышел за околицу.

Зоркими своими глазами смерил Сенгилей высоту бугра и понял, чем грозит станице эта невидаль – сползание горы в долину. Землетрясение образовало провал у её подножья, и огромные валуны на вершине и каменистые склоны повалятся вниз, похоронят под собой казачью станицу. Он, не раздумывая, повёл сыновей к горе, а она подвинулась им навстречу!

Атаман упёрся вытянутыми руками в отвесную стенку скалы, врос ногами в землю, и зычно скомандовал:

– Становись цепью! Будем держать, пока высохнет глина. А потом провал засыпем...

Рядом заняли места сыновья, присоединился к ним Егор Лыков. Тяжкий напор, нарастающее давление ощутили смельчаки в тот же момент.

Собрали они все свои силы, напряглись и замерли неподвижно. Ни крики, ни стоны не слышали станичники, ничего не знавшие о поступке земляков. Как в жестоких боях, так и на окраине родной станицы стояли казаки насмерть, не сделав шага назад...

Только наутро, когда кинулись искать пропавших станичников, пастух обнаружил под скалой пять каменных столбов, напоминающих мужские фигуры. Встревоженный, прибежал он в станицу и рассказал об этом Анастасии и казакам. Много горестных слов услышала станица в тот скорбный час, много безутешных слёз пролилось на её спасённую станичную землю, много полынной печали было в голосах степных ветров, оплакивающих подвиг атамана, его сыновей и казака Егора Лыкова.

Чтобы навеки осталась память, чтобы поддержать дух родных атамана и станичников явила Матушка-Степовица, хозяйка и охранительница степи, милость, великое диво! Там, где был провал, появилось, разлилось огромное озеро, отражая небо и облака, скалистый берег и деревья. А позади станицы мощным потоком пробил русло река, чтобы никогда не страдали казаки от безводья. Назвали это озеро в честь атамана – Сенгилеем, а реке дали имя простого казака – Егорлык.

В благодарной памяти поколений живут эти имена, и восхищает несравненной красотой лазурно-голубое озеро, и непрерывно мчит свои воды на север Егорлык, стремится к братьям-донцам и русским далям.

МУЗЫ НЕ МОЛЧАТ

ОТКРЫТКА НА ФРОНТ

Держитесь, парни! С вами Бог
и мы –
Отчаянные труженики тыла.
Мы вместе выйдем из горячей
тьмы:
За нами правды мировая сила.

О том, что Запад нам не по
зубам,
Напрасно возомнили людоеды.
Держитесь! Знаем, как не
сладко вам,
В каком аду куётся меч победы.

Юлия
КАУНОВА

Поэзия

ЕДИНОМЫШЛЕННИКУ

Вплетаясь в умозрительный биом,
Под знаком неосознанной свободы,
Представь себе, мы заново живём,
Из человеческой выскочив породы.
В забвении необходимых слов
Растём, плывём, летим без интереса,
Не чувствуя, куда нас занесло
И кто был рядом, и куда исчез он.
Забудем, что с экрана льётся кровь,
А ветер на погостах треплет флаги.
И не заметим, как какой-то «крот»
Готовит к награждению бумаги.
И будут вновь геройствовать не те,
А ты и я – запасники свидетельств,
Представь себе, на этой высоте
Героев настоящих не отметим.

ЗАПИСКА НА ФРОНТ

Нет, Музы не молчат. Они плетут
масксети,
Для блиндажей льют свечи про запас.
Пусть тёплая свеча напомнит вам о детях
И тех, кто ждёт домой с победой вас!

Господь, не смейся надо мной –
За дерзость планов бесполезных.
За то, что чувствую спиной
Дыханье неизбежной бездны.

Я жить хочу и всем в быту
Желать отчаянных свершений,
Лелея новую мечту,
Как избавления от лени.

Господь, не смейся надо мной!

Хочу войну остановить,
Но мало сил. Ты мне поможешь?!
Господь, мне некуда идти,
Как только за Тобой.
О, Боже!

Оленьке Дусенбаевой

Всё мне кажется,
Ты вернёшься вдруг.
Спросишь: «Не ждала?»
Как же, не ждала?!
Ждать защитника –
Это женский труд.
В доме нет окна,

В доме нет угла,
Где бы глаз моих
Не коснулась ночь.
Где бы тени в рост
Не пасли беду.
... Сообщения
С электронных почт –
Соболезнуют,
А я дальше жду.
Всё мне кажется,
Что не ты убит..

СЛУЧАЙНОМУ ПОПУТЧИКУ

Откуда, бродяга, возникшая тяга
К солидным дорогам, к далёким морям?
У мамы и папы война у порога,
А мимо со штурмов провозят ребят.
Вон даже снаряды ждут чёткой
команды:
В кромешную глотку, как рыбки,
нырнув,
С душою «отвёртки» взлетят по
наводке,
И цели достигнув, умрут за страну.
Да, больно и страшно. Но как это важно
Дожить до победы, не зная вины...
Бродяга, бродяга, без дома,
без флага!
Куда ты вернёшься, сбежав от войны?

Есть вечное в сюжете прозы трудной,
Когда твой поезд, сбрасывая скорость,
Предписанному правилу покорно
Проходит мимо станции безлюдной.
Ты успеваешь, двигаясь недвижно,
Приметить свет, застывший над карнизом:
Минуя грани, расширяясь книзу,
Он оползает со ступеней ниже.
И ни души. Здесь, стало быть, в запале
Пронёсся поезд Вечности по шпалам.
И старого, и малого забрал он,
А самых сильных до него забрали.

«ЗА ДРУГИ СВОЯ...»

Рассказ

Светлой памяти Анатолия
Малькова-Ляленко,
кавалера Ордена Мужества

Стояла глубокая осень, но держалось тепло. «Наверное, это последние погожие деньки перед холодами», – подумал Анатолий. Он быстро шёл к парку Победы – легко, пружинисто, будто ему двадцать лет. А ведь перевалило уже за пятьдесят. Но возраста он не чувствовал, даже внешне мало изменился. Та же стройная мускулистая фигура, те же ясные голубые глаза, сияющие от радости. Только в глубине души, на самом доньшке появилась какая-то грустинка, боль прожитых лет. Но сейчас ему казалось, что он по-преж-

Алла
**ХАЛИМОНОВА-
МЕЛЬНИК**

Проза

нему молод и влюблён. В последние дни возникло предчувствие чего-то важного, так необходимого ему в жизни. И надо же! Предчувствие его не обмануло. Вчера на улице совершенно случайно он встретил Лялечку, которую не видел более двадцати лет и которая ему когда-то очень нравилась. Раньше они работали в одной школе. Он преподавал физкультуру, а она вела уроки музыки. Анатолий улыбнулся. Когда он сам учился в школе, к пению (тогда этот предмет так назывался) серьёзно не относились. Даже говорили: «Наш учитель пения вышел из терпения». Но к Анне Владимировне это ни капельки не относилось. Она была спокойной, уравновешенной, невозмутимой. Рассказывала о композиторах так, будто это были её друзья или очень хорошие знакомые. Говорила негромко, но даже двоечники и хулиганы на её уроках вели себя, как отличники. Всем было интересно: а как Моцарт написал свой «Реквием», из каких мелодий соткана «Снегурочка» Римского-Корсакова, можно ли проиллюстрировать «Времена года» Чайковского пейзажами русских художников девятнадцатого века. Ученики делились своими впечатлениями о прослушанной музыке, говорили на важные для них житейские вопросы. Они просто доверяли Анне и любили её. Вот и Анатолий незаметно для себя увлёкся скромной Анечкой и пытался за ней ухаживать. Вскоре это заметили все. Педагоги говорили: «Смотри, твоя Анна Владимировна Ляленко пошла». Он старался хоть чем-нибудь привлечь внимание девушки. Толь-

ко ухаживал немного напористо, чем и испугал бедную Аню. Она стала его избегать. Надо было читать стихи, дарить цветы и водить по выходным в кино... Да, он был романтиком и таким неутомимым! Но возлюбленная не отвечала ему взаимностью... Вскоре Анатолий женился и уехал в другой город. Много лет они с Анной не виделись. Но когда встретились – будто и не было этих долгих лет, будто вчера они расстались. И не могли наговориться. Два часа стояли под аркой. «А ты помнишь? А ты знаешь?», – спрашивала Анна. «Конечно, всё помню и знаю, и больше никуда тебя не отпущу», – думал Анатолий. Он давно разошёлся с женой и вернулся в родной Ставрополь. Это был сложный период в его жизни. Долго не мог прийти в себя. Две дочки-погодки росли без отца. Но он только сейчас понял, что именно Анна нужна была ему все эти годы. Именно она сможет выслушать, понять, выдержать его непростой характер. И только Лялочка будет его любить. «Да возможно ли это в наши годы? А почему нет?» Эти мысли не давали ему покоя, и он спешил в парк, где они договорились встретиться, чтобы опять увидеть Анины глаза, чтобы окружить её вниманием и заботой.

Анна вскоре подошла, и они взялись за руки и пошли по аллее. Анечкины глаза сияли. «Да, я давно тебя жду, – сказали они. – Где же ты так долго был?» Он крепко сжал её ладонь. «Мы теперь никогда не расстанемся».

Они долго гуляли по парку, катались на Колесе обозрения, много смеялись. Анатолий, если

хотел, мог рассмешить кого угодно. Анна же тогда была в хорошем настроении и хохотала до слёз.

– А я и не знала раньше, что ты такой юморист.

– Ты многого обо мне не знала. Но время у нас есть, познакомимся поближе.

И всё же пришлось ненадолго расстаться. Аня уехала в санаторий, а Толик – на заработки. Он ушёл из школы во Дворец профсоюзов и работал там по второй специальности – скульптором и оформителем. Он был мастер на все руки. За что ни возьмётся – всё получается. Правда, нужно было вдохновение, искра, как он говорил. Иногда начинал какое-то важное дело, а потом остывал, откладывал его. «Искры нет», – повторял он Ане. «Может с тобой поделиться? Я вся искрюсь», – шутила она. Толик грустно улыбался в ответ.

Анатолий предложил Анне съехаться и попробовать жить вместе. Они любили друг друга и уже не представляли существования порознь. Дружно, весело проходили дни. Скучный быт не был для них проблемой. Анатолий любил готовить и баловал любимую необычными вкусами. Придёт она, уставшая, с работы, а на плите говядина по-кремлёвски или грузинское чахохбили с каким-нибудь вновь изобретённым салатом. И подавалось всё изысканно – на блюде, с художественными украшениями. Что ж, художник – он и в быту художник.

Он любил всё красивое – посуду, цветы, краски. И часто их покупал.

– Лялочка, а поедem в «Метро», хочется купить что-нибудь оригинальное.

– Да что покупать, Толик, у нас вроде всё необходимое есть.

– А мне хочется какие-нибудь прекрасные чашки. Вот сядем мы с тобой чай пить, а я возьму да и достану эту красоту. У тебя и настроение поднимется. Скажешь: «Красиво-то как!» Вот для чего я хочу в «Метро» поехать.

– Ну если для моего настроения, то я согласна.

А в магазине и правда – такой выбор посуды, что глаза разбегаются!

– Толик, посмотри какая прелесть – чашка тоненькая, со смородиной. У нас такая ягода в детстве в палисаднике росла.

– Нет, взгляни, вот эта – просто заглядение: тёмно-синяя, с золотым ободком по краю. Я такую в очень богатом доме видел.

– Неплохая, но та лучше.

– Что же я буду с тобой спорить? Возьмём и ту, и другую, да по паре.

Так обычно кончались споры. За два года красивых чашек накопилось немало. Все они пригодились, когда свадьбу решили играть. пышной церемонии не устраивали. Расписались и с близкими друзьями дома посидели.

Анатолий был хорошим мужем, добрым и заботливым. Иногда, правда, упрямым. Но у кого из мужчин этой черты нет? О семье он заботился. А ещё мужчина был заядлым грибником. В лесу, кажется, каждую травинку знал. И без грибов никогда не приходил.

– Лялочка, а давай мы с тобой по грибы пойдём?

– Да что ты, я их никогда и не собирала, хорошего гриба от поганки не отличу.

– Пойдём, родная. Я тебя научу всему.

Теперь они ходили по грибы вместе. Ане нравились эти прогулки – и воздухом свежим подышишь, и грибов на ужин принесёшь. Однажды, гуляя с Анной в парке Победы в середине декабря в теплую влажную погоду, он как-то незаметно для себя насобирал грибов на целую сковородку. Анатолий часто говорил, что грибы – это лесная говядина.

Были у молодой семьи и другие прогулки – велосипедные. Купили они с Аней два хороших велосипеда и каждый вечер стали куда-нибудь выезжать. Чаше катались по дорожкам парка Победы. Толику что – худенький, мускулистый, сел – и поехал. Анне пришлось привыкать. Она с детства на велосипед не садилась. Почти заново училась ездить. Но и это она освоила. Что только не сделаешь для любимого мужа.

Анна по-прежнему работала в лицее – преподавала музыку. Однажды Толик проходил мимо её школы. На скамейке сидела группа ребят. Кто-то играл на гитаре, кто-то пел. Анатолий остановился.

– Привет, ребята! А вы на уроке пения что поёте?

– Это у Анны Владимировны что ли? Так сейчас это называется уроками музыки. Мы больше композиторов проходим. Говорим о Моцарте,

Шопене. Учительница наша очень интересно рассказывает.

– Да, – подхватила темноволосая девочка с короткой стрижкой, – недавно мы Бетховена проходили. Он, оказывается, ещё в молодости плохо слышать стал. И его любимая девушка бросила – за другого вышла. Вот предательница! А я бы за него так боролась!

Девчушка сжала худенькие кулачки, будто угрожая далёкой неизвестной возлюбленной Бетховена.

– Ну ты даёшь, Галка! Воительница... – пробурчал рыжеволосый подросток, с удивлением глядя на соседку.

Анатолий улыбнулся. И чтобы поддержать девочку, сказал:

– Молодец! Ты бы не бросила любимого в беде.

Дома рассказал об этом Анне.

– А, это Галя. Умная, впечатлительная. Хорошая девочка растёт.

– Я рад, что и ты помогаешь таких девочек воспитывать. Сейчас больше учат, а воспитанием мало занимаются. Но я тобой горжусь.

Анна тоже гордилась мужем. Анатолий стал чаще ездить в командировки. Он помогал восстанавливать разрушенные храмы и строить новые.

– Завтра поеду в Воронежскую Епархию. Попросили иконостас сделать да росписи подновить.

– В Воронеже?

– Нет, в двух сёлах Епархии надо потрудиться. Ещё не знаю, в каком всё состоянии.

– У тебя получится. Ты же у меня такой талантливый! И пишешь прекрасно, и лепишь, и по дереву мастер.

– Ну-ну, не перехвали. Буду стараться. Богу надо отдавать самое лучшее.

– Ты хоть не пропадай – звони, пиши. Буду скучать без тебя.

Анатолий обнял жену. Как он жил без неё так долго? Кажется, роднее нет и не было человека. Но надо привыкать, что иногда всё же уезжать придётся.

– Не грусти, Лялечка, поработаю немного, а в июле в отпуск уедем.

Каждое лето в июле они отдыхали в Анапе. Оба любили море, песок. Им нравилось плавать и валяться на пляже. Как-то поехали на экскурсию на теплоходе. За время небольшого путешествия познакомились и подружились с капитаном. Когда корабль вышел в открытое море, сделали остановку. Туристам предложили поплавать. Самым смелым можно было прыгнуть в воду с верхней палубы. Анатолий, будучи мастером спорта по прыжкам в воду, так и сделал. Вслед за мужем несколько раз прыгнула и Анна. Рядом с ним она ничего не боялась.

– Какая глубина в этом месте? – спросила она матроса.

– Восемнадцать метров, – невозмутимо ответил тот.

Лицо Анны застыло от изумления.

– Ну что ты испугалась, любимая, – сказал Толик. – Если бы ты тонула, я бы тебя за косы вытащил.

С капитаном теплохода Николаем Каратовым они стали друзьями. Перезванивались, поздравляли друг друга с праздниками. Встречались, когда бывали в Анапе. К Анатолию всегда тянулись люди. И уж если познакомились, старались не пропадать.

В августе Анатолий опять уехал в Воронежскую область. Надо было реставрировать храм в селе Лиховое, недалеко от города. По душе ему пришёлся местный батюшка: молодой, энергичный, очень внимательный к людям. К нему с утра и до вечера приходили сельчане – кто посоветоваться, кто чем помочь, а кто и просто поговорить с хорошим человеком. А у того у самого и храм, и требы, и дома детей мал мала меньше – четверо. Матушка его была простая, душевная. Она пела на клиросе, воспитывала детей, трудилась в воскресной школе. А ещё убирала и украшала церковь к праздникам. При воскресной школе был небольшой детский хор. В праздничные дни дети пели на службе. Умильно звучали их тоненькие голоса под сводами храма. А старшие сыновья отца Михаила помогали ему в алтаре. Матушка сшила им маленькие стихарики, и они выходили с отцом на амвон с большими свечами – серьёзные, с полным пониманием ответственности. «Вот смена отцу Михаилу подрастает», – улыбались прихожане.

Анатолий душой прикипел к этому приходу. И семья батюшки, и сельчане жили как одна семья, всегда приходили на помощь в трудную минуту. А иначе как выжить приходу в селе? Батюшка от государства зарплату не получает, кормится со своего огорода и подсобного хозяйства, да с того, что люди принесут. А прихожанам что нести? Сами еле выживают. Повезло ещё отцу Михаилу, что встретил как-то в городе одноклассника, который бизнесом занимался. Тот пообещал помочь храм отреставрировать. И слово своё сдержал. Вот Анатолий и трудился с несколькими помощниками. Работали быстро. С утра – молитва, завтрак и работа до позднего вечера. Храм на глазах становился всё краше. А внутри стал – как пасхальное яичко. Люди очень благодарили Анатолия за работу, «многая лета» ему пели и провожали домой, как героя.

Конечно, Анатолий очень скучал вдали от Ани, хотя и был занят важным делом.

– Вот лежу, бывало, на спине на лесах, орнамент под сводами расписываю, а сам только твоё лицо и представляю, будто хочу его в орнамент вписать и в храме навсегда оставить, – говорил он Анне.

– Ну, скажешь тоже. Ты бы лучше о вечном думал, чем моё лицо вспоминать.

– О чём я только не думал. Вот почему так? Отец Михаил из села Лиховое умный, душевный, прихожан своих любит, а живёт бедно. А батюшка из другого, тоже сельского прихода отец Александр ездит на шикарной иномарке, живёт в

Воронеже в своём доме, на приходе появляется в воскресенье и ни в чём себе не отказывает. Да... И со мной он свысока разговаривал, будто я его лакей.

– Ах, Толик. У них так же, как у нас в миру. Может у второго-то батька родители богатые или у жены свой бизнес, вот он и не бедствует. А то, что говорит свысока, так это сплошь и рядом. Священники-то с неба не падают, они из мира в Церковь приходят, так что и у них есть свои грехи и особенности. Не бери в голову. Тебя попросили помочь, деньги за это заплатят, так ты свою работу выполняй не мудрствуя лукаво.

– Ну и умница же ты у меня, Лялечка. И что б я без тебя делал?

– Да то же бы и делал, что сейчас. Как, кстати, твою скульптуру, что ты в прошлом месяце отливал, забрали во Францию?

– А как же! Заплатили в валюте.

– А что не хвастаешься? Валюту замылить захотел?

– Ну что ты, родная, так плохо обо мне думаешь. Хотел тебе сюрприз сделать, в Париж на каникулах поехать, а ты весь сюрприз испортила.

– Ну прости, прости, я же не знала.

– Но ты должна знать, что я тебя люблю и никаких секретов от тебя у меня нет.

...Так дружно и счастливо жили Анатолий с Аней, и ничто не предвещало беды. Иногда, конечно, и ссоры случались, как в любой семье. Но они старались тут же помириться, и примирение было бурным. Потом смеялись, как же от

такого пустяка произошло недоразумение. Анна старалась быть уступчивой, терпеть непростой характер мужа. «Это молодые чуть что – разбегаются, а нам-то куда бежать друг от друга,» – думала она.

Но потом наступил 2022 год. Некоторые знакомые добровольцами ушли на СВО. Страшное время.

– Был бы я помоложе, пошёл бы сразу, – как-то сказал Анатолий.

Иногда приходили друзья, и разговор, покрутившись вокруг обычных тем, всегда возвращался к самой актуальной и болезненной – к теме войны. Одни (и их было большинство) говорили, что надо уничтожить врага, фашиста, чтобы ему неповадно было творить зло и неправду, другие – что как же так, ведь наших братьев убиваем, что по сути это гражданская война. У многих на Украине остались родственники, с которыми прекратилось общение. Они не могли забыть украинские города, песни, которые так любили петь за столом. Но что больше всего волновало – это ненависть к нашей стране, истерия, поднятая на Западе. В общем, мир раскололся, и люди понимали, что на фронтах СВО добро со злом борется, правда с ложью. Мир подошёл к очень опасной черте, и только Россия может удержать его и не дать погибнуть планете...

Анатолий по-прежнему ездил в командировки, реставрировал и расписывал храмы, но стал как-то тише и сосредоточеннее.

Когда враг вторгся в нашу Курскую область, Анатолий стал часто повторять: «Как же я Родину люблю!» Его душа, чуткая и возвышенная, с юных лет чувствующая красоту этого мира, не могла принять то зло и бездуховность, которые несли враги России, полное отсутствие моральных норм и просто здравого смысла. Он понимал, что за жизнь, за добро и веру надо бороться.

– Милый, что ты такой задумчивый сегодня? – спрашивала Анна, хотя и сама прекрасно понимала, в чём дело.

Она тоже переживала, похудела и осунулась.

– Давай навестим моих, давно ведь не были.

– Конечно, любимая, завтра и поедем.

Анатолий с Аней с утра отправились на автобусе в Красногвардейский район, где были похоронены Анины родители.

На обратном пути автобус остановился, люди вышли подышать.

– Смотри, красота-то какая! Просторы, степь необъятная. Разве где-нибудь в мире такое увидишь?

Когда вернулись в автобус, сидевший рядом дедушка сказал Ане:

– Девушка, взгляни, под твоим креслом что-то поплёскивает. Не твоё ли?

Аня нагнулась и ахнула: под креслом лежало её обручальное кольцо, которое, вероятно, незаметно соскользнуло с пальца. Ну да, она ведь похудела и чуть его не потеряла.

– Спасибо, дедушка, это и правда моё обручальное кольцо.

– Береги его и не теряй больше. Вижу, муж у тебя хороший.

А хороший муж опять в командировку отправился, на этот раз в Будённовске при колледже домовый храм устраивать. Работал он один, ни на что не отвлекался. Много думал, молился и принял наконец важное для себя решение. «Вот только Ане не надо пока ничего говорить, важно ещё раз всё взвесить». Но как он может оставаться в стороне, если враг так близко? Когда в школе работал, часто военрука заменял и учил ребят любить и защищать свою Родину. Вот и пришло время её защитить...

Домой Анатолий приезжал часто, почти каждые выходные. Как-то собрались они с Аней чайку попить. Достала жена красивые чашки, а одна вдруг выскользнула из рук и разбилась.

– Вот я растяпа, такую красивую чашку не уберегла.

– Да что ты переживаешь из-за ерунды? Поедем да новую пару купим.

– Мне эта очень нравилась.

Через неделю ещё одна чашка разбилась...

Как-то утром Толик обнял Аню и говорит:

– Ты только не волнуйся, девочка моя, но я решил на СВО пойти. Уже и заявление в военкомат отнёс.

– Как, даже со мной не посоветовался?

– А что советовать? Я и так знаю, что ты скажешь.

– И что же?

– Сиди дома, тебе уже 63 года, пусть молодые воюют. Так ведь? А ещё можешь сказать: «Как же я без тебя останусь?»

– Всё так. Не хочется мне, чтобы ты уходил.

– А кто же Родину защищать будет? наших жён, детей? Россию-матушку? Мне хоть лет и немало, но любому молодому фору дам.

Анна поняла, что Анатолий много думал и решения своего не изменит.

– А когда ехать?

– Через три дня.

Последние три дня они прожили счастливо, будто новый медовый месяц наступил. Анна собрала необходимые вещи. Присели на дорогу.

– Давай я провожу тебя.

– Нет, не ходи, зачем будешь зря переживать. Дома простимся.

Он обнял любимую жену, крепко поцеловал и ушёл. Она смотрела из окна, помахала ему на прощанье. Всё было обыденно, будто на работу отправился.

С дороги он часто звонил, подбадривал.

– Всё хорошо, родная. Мы тут живём дружно, как одна семья.

Вначале проходили обучение в Будённовске, а потом в Донбассе.

Анатолий на учебке был первым: быстрее всех бегал, лучше всех стрелял.

Через три недели группу отправили ближе к линии фронта. Анатолия записали в штурмовой отряд. Все звали его «Борода», такой у него был

позывной. «Командиры, – сообщал муж Ане, – здесь хорошие, вот только в глазах у них какая-то невыразимая боль. И неудивительно, столько всего они повидали...»

Поселили ребят в большой землянке, недалеко от линии боевого соприкосновения. Анатолий уже почти привык к дронам, к вою снарядов и полевой жизни. Привык и к своим соседям. Ребята, в основном молодые, были со всей страны – «Якут» из Якутии, «Кедр» из Сибири, «Тюлень» с Дальнего Востока, «Степной» из ставропольской станицы и много других крепких, жизнерадостных парней. Они подружились, стали почти братьями. Их несколько раз брали на боевые вылазки, но в серьёзные передраги пока не включали.

Большой отрадой стал приезд священника – немолодого, в прошлом офицера, вдумчивого и внимательного. Он приехал как раз накануне серьёзного боя. Поговорил со всеми, поисповедовал и рано утром причастил желающих. Анатолий был в их числе.

Ещё затемно группу из четырнадцати штурмовиков по два-три человека стали отправлять к месту боя. Накануне муж передал Анне голосовое сообщение. Было поздно, и она спала. Только на другой день прослушала: «Лялечка, девочка моя любимая, нас, четырнадцать человек, отправляют в зону боевых действий. Больше звонить не буду. Живи красиво, ни в чём себе не отказывай. Ты – лучшее, что было в моей жизни. Прости, если я тебя когда-нибудь обидел...»

Но когда Аня слушала его родной голос, Анатолия уже не было в живых...

Женщина вдруг заплакала и кинулась к его столу, стала перебирать лежавшие там листки. Наткнулась на календарь. А в нём под числом 29 сентября написано его рукой: «Ухожу навсегда. Не вернусь». «Сегодня как раз 29-е... Нет-нет, всё обойдётся». Анна пыталась куда-то звонить, но так ничего и не узнала. Оставалось только ждать...

Едва забрезжил рассвет, штурмовики собрались на поляне. Им была дана команда взять высоты, на которых окопался противник. Разведка доложила накануне, что враг этой вылазки не ждёт и его можно будет захватить врасплох. Но информация оказалась неверной, их ждали. Как только ребята стали продвигаться к высотам, их буквально накрыл шквал огня. Двоих убило сразу. «Побеги, – шепнул молоденький «Степной» «Бороде», – сообщи, чтобы прислали подкрепление». «Беги ты, мы продержимся». Неподалёку разорвался снаряд. Анатолий встал на колени и зашептал слова молитвы. Никогда они не были такими горячими, идущими из глубины сердца. Но молился он не за себя. Чувствовал, что погибнет. А вот эти молодые ребята, они же только жить начинают... «Боже, помоги им! Спаси Россию...» И тут наступило затишье. Это на другой стороне наблюдали в бинокль за нашими ребятами. Один из вояк, бандит из «Азова», весь в нацистских наколках, последователь Гитлера и Бандеры и ненавистник всего русского, курил.

– Эй, Грыцю! Дывы, що то за цяця! Цэ твій орк!

Страшный Грыць подошёл и, посмотрев в бинокль, осклабился, грубо оттолкнул стоявшего возле орудия солдата. Целился медленно, ругаясь и сплёвывая.

– Ось тобі, москальська морда!

Снаряд попал точно в цель. Анатолий почти не почувствовал боли. Ощутил только лёгкость. Душа его медленно поднималась над полем боя. Она увидела его искалеченное тело, увидела, как добежал парнишка «Степной» и попросил подкрепления, как многие из их группы были спасены. А ещё она услышала тихое прекрасное пение и увидела много таких же душ, лёгких и счастливых. И вспомнилось евангельское: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя...»

«Музыкальный орёл»

В.В. Власенко

...Раннее утро. Солнышко только проснулось, и его первые лучи заглянули в комнату, поползли по стене и наконец наполнили всё пространство. Один из них, самый смелый, пощекотал носик спящего на кровати хорошенького мальчика лет десяти с длинными ресницами и тёмными кудрями. Мальчик поморщился во сне, повернулся на бочок и продолжил досматривать интересный сон. Ему снились высокие горы, водопады, про-

пасти – места, где он никогда не бывал и о которых только слышал от знакомых отца. Он даже улыбнулся во сне – так понравилось ему то, что он видел.

– Милюша, сынок, вставай, нам сегодня рано уезжать.

– Да-да, мамочка, сейчас... Только чуть досмотрю.

– Вставай-вставай.

Мальчик открыл глаза и вспомнил, что сегодня они с мамой уезжают в Москву.

Елизавета Ивановна, худенькая и энергичная, была уже в дорожном костюме. Она поцеловала любимого старшего сына, очень на неё похожего, и стала помогать ему собираться. Милий быстро оделся, позавтракал, проглотил на ходу булочку с чаем и вышел во двор. Стоял чудесный летний день с лёгкими белыми облаками на ярко-голубом небе, с запахами трав и цветов. От Волги веяло прохладой. В соседнем дворе закукарекал петух. Отец, Алексей Константинович, благословил на дорогу: «С Богом!». Младшие сестрички замахали ручками.

Путники удобно устроились в почтовой карете. Милий ещё никогда не уезжал так далеко. Вначале он смотрел в окошко и спрашивал у мамы, какие деревни они проезжают и долго ли ещё ехать. Потом утомился и задремал. А дорога была длинной. Только через четыре дня показались окраины Москвы. В городе наняли извозчика и приехали к знакомым Елизаветы Ивановны. Заранее договорились о том, что Милий возьмёт

десять уроков у известного московского педагога пианиста Александра Ивановича Дюбюка, ученика Джона Фильда.

Ещё в раннем детстве заметила Елизавета Ивановна интерес сына к музыке. Он очень любил слушать, как она играет. Садился рядом и забывал обо всём на свете. Потом сам подходил к роялю и нажимал на клавиши. А ещё у него была любимая игра. Он облачался в мамину длинную кофту, привязывал к платку маленькую конфетницу и, размахивая самодельным кадиллом, пел: «Господи помилуй». Родители умилялись: «Будущий архиерей растёт».

Мама решила заниматься с сыном музыкой, когда малышу исполнилось четыре года. Вначале это была игра, но со временем она заметила, что Милий схватывает всё на лету, быстро разучивает несложные пьесы, и его пальчики бегло летают по клавиатуре. Надо было искать хорошего педагога, который заложил бы основы техники будущего виртуоза (а в этом Елизавета Ивановна даже не сомневалась). Началась переписка с приятельницами из Москвы и Петербурга и наконец выбор остановился на известном педагоге Дюбюке. Прошло ещё немало времени, прежде чем были назначены даты десяти уроков маэстро. Надо сказать, что Милий произвёл на пианиста огромное впечатление. Он всё понимал с полуслова, оттачивал все упражнения, много играл между занятиями и приходил на уроки с блестяще выполненными заданиями. Александр Иванович был очень доволен учеником. «Ну что,

милочка, – сказал он Елизавете Ивановне после окончания курса занятий, – я передал вашему гениальному сыну всё, что знаю и умею. Из него выйдет толк. Следите, чтобы он продолжил занятия у вас в Нижнем, и о нём заговорит весь музыкальный мир. Впрочем, и следить не надо. Музыка – это его путь».

На всю жизнь запомнил Милий уроки и наставления великого педагога. Воодушевлённый, приехал он домой. Мама договорилась, чтобы он продолжил заниматься под руководством нижегородского пианиста и дирижёра Карла Эйзриха. Милий был счастлив. Но вскоре случилась беда: любимая мамочка, всегда поддерживавшая сына и верившая в него, внезапно заболела и умерла. Как же так? Ему ведь всего десять лет. А самый родной и близкий человек ушёл навсегда. Мальчик ходил потерянный, все краски мира будто померкли. Садился за мамин рояль и играл только минорные пьесы. Потом уходил на Волгу, плавал, нырял. Однажды нырнул и больно ударился головой о камень. Голова потом долго болела, но это как-то заставило его взять себя в руки. Он мысленно пообещал маме, что станет таким, каким она хотела его видеть...

Зима 1855 года выдалась в Петербурге морозная, снежная. Прохожие поднимали воротники, кутались в меховые накидки и передвигались быстрее обычного. Извозчики то и дело сновали по заснеженным улицам. Один из них остановился в Эртелевом переулке, возле дома Томило-

вой. Из саней выбрался коренастый, невысокого роста барин с курчавыми с проседью волосами и молодой человек с небольшой окладистой бородой.

– Ну вот мы и приехали.

Тот, что постарше, уверенно поднялся на крыльцо и позвонил в дверь. Навстречу гостям из комнаты вышла приятная женщина средних лет, сестра хозяина.

– Ах, Александр Дмитриевич, очень рада, что вы приехали. Михаил Иванович ждёт вас.

Из комнаты раздавались звуки рояля и чьё-то пение.

– Михаил Иванович, к тебе гости!

Дверь распахнулась, и на пороге появился невысокий мужчина в сером сюртуке, с добрым и внимательным взглядом светло-карих глаз.

– С приездом, голубчик Александр Дмитриевич! Как добрались?

– Да слава Богу, Михаил Иванович. С Рождеством вас!

– Господа, – обратился хозяин к присутствующим, – познакомьтесь – мой давний приятель из Нижнего Новгорода Александр Дмитриевич Улыбышев, автор первой в России биографии Моцарта, меценат, любитель и знаток музыки. И кстати, замечательная первая скрипка! А вот молодого человека я не знаю.

– Михаил Иванович, скоро не только вы, но и весь Петербург узнает этого талантливого юношу. Это Милий Алексеевич Балакирев, прекрасный пианист, мой воспитанник.

Милий смутился, даже покраснел. Перед ним стоял его кумир, великий Глинка, чьей оперой «Жизнь за царя» он восхищался. Вот и новое произведение, фортепианная фантазия на мотивы из этой оперы, лежало в папке, предназначенное для подарка композитору.

– Проходите, не смущайтесь. Мы музицируем, поём мои романсы. Может, поаккомпанируете нам?

– С удовольствием.

Милий сел за рояль и наизусть играл аккомпанемент известных ему романсов Глинки. Спели и его любимый романс на слова Пушкина «Я помню чудное мгновенье».

– Вы знаете, молодой человек, я посвятил его Екатерине Ермолаевне Керн, моему доброму гению. А слова Пушкина посвящены её матери, Анне Керн. Вот такой получился необычный романс.

Милий не знал этого и только смотрел на Глинку восхищённо, очарованный его талантом. А композитор стал грустным и молчаливым. Он вспомнил, как познакомился с молодой Екатериной в 1839 году. Он был на 14 лет старше её и увлёкся не на шутку. Катенька отвечала ему взаимностью. Они даже собирались пожениться. Но Глинка был не свободен, бракоразводный процесс затягивался. И они расстались. Перебирая в памяти события прошедших лет, Михаил Иванович чуть заметно вздохнул...

А Балакирев продолжал аккомпанировать. Потом расхрабрился и сыграл импровизацию на

тему трио «Не томи, родимый». Все были в восторге, даже аплодировали.

– Недурно, недурно. Приходите к нам по четвергам. Мы здесь говорим о музыке, что-то исполняем, – сказал композитор.

И Балакирев стал приходить к Глинке до его отъезда в Германию. Они много рассуждали о музыке, о том, как важно писать произведения, основанные на интонациях русских народных песен, таких мелодичных, с присущими только им особыми оборотами. «Нет в мире ничего прекраснее и душевнее русской народной песни!» – любил говорить Глинка.

Незадолго до отъезда он решил побеседовать с сестрой, Людмилой Ивановной Шестаковой, о музыкальном воспитании её дочери Оли, крестницы и любимицы Михаила Ивановича.

– Наша Оля ещё мала, ей всего четыре года. Но если я умру, музыкальное образование её доверь только Балакиреву. Дай мне слово. В этом юноше я нашёл взгляды, так близко подходящие к моим во всём, что касается музыки. Ты можешь вверить ему Олю вполне и быть покойной, что он пойдёт по стопам твоего брата. И я тебе скажу, что со временем он будет вторым Глинкой.

Отъезд в Германию был назначен на 27 апреля. Накануне Глинка долго разговаривал с Балакиревым, давал ему советы по оркестровке. Он будто чувствовал, что больше они не увидятся. Он подарил юноше две испанские мелодии, взяв с него обещание написать на них что-то толковое. Балакирев обещание выполнил. Вскоре поя-

вилось оркестровое произведение «Увертюра на тему испанского марша» и фортепианное – «Испанская серенада».

Предсказания Улыбышева сбылись: Балакирев становился популярным пианистом Петербурга. Его часто приглашали в известные аристократические салоны, его игру слушали даже представители императорской фамилии. Но развлекать петербургскую знать виртуозной игрой не было его целью. Большую радость доставляли ему посещения музыкальных вечеров композитора Александра Даргомыжского, где он познакомился с военным инженером Цезарем Кюи, офицером Модестом Мусоргским, с критиком Владимиром Стасовым. Кюи и Мусоргский были страстными любителями музыки, даже что-то писали в свободное время. Они стали собираться у Балакирева, показывать и играть свои произведения, слушать его советы. Через некоторое время к ним примкнул Николай Римский-Корсаков, студент Морского кадетского корпуса, семнадцатилетний юноша, который что-то пытался сочинять, не зная даже названий аккордов. Из этих людей и был создан балакиревский кружок любителей музыки, к которому присоединился и профессор Медико-хирургической академии химик Александр Бородин. Душой собраний стал, конечно, Балакирев.

Молодой, с чудесными, подвижными, огненными глазами, с красивой бородой, говорящий решительно, авторитетно и прямо, он производил на всех почти магнетическое впечатление. Он

каждую минуту был готов к прекрасной импровизации на фортепиано, помнил каждый известный ему такт, запоминал мгновенно играемое ему сочинение. И самое главное – у него был уже композиторский опыт. Все благоговели перед ним. Римский-Корсаков, как губка, впитывал всё, что говорил ему старший товарищ, выполнял его задания безукоризненно. И с восторгом говорил о нём своим приятелям в Морском училище.

– Вы не представляете, какой это человек! Превосходный пианист, играющий всё на память! А какие смелые суждения, новые мысли о музыке! И он одобрил моё скерцо до минор, сделал только несколько замечаний.

– Николя, он действительно хороший композитор?

– Превосходный! Я благоговею перед его талантом. Он настаивает, чтобы я начал писать симфонию.

– Как, симфонию?

– Да, говорит, посмотрим некоторые образцы симфоний, поиграем их, будем учиться на практике. Я даже и не мечтал никогда, в какой новый, неведомый мне прежде мир я попаду! Балакирев сейчас делает инструментовку увертюры «Кавказского пленника» для Кюи. И я присутствовал при настоящих, деловых разговорах об инструментовке, голосоведении!

– Тебе повезло, дружище. Похоже, ты нашёл настоящего учителя.

Балакирев и правда был прекрасным учителем.

Друзья собирались по субботам в небольшой квартирке на Екатерининском канале, которую он снимал, разговаривали, читали, играли в четыре руки симфонии, квартеты современных композиторов и бессмертные творения Гайдна, Моцарта, Бетховена. И, конечно, разбирали только что написанные произведения собравшихся. Вначале такие встречи проходили от случая к случаю, но потом стали регулярными. Уж очень хотелось молодым авторам услышать авторитетное мнение Балакирева и поработать с ним над тем, что они принесли. Хозяин был снисходителен к ошибкам. Он сразу выделял то, что ему нравилось, говоря: «О, это гениально!» Но через четыре такта мрачнел: «А вот это никуда не годится». И предлагал свой вариант. Иногда целые страницы в произведении молодого неопытного композитора принадлежали Балакиреву. «А эту тему, голубчик, лучше провести в Ре бемоль мажоре, она зазвучит мягче». Он очень любил эту бемольную тональность, считал её матовой, бархатной. Однако иногда он был весьма деспотичен, не допускал возражений, но начинающим авторам такой подход к делу был подчас необходим. Это потом, когда они оперятся, когда у них вырастут крылья, они полетят в разные стороны. Но это будет не скоро. А сейчас все буквально смотрели в рот своему учителю и выполняли его указания.

В дверь громко постучали. Балакирев открыл и с удовольствием увидел на пороге Владимира Стасова, с которым успел подружиться.

– Любезнейший бахинька, проходите!

– Добрый вечер, дорогой Милий!

Стасов, известный всем критик и покровитель талантов, вошёл в прихожую и отряхнул пальто от снега. Высокий, с длинной бородой, с громким голосом и юношеской живостью, он как-то сразу заполнил собой всё пространство. Его жизнерадостность всегда заряжала. Ещё Глинка называл его Бахом за любовь к немецкому полифонисту, а Балакирев величал Стасова бахинькой.

– Приветствую вас, надежда и будущее русской национальной музыки! Работает ли ваша кузница гениев?

– Владимир Васильевич, не перехвалите. Работаем, конечно, и многое получается. Вот Корсинька первую симфонию пишет. Одно меня тревожит: он заканчивает учёбу и скоро отправляется в кругосветное путешествие. Надолго.

– Но эта «одиссея» когда-то завершится и всё вернётся на круги своя. А я, кстати, принёс вам «Одиссею» Гомера прочитать. Как в воду смотрел.

Все разместились на диване и стульях, а Стасов принялся громким голосом читать «Одиссею». Читал он очень выразительно. Хотел, чтобы молодые русские композиторы стали образованнее. И делал всё для этого. Он говорил: «Я хочу быть полезным другим, коли сам не родился творцом».

Час пролетел незаметно. Владимир Васильевич засуетился, попрощался со всеми и ушёл. Молодые люди с восхищением смотрели вслед.

– Милий Алексеевич, а правда, что Стасова называют «Иерихонской трубой»?

– Правда. А ещё тараном, который пробивает насквозь все заслонки невежества, злости, лжи, притворства и ненависти, которые мешают развитию русского национального искусства. Он наш с вами лучший друг и защитник. Он недавно говорил мне, что, когда вы будете увереннее стоять на ногах как композиторы, он поможет найти темы для опер, русских опер, поможет написать либретто. Он ведь работает в Императорской Публичной библиотеке. Но вы не расслабляйтесь. Надо много потрудиться для нашей русской музыки...

Милий и сам очень много работал. Два года назад вместе с поэтом Щербиной ездил записывать русские народные песни. Выехали из Нижнего и отправились по Волге до Астрахани, останавливаясь в маленьких сёлах. Экспедиция вышла удачной. Древние бабушки-певуны вспоминали песни своей молодости и много напели, чего раньше Балакирев и не слышал. Он всё запоминал, записывал и привёз в Петербург богатейшее сокровище народной музыки. Сразу стал обрабатывать, импровизировать, вплетая в музыкальную ткань понравившиеся ему музыкальные обороты. При этом использовал характерные для народной музыки приёмы развития, такие, например, как подголосочная полифония. Друзья просто диву давались, как красиво и органично звучала музыка. И всё это было родное, из глубины веков пришедшее и сохранившееся,

напевное и русское. Такую музыку хотелось слушать, она проникала в душу. Вот хотя бы простая песня «Во поле берёза стояла». Казалось бы, ничего особенного. Но она звучит в тебе, делает мир светлее и ярче. Милий играл народные песни друзьям и думал: «Разве можно победить народ, который поёт и хранит такое сокровище? Это же неиссякаемый источник мудрости, красоты и гармонии!» И он использовал эти песни в своих произведениях, написал замечательную симфоническую поэму «Русь». И щедро делился своими находками с учениками. Благодаря его энтузиазму, гениальности, титаническим трудам Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков стали гордостью русской музыки...

Зимой 1862 года Милий что-то захандрил. Из-за расстройства нервов появилась болезненная мнительность, даже депрессия. Он говорил Стасову: «Моё здоровье плохо. Что-то как будто разразится надо мной. Хорошо ещё, если с ума не сойду».

– Милий, все ваши болезни от нервов. Вы светлый, прекрасный и благородный человек, но очень горячий, всё принимаете близко к сердцу. Сходите к Боткину. Сергей Петрович великолепный врач, его все хвалят в Петербурге. Он обязательно что-то посоветует.

Милий внял словам Стасова и вскоре посетил Боткина. Профессор произвёл на него превосходное впечатление. Он был очень внимателен,

деликатен, весьма сведущ в медицине. После обследования он сделал такое заключение:

– Вот, что я вам скажу, голубчик Милий Алексеевич. Ваша нервность и проблемы связаны с застарелым и сильным ушибом. Может быть это произошло в детстве, и вы не обратили на это внимания. Вам нужен покой, хороший отдых. Поезжайте-ка на Воды, на Кавказ. Природа и минеральные воды если и не вылечат вас полностью, то значительно улучшат ваше состояние. Вам надо сменить обстановку. Нужны прогулки на свежем воздухе, новые впечатления. Серьёзных проблем со здоровьем нет, скорее это мнительность. Но проигнорировать ваше состояние тоже нельзя.

Балакирев и сам понимал, что надо что-то делать, и в мае выехал в Пятигорск. Ехал долго, на поезде, на пароходе и в почтовой карете. На Кавказе дорога проходила через Ставрополь, который очень понравился Балакиреву. В Ставрополь въехали утром, когда солнце было уже высоко и грело по-кавказски. Милия особенно поразило обилие деревьев. Город был зелёным и буквально утопал в цветах. Балакирев впервые увидел высокие деревья акаций. Город красивый, расположен на взгорьях. Особенно эффектно выглядел собор, стоящий на самом высоком месте, откуда был виден весь Ставрополь. А на горизонте – ледяные цепи гор. Когда уже подъезжали к Пятигорску, стали видны исполинский двуглавый снежный Эльбрус и гордый Казбек. Всё это было ново, необычно и очень красиво.

В Пятигорск Милий приехал поздно вечером. Остановился в казённой гостинице и первое впечатление о городе было не очень приятным. Войдя в гостиницу, он увидел огромный зал, в одном углу которого стоял стол, на нём – карты, шампанское, вокруг сидели офицеры. В другом углу то же. Везде кавказские офицеры, и кроме них, трудно было встретить хоть какого-нибудь трезвого рассудительного человека. Милий очень устал в дороге, был раздражён.

Наутро он проснулся с первыми лучами солнца, которое взойшло над Машуком и светило прямо в его окно. Настроение улучшилось. А когда Милий вышел на Липовую аллею и вдохнул ароматы чудесных роз, от бывшего раздражения не осталось и следа. В Пятигорске он прожил несколько дней, ходил везде и, несмотря на некоторую нервозность, был очень доволен местоположением курортного города. Он перечитал «Героя нашего времени» и с удовольствием гулял по местам, описанным в произведении. Милий строчил Стасову: «Дышу Лермонтовым. Гуляя в Пятигорске у грота (сцена с Верой), в Провале, у Эоловой Арфы, я чувал тень Лермонтова, – он так и носился предо мной. Перечитавши еще раз все его вещи, я должен сказать, что Лермонтов из всего русского сильнее на меня действует.

Я приковывался к нему, как к сильной натуре. Кроме того, мы совпадаем во многом, я люблю такую же природу, как Лермонтов. Черкесы точно так же мне нравятся, начиная от их костюма (лучше черкесского костюма я не знаю), и много

еще есть струн, которые Лермонтов затрагивает и которые отзываются во мне».

В один из дней Милий захотел найти дом, где прежде жил Михаил Юрьевич и куда привезли его бездыханное тело после дуэли. Он расспрашивал об этом местных жителей и с трудом нашёл одного, кто смог ему помочь. Он долго ходил около домика, рассматривал его издалека, но так и не решился зайти внутрь. Зачем? Там теперь жили уже другие люди, которым не было никакого дела до погибшего поэта. На прощание Милий сфотографировался в черкесском костюме на память о Пятигорске и уехал в Ессентуки. Это была большая станица в 17 верстах от Пятигорска. Балакирев пил там приготовительные воды, чтобы отправиться на настоящее лечение в Железноводск. В Ессентуках Милию понравилось. Там было общество, хоть и маленькое, но вполне порядочное, так что он не скучал. В особенности сошелся Милий с товарищем по водопою Навроцким, мировым посредником Полтавской губернии. Он много и интересно рассказывал про хохлов. «Хохлы, – говорил он, – как ни ругают москалей, но осознают и их превосходство над собой, и кровное родство».

Дни бежали стремительно, и Балакирев, пройдя курс лечения в Железноводске, в сентябре был уже в Петербурге. После юга столица показалась ему холодной и мрачной. Начались дожди, а с ними и обычная питерская простуда. Милий по-прежнему занимался по субботам со своими друзьями-единомышленниками. Корсинька, к

которому так привязался Балакирев, уехал. Но в кружок пришёл Бородин, умный, талантливый и пытливый. Писал он медленно (много времени занимала наука и преподавание в Медико-хирургической академии), но очень толково.

По-прежнему Балакирев дружил с Владимиром Стасовым. Они часто обедали у Людмилы Ивановны Шестаковой, сестры Глинки. А иногда их приглашали и другие знакомые. Вот и сегодня друзья направились на обед к Ковалевским, Петру Михайловичу и Анне Фёдоровне.

Анна когда-то была ученицей Балакирева, а её муж был писателем и очень интересным и остроумным человеком. Вечер прошёл незабываемо. Домой друзья не торопились и решили пройтись и поговорить. Со стороны они выглядели странно: высокий Стасов с длинной бородой и небольшого роста Балакирев, коренастый, с чёрной окладистой бородкой. Но очень многое их объединяло: оба были очень талантливы и трудолюбивы, оба старались развивать и поддерживать русское национальное искусство, были порой несдержанны, резки и неудобны. Даже болезни их были похожи – мнительность, нервность, самоедство. Об этом они нередко писали друг другу. Но в этот вечер настроение было прекрасным, и они медленно шли, говоря о каких-то пустяках. Вдруг Стасов остановился.

– Сказать вам великую тайну? Я об Анне... Меня тянет к ней, точно в пропасть, в которую придется непременно упасть. Но не дай Бог. Мне просто надо меньше её видеть.

– Да разве это тайна? У вас же всё на лице написано. Вы весь вечер смотрели на неё, как кот на сметану.

– Правда? А я и не замечал.

– Но это заметили все. И не забывайте, что она замужем. Хотя, когда это вас останавливало? А я тоже увлечён Анной Фёдоровной.

– Милий, дорогой! Я думал, что вам нравится кто-то из наших «музыкальных барышень».

– Вы о сёстрах Пургольд?

– Конечно! На вечерах у Даргомыжского Наденька часто на вас смотрит. И смотрит особенно.

– Ах, бахинька! Наденька, конечно, и мила, и красива, и талантлива. Но что я могу ей дать? У меня нет ничего, сам я должен помогать отцу и младшим сёстрам. Наденька заслуживает лучшего.

– Да, вы правы. Начнёшь проявлять внимание, ухаживать, а там и до женитьбы недалеко. А я думаю, что жениться надо, когда что-то в этой жизни сделаешь, на ноги встанешь.

– А как здоровье? Помог вам Кавказ?

– Немного лучше стало. Но мне сказали, что за один приезд не излечишься. Хочу в этом году снова поехать. Надо сходить к профессору Боткину, что он на это скажет.

Боткин посоветовал непременно съездить на воды ещё раз.

– Милий Алексеевич, я вижу, что состояние ваше улучшилось. Надо продолжать лечение. В этом году оно будет организовано лучше. Дирек-

тором Кавказских Минеральных вод назначен мой знакомый, замечательный доктор Смирнов. Мы вместе с ним у профессора Иноземцева учились. Я ему о вас напишу. А вы поезжайте, у него и остановитесь.

Балакирев так и сделал. Семнадцатого мая он отправился на Кавказ, а тридцать первого был уже в Пятигорске. На этот раз приехал в обед, в ясный солнечный день. Боткин договорился о том, что он поживёт у Смирнова, и его ждали. Дом директора стоял на улице Царской, на нижнем бульваре. Семь окон по фасаду, с цветными стёклами вверху и внизу. Милий подошёл к калитке и постучал. Из дома тут же вышел человек, взял вещи Балакирева и, поздоровавшись, жестом пригласил следовать за ним. Вымощенная плитами дорожка вела к широкой каменной лестнице, в которой перила заменяли большие плиты.

Милий осмотрелся. Перед парадной дверью – застекленный «фонарик» со скамейками; далее – передняя, из которой одна дверь вела в столовую, другая в кабинет. Из кабинета вышел хозяин и представился.

– Семён Алексеевич. А это моя жена, Александра Онуфриевна, и дочь Екатерина. С прибытием на Кавказ, дорогой Милий Алексеевич!

Балакирев пожал руку гостеприимному хозяину.

– Очень рад познакомиться. Мне Сергей Петрович о вас много говорил.

– А мне он о вас писал. Да я и сам за вами давно наблюдаю, Милий Алексеевич.

Раньше жил и работал в Москве. А в Москве о вас говорят много хорошего... Да что это мы стоим? Вы же с дороги. Проходите, мой дорогой гость.

И они прошли в столовую, где уже был накрыт стол и кухарка сутилась, поправляя салфетки.

– Пожалуйста, присаживайтесь. Марьюшка, подавай обед.

Опрятная кухарка в белом переднике принесла наваристые зелёные щи с маленькими мясными пирожками. Милий добавил варёное яйцо и сметану. Попробовал и не мог не сказать: «Очень вкусно!» В щах было много щавеля и свежей ароматной зелени.

– Вы с дороги, давно домашней еды не ели. А Марьюшка у нас мастерица. Она ещё отменного гуся в яблоках приготовила.

Съели и гуся, а на десерт – бисквит под взбитыми сливками. За столом Смирнов рассказывал о том, как он в прошлом году приехал в этот город и какое впечатление на него произвело знакомство с ним и замечательными минеральными водами Кавказа.

– Вы знаете, я был поражён богатством этого края. Но вместе с тем, болела душа и оскорблялось национальное чувство, видя это богатство в таком первобытном, полудиком состоянии, которое отчуждало его от России и русского народа. Еще работая с Иноземцевым, я много раз сопровождал больных на zahraniчные курорты,

хорошо знал, как организовано на них лечение и имел личные контакты со многими зарубежными врачами и учёными. И тогда я взялся за переустройство наших курортов, чтобы поднять их до уровня известных zahraniчных. Сейчас на курортах проводятся систематические наблюдения за главнейшими источниками. Организована первая на русских курортах химическая лаборатория, в которой проводятся сравнительные анализы воды источников Кавказской группы и лечебных грязей... Да что это я вас заговариваю. Вы, наверное, отдохнуть хотите. Сейчас Александра покажет вам дом, а Семён отнесёт вещи в вашу комнату. Меня ждут больные. Посмотрю тех, кто пришёл, а потом поеду на вызовы. Вечером встретимся.

Александра Онуфриевна провела Милия по дому. Он был уютным, со вкусом отремонтированным. В угловой комнате – камин. Гостиная была обставлена по старинной моде, с роялем.

– Рояль в вашем распоряжении, Милий Алексеевич.

– А кто на нём играет?

– Я и дочка.

– Вы позволите?

– Конечно.

Милий открыл крышку рояля и сыграл одну из обработок народных песен.

Александра и прибежавшая на звуки музыки Катя слушали с восхищением.

– Bravo, bravo, Милий Алексеевич!

– Рояль превосходный! Буду с удовольствием играть вам по вечерам.

И они продолжили экскурсию по дому. Комната хозяйки была увешана фотографиями. Из этой комнаты был выход на террасу и в сад с фонтаном и цветами. В доме поверх кухни соорудили надстройку с балконами и тремя комнатами. Её называли «скворечником». В одной из комнат и поселился Балакирев. Здесь ему было удобно. Окно выходило в сад, и утром он просыпался от пения птиц. Быстро завтракал и отправлялся пить минеральную воду и дышать свежим воздухом. Он писал из Пятигорска Стасову: «Эльбрус, яркие звёзды, утёсы, скалы, снеговые горы, пропасти Кавказа – вот чем я живу. Просыпаясь, я отправляюсь бродить по скалам и утёсам. Изредка лишь дикие козы нарушают моё уединение... Смирнов надеется исцелить водами моё нервное расстройство».

Семён Алексеевич поговорил с Милием о его проблемах со здоровьем.

– В этот раз вам не придётся переезжать с одного курорта на другой. Всё, что вам необходимо, вы будете получать здесь, в Пятигорске. Я сейчас выпишу вам ванны и грязи. А пока гуляйте, пейте воду, наслаждайтесь природой. Да, в воскресенье у нас будут гости, очень интересные люди.

Балакирев целыми днями бродил по городу и его окрестностям, особенно любил места, связанные с героями Лермонтова. Смирнова он почти не видел. Доктор просыпался рано, пил чай со

сливками и начинал приём больных. После обеда он ездил по вызовам, а раз в неделю консультировал в других курортных городах. Он очень много работал. А ещё писал книгу «Заметки о лечении минеральными водами».

В воскресенье Смирнов познакомил Балакирева с балкарским князем Исмаилом Урусбиевым.

– Милий Алексеевич, это наш друг, большой ценитель искусства, князь Исмаил Урусбиев.

– Очень рад, князь, познакомиться с вами. Мне говорили, что вы не только ценитель, но и исполнитель народной музыки. Вы нам что-нибудь сыграете?

– Для меня честь общаться с вами, господин Балакирев. И если вы хотите, то сыграю что-нибудь наше, кавказское.

Он взял небольшой продолговатый инструмент с натянутыми струнами из конского волоса и, играя на нём, запел протяжную заунывную песню. Голос у него был красивый, чистый, глубокий. Милий, знаток и ценитель народной музыки, заслушался.

– О чём эта песня?

– О любви. Молодой балкарский парень из небогатой семьи влюбился в красавицу кабардинку. Ей он тоже приглянулся. Но родители были против их брака. Вот парень и загрустил.

– А могли бы вы сыграть что-нибудь зажигающее, быстрое, как горные реки?

– Конечно. Например, народную плясовую «Исламей».

И князь сыграл этот пляс. Милий улыбнулся. Его ноги стали невольно отстукивать ритм танца. Было даже сложно усидеть на месте.

– Так и хочется пуститься в пляс под ваш исламей. Вот только не умею.

– Понравилось?

– Ещё бы. В этом танце и стремительные горные реки, и снежные вершины, и неукротимый горский характер.

Милий тоже поиграл Исмаилу и его спутникам обработки русских песен.

Он подружился с Урусбиевым, и они несколько раз встречались и играли друг другу. Однажды князь приехал из своего аула Урусбиево, что в Приэльбрусье, с кунаками, которым очень хотелось увидеть знаменитого русского пианиста и дирижёра.

Балакирев накануне играл понравившийся ему исламей, и ему захотелось проверить, как отреагируют горцы на его обработки плясовой.

Он заиграл зажигательный танец, и один из почтенных узденей, восьмидесятилетний старец, сорвался с места и стал плясать. Он плохо знал русский язык, но слышал, как обращаются к Балакиреву. Когда пляска была окончена, подошёл к пианисту, говоря: «Какой ты милый, какой ты харощий». Это была высшая похвала.

С июня в Пятигорске по инициативе Смирнова стала выходить курортная газета «Листок для посетителей Кавказских Вод». В ней давались объявления, а также информация о том, кто из известных людей приехал на Воды. Узнав о том,

что в городе находится Балакирев, многие отдыхающие стали просить Смирнова устроить концерт пианиста. Милий вначале отнекивался, но потом согласился. Концерт состоялся 29 июля в Культурном центре курорта, у входа в парк. Этот центр представлял собой большой танцзал, гостиную с роялем и ресторан. Балакирев исполнил сочинения Бетховена, Шопена, Шумана. Он сообщил отцу, что сбор от концерта составил лишь 150 рублей, что объяснялось малым размером зала.

Подобную концертную программу слышали и любители музыки в кисловодской Ресторации. Милий Алексеевич писал Стасову, что всё ещё не приступил к лечению, но очень хорошо проводит время. И только в августе он принял курс ванн и поспешил уехать в Петербург.

Дел было много. Постоянного внимания требовала Бесплатная музыкальная школа, которую открыли в марте 1862 года Балакирев и Ломакин. Школа стала не только образовательной, но и концертной организацией. Было много желающих учиться музыке, особенно хоровому пению. На концертах хоровыми произведениями руководил Ломакин, а оркестровыми дирижировал Балакирев. Часто исполнялись произведения Глинки и Даргомыжского, а также творения молодых композиторов балакиревского кружка. Балакирев дирижировал блестяще. «Он настоящий музыкальный орёл», – говорил о нём Даргомыжский. Но у школы были и враги – те, кто ненавидел русскую музыку и преклонялся перед

западной. И всё же труды Балакирева не остались незамеченными. В сезон 1867–1868 годов Управление концертами Русского музыкального общества пригласило его на место дирижёра. В этот сезон в концертах часто звучали произведения русских композиторов. А молодые члены балакиревского кружка по-прежнему собирались по субботам у Милия. Регулярные занятия дали свои плоды: Бородин заканчивал Первую симфонию «Ми бемоль мажор» и редактировал наброски оперы «Князь Игорь». Идею оперы подсказал Стасов, он же написал и сценарий. А Бородин добросовестно изучал «Слово о полку Игореве» и Ипатьевские летописи.

9 декабря в концерте Балакирев исполнил свою «Чешскую увертюру» и симфоническую картину Римского-Корсакова «Садко». Корсиньку публика приняла радушно: молодого композитора несколько раз вызывали. Мусоргский задолго до премьеры радовался за младшего товарища, настолько самобытным и *русским* оказалось произведение. Кюи в «Санкт-Петербургских новостях» отметил: «Самое удачное, оригинальное и самобытное произведение из всего написанного Корсаковым... Поражает легкость, свежесть и вдохновенность мысли. Краски оркестра очаровательны, подводны по характеру своему от первой до последней ноты».

Одно лишь выступление звучало брезгливо-вызывающе, вразрез со всеми: «Неужели народность в искусстве заключается в том, что мотивами для сочинения служат тривиаль-

ные плясовые песни, невольно напоминающие отвратительные сцены у дверей питейного дома?» Автором заметки был Александр Сергеевич Фаминцын, молодой профессор эстетики в Санкт-Петербургской консерватории, в свободное время писавший музыку. Мусоргский не мог не откликнуться на статью памфлетом.

Я прост, я ясен,
Я скромн, вежлив,
Я прекрасен.
Я плавлен, важен,
Я в меру страстен.
Я – чистый классик.
Я стыдлив,
Я – чистый классик,
Я учтив.

На этот текст он написал «Классика». А в рукописи пояснил: «В ответ на заметку Фаминцына по поводу еретичества русской школы музыки».

Весной 1868 года молодые члены балакиревского кружка стали еженедельно собираться у Даргомыжского, в его квартире на Моховой, 30. Композитор писал оперу «Каменный гость» на слова Пушкина. Она вызывала всеобщее восхищение, и сцены из неё тотчас же исполнялись самим композитором и его гостями. Постоянными участницами вечеров были сёстры Александра и Надежда Пургольд, жившие неподалёку. Александра прекрасно пела, а Надежда была превосходной пианисткой. Нередко собирались и в семействе Пургольд. Балакирев и Мусоргский играли в четыре руки. Модинька знакомил со сво-

ими гениальными и своеобразными вокальными произведениями: «Светик Савишна», «Гопак», «По грибы». Корсинька начинал писать «Антра» и оперу «Псковитянка». Словом, музыкальная жизнь кипела. Но Балакирев очень устал от напряжения, необходимости постоянно быть на виду. Хотелось отдохнуть, и он опять собрался на Кавказ...

* * *

Милий ещё до рассвета ушёл на прогулку. Ему говорили, что ожидается сильная гроза, но он не поверил. Небо было ясное, ни облачка на нём. А как хороши горы, освещённые первыми солнечными лучами! Как будто кисть талантливого художника окрашивает снежные вершины в слегка розоватый цвет, потом он становится ярче и, наконец, ослепительно белые горы торжествующе сияют на фоне ярко-голубого неба. Ничего прекраснее Милий не видел в своей жизни. Он полюбил этот удивительный край, его дикую природу, первозданную красоту. Ему по душе были бурные реки, скалистые вершины, глубокие пропасти. Он уже третий раз приезжал в эти края, чтобы поправить здоровье и напитаться энергией Кавказа, в которой он черпал вдохновение и силы. На этот раз Милий остановился в Кисловодске. Он очень любил этот город, называл его раем Кавказа. А нарзан, по его мнению, был лучше сотен других источников. Ему нравилось любоваться, как пенится нарзан, он чувство-

вал его нрав и силу. Он и сам становился сильным на Кавказе. Вот и в этот раз он поднялся в горы и ничто не было ему страшно. Вдруг как-то резко погода начала портиться, появились тучи, подул ветер. «Говорили же мне, что будет гроза, а я не поверил», – подумал, сердясь на себя, Милий. Постарался быстро спуститься и почти бегом направился к гостинице. Последние двадцать минут бежал под проливным дождём. Сильные дождевые струи будто хлестали его, гром оглушал, и молнии пронзали тёмные тучи. Едва Милий добежал до арки, как услышал, что по крыше стучат тяжёлые градины. Град размером почти с куриное яйцо быстро покрыл все лужайки и клумбы. Многие окна были разбиты. Милий быстро поднялся к себе в номер на второй этаж. Благо, его жилище не пострадало от стихии. «Да, мне ещё повезло. Вот если бы град застал меня в пути, вряд ли жив бы остался». Он подумал, что, наверное, мать молится за него на том свете. Он ведь был её старшим сыном. Вечером, уставший и взволнованный, Милий лёг раньше обычного.

А в это время на даче Пургольдов в Лесном две молоденькие и хорошенькие барышни, сёстры Александра и Надежда, сидели в парке и предавались воспоминаниям.

– Ах, Надюша, я так скучаю здесь, в Лесном. Как хорошо было в Петербурге этой весной! Помнишь репетиции «Каменного гостя»? Я там познакомилась с Модинькой. Он, конечно, не красавец, но глаза удивительные. В них столько

ума, так много мыслей, как бывает только у больших талантов.

– Да, конечно, Сашенька, он изящен, воспитан, прелестно декламирует и поёт...Конечно, он талантлив. Но рядом с Балакиревым все тускнеют.

– Я и не спорю. Милий Алексеевич – гений. Но он фанатик и ненавидит женщин.

– Как такое может быть? Это бессмыслица. Да, он бывает неучтив. Но в нём сидит какая-то неоценимая страшная сила, которая влечёт к нему. Из его глаз исходят чудные лучи. Его одно ласковое слово значит больше, чем тысяча хороших слов, сказанных другими.

– Наденька, ты смотришь на него сквозь розовые очки. Модинька говорил, что он очень деспотичен, что люди интересуют его только как материал, из которого можно лепить музыкантов. Он пылкий, нервный, легко впадает в уныние.

– И всё же он фантастически талантлив. Мне Корсинька рассказывал, как в прошлом году Балакирев ездил в Прагу для постановки «Руслана и Людмилы» Глинки. Там его окружали интриги. Перед представлением оркестровая партитура куда-то пропала. Но Милий Алексеевич вышел из этой ситуации победоносно: взял да и продирижировал оперу наизусть, чем немало удивил и смутил подставлявших ему ногу. Опера прошла прекрасно, успех был полный. Скажи, разве кто-нибудь из известных тебе музыкантов смог бы так?

– Думаю, что никто. Странно, но я не знала об этом.

– Корсинька просил не говорить. Я и молчала.

– Милая моя, Балакирев особенный, но связать с ним жизнь – это неразумно. Ты бы обратила внимание на Корсиньку. Он очень славный, очень талантливый и мне кажется, что ты ему нравишься.

Наденька задумалась. Да, она нравилась многим. Хрупкая, изящная, с правильными чертами лица и греческим профилем. Прекрасная пианистка. К тому же очень организованная, разумная и добрая. «Она станет лучшей женой и матерью», – подумала Саша.

– Девочки, пора домой, уже свежо!

И сёстры, совсем как в детстве, побежали по дорожке к дому.

...Милий проснулся рано и не в духе. Вчерашняя гроза показалась ему каким-то страшным предзнаменованием. Он знал, что знатные чиновники из Русского музыкального общества не любят его, считают выскочкой и вставляют палки в колёса. Большие проблемы и с Бесплатной музыкальной школой, катастрофически не хватает средств. А ещё его очень тревожили отношения с учениками. За долгое время дружбы и занятий он успел привязаться к ним. Особенно полюбил Корсиньку, который превратился на его глазах и с его помощью в прекрасного композитора. Он относился к нему, как к сыну. Но кто-то сказал, что его острый отеческий деспотизм

стал тяжёл для его друзей-единомышленников. У них появился свой голос, свой почерк. Балакирев знал, что такое время когда-то наступит, но не думал, что ему будет так больно. Ведь он всю душу, все силы вкладывал в учеников, часто даже в ущерб своему творчеству. И со Стасовым в последнее время были какие-то разлады и непонимания. Все эти мрачные мысли вдруг нахлынули на Балакирева и вконец испортили ему настроение. Расстроенный, он вышел на улицу. Там наводили порядок и устраняли последствия вчерашней стихии: убирали и увозили ветки и сломанные деревья, подметали улицы, поправляли клумбы. «Вот так бы навести порядок и в собственной душе», – подумал Милий. Он отправился бродить по великолепному кисловодскому парку, пить нарзан, наблюдать за юркими белками, почти ручными, бравшими орешки с рук прохожих. Как ни странно, но пушистые зверюшки подняли ему настроение. Он даже улыбнулся и подумал: «Будь что будет. Главное – неустанно делать то, для чего ты рождён».

Ратник

Седло, копьё и сто причин...
Суров бродяжий быт.
И одиночество в ночи
с ветрами говорит.

А за рекой чужая рать
и тетива звенит.
Сегодня он не будет спать,
а будет петь и пить,

и зачарованно смотреть
на падающий снег,
и верить – отодвинет смерть
варяжий оберег.

**Олег
ВОРОПАЕВ**

Поэзия

* * *

Не упрекает, не просит,
не умоляет: «Приди!»
Ты пощади её, осень,
за немоту пощади.

Где зацветали каштаны,
где целовались не раз,
ветром разгладь и дождями
эти морщинки у глаз.

Переверни её даты,
перечеркни её боль...
Разве она виновата,
что не остыла любовь,

что отшумели колосья,
и перепутались дни?..
Ты пощади её, осень, –
прежним теплом обними.

* * *

Обитали в лесной сторожке.
Лесника окрестили Бахус.
Ели яблоки и морошку.
Вспоминали дождливый август,

запах мяты и ежевики,
поцелуи вместо лекарства...
А лесник оставлял: «Живите».
Но зачем нам его полцарства?

«Эх, когда-то и я был молод!» –
Бахус, палец задрал манерно,
пьёт... А наша дорога в город
протянулась под снегом первым.

* * *

У озера берёзы да осины.
Выводит филин гулко: «Ку-гу».
«Ты любишь ли? Смотри, как я красива!» –
шептала мне русалка на лугу.

Ах, всё я вру! Конечно, не русалка.
Всего лишь дочь Ивана-лесника.
Мы целовались трепетно и жарко,
плели венки, считали облака.

Ах, всё я вру! Не облака, а встречи.
Их было то ли восемь, то ли шесть.
А эти губы, волосы и плечи
мне завещали семь лесных божеств.

Ах, всё я вру! Не семь, а восемнадцать.
В лесу любая птица – божество.
А остальное – смена декораций –
кружение с облетающей листвой.

Ах, всё я вру! То ветер был осенний.
Заплакала: «Прощай и не ищи...»
И я поцеловал её колени.
«Прощаем...» – прошуршали камыши.

* * *

Искали на дне стакана
любовь, и вечер был вечен.
И вся она была странной –
из зла и противоречий.

О, эти волосы медные,
ноги под «строгим» мини!..
Нет!.. Не то чтобы ведьма,
но безупречны линии.

Милая злая девчонка,
слишком уж я поверил...
Время котёнком чёрным
дремлет у двери.

* * *

Ночь в деревянном вокзале карельской деревни.
В тёплой ладони осколок оконного льда.
Рядом красotka с глазами лесной королевы.
Надо бы ехать, да только не знаю куда.

Надо бы ехать, да ночь поезда укачали.
И остаётся мечтать и вдыхать забытьё.
Жаль, что глаза королевы немного печальны,
а в остальном я, конечно, придумал её.

Как ей к лицу невесомое платье из кружев!
Что из того, что придумана... что холодна?
Снег под слепым фонарём опьяняет и кружит.
На опустевшем перроне – лишь я и она.

* * *

За жизнь давали полцены,
и полцены – за смерть.
И занимали у войны
надорванный конверт.

И наступали в никуда,
и отступали врозь,
и проклинали холода
и гарь лесополос.

От января до января
кормили вороньё.
Война всё спишет, говорят...
По-моему, враньё.

КОНТ, КУЛАК И КАШЕЛЬ

Повесть¹

* * *

Мы с Щербой спустились почти к подножию холма, ступали осторожно по осыпи. Нам навстречу бежали Лиса, Джон и Дизель.

– Кто? Кого зацепило? – задыхаясь, крикнул Лиса. – Дурак, что ли? – озлобился я. – Глаза повылазили, снайпер?

Ребята подхватили брезентовый полог с разных концов. Толя уступил своё место Джону и Дизелю, я отдал только один угол Лисе.

– Серый, что случилось? – тихо спросил Гена. – И тут же осёкся, заглянув в моё лицо. – Ладно, потом. Всё потом!

¹ Окончание. Начало №3.

**Сергей
СКРИПАЛЬ**

Проза

Уложили тело возле «нашей» БМП. Кулаков мрачно выслушал доклад, покачал сидящей головой. Я вдруг отчётливо увидел, что не такой уж и молодой наш Николаич. Сколько ему, лет тридцать – тридцать пять уже? И седину тогда впервые углядел в коротких, ёршиком подстриженных волосах и в усах несколько нитей. Да и морщины углядел на его загорелом лице. Они чётко проступали сквозь тонкий слой пыли и копоты.

– Что с пещерой? – спросил ротный.

– Всё в порядке. Цела пещера, – ответил я, рассказал схему установки растяжек.

– Хорошо. Потом расскажешь мужикам, как и что.

– Николаич, чего это войск столько стянули? Войнушка намечается? – поинтересовался я, закуривая сигарету.

– Да, вони и шума до небес, – поморщился Кулак, то ли от дыма моего едкого табака сощурил глаза, то ли от шумихи, поднятой вокруг. – Сейчас десантура с пехотой наверх пойдут на прочёсывание, затем блокпосты выставят. Завтра-послезавтра начнётся войсковая операция на Мармоле. Рота наша тоже тут.

– С нами-то что будет? – снова спросил я.

– Поживём – увидим! – поднялся Николаич. – Тут твой старый знакомый появился...

Я закрутил головой, и точно, увидел Татарина, широко шагавшего в нашу сторону.

– Да нет, не этот, – отрицательно качнул подбородком ротный. – Следовательно прилетел. Лей-

тенант. Сейчас к себе дёрнет. Ладно, сиди тут, жди!

Тело Шохрата унесли в тень, под стену дувала. Рядом с ним никого не было. Мне стало обидно. Был жив человек, вокруг него жизнь крутилась, люди вращались, общались, курили вместе, шутили, шли в горы и в бой рядом. Теперь, выходит, никому не нужен Узбек в тревожной дневной суете. Я поднялся, поздоровался с Игорем, и мы вместе присели в том же тенёчке, где лежал Узбек.

Оказалось, что все группы, которые находились на блокпостах, сняли и перебросили сюда, на обеспечение крупной операции. На замену прислали совсем незнакомых бойцов аж из Шинданда. Командованию виднее. Плевать!

Как смог, рассказал Татарину о бое. Игорь не перебивал, не успокаивал, когда истеричные нотки всё же прорывались в моём голосе. Казалось, просто не реагировал на рассказ, просто молча слушал и даже не кивал. И это было правильно. Кто знает, как бы я отреагировал на его вопросы, участие или равнодушие.

– Серёга, выпьешь? – протянул мне флягу Игорь.

Я думал, там чай, равнодушно потянулся губами к горлышку, отхлебнул всё же осторожно, может, горячий ещё. Но обжёгся не о высокую температуру, сразу почувствовал во рту тепло спирта. Всё равно сделал крупный глоток и торопливо запил водой из другой фляги, тоже протянутой Татаринцом.

Уух... – теперь только выдохнул. – Чего ж не предупредил?

– Зачем? – чуть улыбнулся Игорь. – Так ты жахнул без прелюдий и предварительных ласк и всё. А то бы готовился, представлял, как спирт ползет в глотку, запивку готовил, закуску!

Тоже верно! В желудке разрастался тёплый ком, поднимался вверх и мягко стукнул в голову. Стало легче, тело чуть помягчело, мышцы расслабились. Только теперь понял, насколько я был напряжён.

Подбежал Дизель, увидел незнакомого человека, на всякий случай вскинул ладонь к панаме:

– Товарищ сержант, – обратился ко мне. – Там ротный зовёт.

– Хорошо, иду, – потянул на плечо автомат. – Сержик, очень прошу тебя, посиди с Шохратом!

– Нет, – отказался Дизель. – Кулаков попросил и его принести к вертолётам. Там особист крутится. Ну и обратным бортом заберёт Шохрата в часть.

Игорь ухватился вместе с нами за полог, по пути подхватил один край Лиса. Вчетвером мы быстро донесли тело к вертушке.

Знакомый лейтенант о чём-то спорил с Кулаковым. Одет он был всё в то же пэша, хромовые, явно недавно начищенные до блеска сапоги запылились, что, наверняка, раздражало офицера. Он то и дело поглядывал сердито на запylённые сапоги. Николаич это тоже понимал, несколько раз наступил на носки лейтенантской обуви, вроде бы неуклюже переминаясь на месте.

Лейтенант отходил от ротного, пятился от него, пока не упёрся в борт вертушки, такой же пропылённой, как мы все, как мир вокруг нас.

Лейтенант увидел меня, с облегчением отошёл от вертолёт, бочком-бочком ускользая от наступающего на него Кулакова.

– Сержант! Эй, сержант! – позвал лейтенант.

Я никак не реагировал на его оклик. Мало ли здесь сержантов. И совсем не обязательно, что особисту понадобился именно я.

– Да сержант же, – почти взвизгнул лейтенант.

Хы, явно не помнит мою фамилию, сейчас начнёт рыться в планшете. Точно! Открыл клапан сумки, ищет нужные бумаги. Не нашёл, потому что поднял голову и снова окликнул:

– Эй, сержант. Тот, который с винтовкой!

Блин, да что ж я с этим «буром» как дурак на ярмарке! Снял с себя винтовку, подал ротному:

– Трофей!

Николаич принял винтовку, отстегнул магазин, сунул в свободный карман лифчика, щёлкнул затвором, тихо шепнул:

– Ладно, иди к лейтенанту, хорош комедь ломать! Не бойсь, нормально всё будет! Только не дёргайся там, делай всё, что прыщ этот захочет!

Я подошёл к следователю и только сейчас увидел, что на кителе офицера погоны с лейтенантскими звёздочками. Вот же долбо... гхм... Мои губы сами по себе стали расплываться в ухмылке, когда увидел на полу вертолёт, прямо у входа его автомат с тремя (!) прикрученными изолентой

магазинами. Лейтенант нахмурился, не понимая моей весёлости:

– Сержант, сейчас мы проведём следственное мероприятие – опознание тела!

– Есть, товарищ лейтенант! – чётко по-уставному, с отдаванием чести высшему начальнику ответил я.

– Пройдёте в вертолёт! – показал рукой лейтенант.

Я послушно влез в уже раскалённый салон вертушки, за мной прогремел каблуками по дюралевой лесенке лейтенант. В нос ударило тяжёлым трупным запахом. Ближе к хвостовой балке, за дополнительным топливным баком жёлтого цвета лежало тело Сопли.

– Это рядовой Кошель? – приступил к делу лейтенант.

– Думаю, да, – неопределённо пожал плечами я.

– На чём вы основываетесь? – спросил офицер, заноса мои слова в протокол.

– У Кошеля между указательным и большим пальцами правой руки выколоты две буквы: У и Г.

– Покажите, где именно! – велел лейтенант.

Я шагнул ближе к трупу, автоматом поддел запятнанную кровью тряпку, которой был укрыт Юрка. Обнажилось тело, руки покоились на груди, связанные кем-то сердобольным.

– Вот! – Ткнул пальцем в еле видную из-за коричневых пятен высохшей, вьёвшейся в кожу крови, татуировку.

– Я не вижу, товарищ сержант! – теперь уже изгалялся лейтенант. – Смойте кровь!

Я стиснул зубы. Только бы не сорваться! Снял с ремня флягу, оторвал кусок бинта от мотка, валяющегося на скамье вертолёт. Смочил тампон водой, начал оттирать пятна с татуировки. Тело Юрки затвердело, пятно еле-еле оттиралось.

– А вы бы, сержант, спиртом потёрли! – сладким голосом предложил офицер.

Я удивлённо взглянул на него:

– Каким спиртом, товарищ лейтенант?

– Или весь выпили? – поинтересовался следователь.

Тьфу ты, забыл совсем! Вот ведь удружил Татарин. Я ничего не ответил лейтенанту, налил воды на руку Юрки прямо из фляги и упрямо тёр место татуировки. Круг на руке пожелтел, кожа очистилась, ярко выступили дурацкие У и Г.

Лейтенант достал откуда-то ФЭД, проскрипел кожаным чехлом, настроил диафрагму, попросил меня отойти в сторону, защёлкал фотоаппаратом, снимая крупным планом руку Кашля.

– Что означают эти буквы? – опять начал расспросы лейтенант.

Я рассказал, что знал, о происхождении наколки.

– Вы не ошибаетесь? – интересовался офицер. – Возможно, это какой-нибудь Углов Дмитрий или Ульян Домодедов?

– Может быть! – согласился я. – Только очень похоже на то, что колол себе Кашель... Простите, Кошель!

– Хорошо. Подпишите тут и тут. Далеко не уходите. Пригласите всех, кто был тогда с вами на блокпосте, – велел мне лейтенант, заглянув в блокнот. – Там были Лисяк, Мальцев и Рахимов, ну и вы, сержант Дацко.

– Так точно, товарищ лейтенант. Сейчас позову всех. Только рядовой Рахимов не сможет быть!

– Это ещё почему? – возмутился лейтенант.

Я взглянул на циферблат своих трофейных часов:

– Три часа назад рядовой Рахимов погиб в бою с моджахедами! Его труп по вашему указанию перенесён к вертолёту, – козырнул и вышел из вертолёт.

– Ах, да! – смутился следователь. – Извините!

Мне казалось, что после боя у пещеры прошло минимум часов десять-двенадцать, а всего-то три часа минуло!

Никого разыскивать не пришлось. Ребята топтались тут же.

– Чего там? – спросил Лиса, пережёвывая спичку.

– Нормально, – махнул я рукой. – Лёха, иди!

Около часа продолжался допрос. Затем лейтенант вновь позвал всех в вертолёт.

– Значит так, маловато доказательств, что это именно Кошель. Почему-то только рядовой Мальцев показал, что на теле убитого, в области левого бедра над коленом есть ещё одна наколка, с указанием группы крови, – заговорил лейтенант. – Кто-нибудь может подтвердить это?

Вот же чёрт, забыл я про эту дурость Кашля. Верно! Я ещё удивлялся, на фигу Юрка там наколот группу крови. Обычно желающие кололи под левой грудью.

– Так точно, товарищ лейтенант! Была у него такая наколка. Забыл. Виноват, – переступил я с ноги на ногу.

– Отлично! – повеселел следователь. – Раздевайте труп, – велел он нам.

Мы растерянно запереглядывались. Мы что, похоронная команда? Парни зароптали.

– Делаем, мужики! – приказал я, помня предупреждение ротного.

Снять широкие штаны с Юрки оказалось делом простым, просто разрезали верёвку, на которой они держались, приподняли тело и стянули шаровары. В нос резануло сильным трупным запахом и вонью экскрементов.

– Сука, он ещё и обоссался, – сглатывая комок тошноты, ругнулся Малец.

– Верхнюю часть одежды тоже снимайте! – приказал лейтенант. – Может, у него ещё что-то есть. Ну, там, родимые пятна или ещё что.

– Мы что, рассматривали Соплю, что ли? – злился я про себя.

С гимнастёркой пришлось повозиться, никак не хотела слезать с непослушного негнущегося тела. Пошли по линии наименьшего сопротивления, разрезали куртку по швам, искромсали рукава, выбросили из вертушки тряпки.

Лейтенант нервничал, настаивал, чтобы вещественные доказательства были целыми, потом

махнул рукой, увидев наши белые от ярости глаза.

Есть. Над левым коленом синели буквы с группой крови и резус-фактором Сопли. Лейтенант вновь защёлкал затвором ФЭДа. Затем вновь начал опрашивать нас по очереди, занося показания в протокол. Длилось это долго и томительно, почти целый час.

– Сержант! – позвал из вертолёта лейтенант. – Пригласите командира!

Я пошёл разыскивать Кулакова. Угу, попробуй найти нужного человека в хаосе бронемашин, чужих людей, разрушенных дувалов. Увидел Кулакова, разговаривающего с незнакомым офицером, рядом с ними стоял Джон. Потом узнал, что и вся мотоманевренная группа пограничников, откуда был и БМП Игоря, пришла сюда. Пришлось подойти к Николаичу, откозырять и сообщить о приглашении следователя.

– Да, сейчас, минутку, – ответил ротный. – Подожди, сейчас пойдём.

Командир мангруппы отпустил Джона:

– Синицын, свободен! Проверь машину, пока время есть.

Игорь попросил сигарету:

– Уф, задрал старлей! Зануда страшный. Не то, что ваш ротный! – позавидовал Джон.

К вертолёту мы шли вместе с Николаичем. Я коротко рассказал, что произошло в вертушке, какие новые улики обнаружились по делу.

– Знаешь, Серёга, – раздумывал ротный. – Наверное, лейтенант затребует, чтобы мы вер-

нулись в полк. – Докурил сигарету, отщёлкнул в сторону. – Ладно, посмотрим, что к чему. Они же, если вцепятся... эх... – удручённо сплюнул на землю.

Вопреки предсказаниям Кулакова, лейтенант сообщил, что следствию всё понятно, им установлено, что рядовой Кошель действительно перешёл на сторону моджахедов, самостоятельно оставил пост, унёс с собой доверенное оружие – автомат и был убит во вчерашнем бою.

– Это тело можете забрать и закопать, – брезгливо показал на труп. – Следствию он не нужен. Всё задокументировано, – погладил ладонью рыжий футляр фотоаппарата.

Мы с парнями напряглись: ни хрена себе, мы что, похоронная команда? Кулаков выгнал нас из «восьмёрки»:

– Ну-ка, хлопцы, покурите на улице!

М-да, хлопцы! Ой, бедный-бедный лейтенант! Если уж Кулак заговорил таким тоном, держись, братан!

Мы обошли вертолёт, сели на землю с другого, противоположного от входа борта, с наслаждением слушали голос ротного:

– Лейтенант, ты ничего не перепутал? Тебе что, не ясно, что моя группа не занимается похоронами? Пойми, крыса, мы – воюем! В отличие от тебя! – Кулак даже плюнул на пол вертолёта, и я понял, куда Николаич целился. Конечно, в дурацкий, с тремя магазинами, автомат летёхи.

– Мля, сучонок, – бесновался Кулаков. – Преступление раскрыл! Парни мои тебе звёздную дорожку на погонах открыли?!

– Товарищ старший лейтенант, – возмутился лейтенант. – Что вы себе позволяете? Я – офицер следственных...

– Да пошёл ты, офицер! – всё ещё ярился Кулаков, и я представил себе, как топорщатся от возмущения его знаменитые усы. – Ты, заморыш, ногтя моего самого распоследнего солдата из роты не стоишь! Ты что, думаешь, нагнул нас? Ха, грёбаная тётя, отдохни на пляже!

Ого, явно Николаич вошёл в раж!

– Ты что, падла, решил, мол, дали слабину мы, дай-ка я вас размажу?! Не дождёшься! – и я опять представил, как Кулаков суёт в лицо опешившего следователя кукиш.

– Парни, ну-ка, линяем отсюда, – предложил я ребятам. – Командир во гневе суров и непредсказуем!

Мы отошли на приличное расстояние от вертушки. Ага, нормально, не слышно отчётливо слов, но зато шум оттуда достаточно серьёзный.

Вскоре показался Кулаков. Шёл быстрым, размашистым шагом.

– Дацко, ко мне! – почти выкрикнул рассерженным голосом ротный.

Я моментально приблизился, не хватало злить командира в такой момент!

– Проверить снаряжение! – ещё в запале говорил Николаич. – С тобой идут Малец, Лиса, Дизель.

Я молча слушал, ничего не спрашивая и не уточняя.

– Блокпост – пещера! – уточнил ротный. – Загрузите в вертолёт Рахимова. Твою мать, – коснулся рукой усов. – Какого парня потеряли! – обмяк как-то сразу. – Жалко Узбека! – вздохнул протяжно. – Ладно, Конт, действуй! Постараюсь уладить тут.

Под обиженное сопение лейтенанта мы втащили всё на том же брезенте тело Шохрата. Положили туда, где совсем недавно лежал Кашель. Постояли, согнувшись, над товарищем, стянули с голов панамы. Как-то неловко было прощаться перед следователем.

– Товарищ лейтенант, – обратился я к нему. – Вы не могли бы выйти на минутку? Проститься хотим, – извиняющимся тоном продолжил я.

– Да, да, конечно, – закивал офицер. Подобрал с пола свой дурацкий трёхмагазинный автомат и, запнувшись на лесенке, вышел под солнце.

Мы стояли молча. Малец опустился на колени перед Шохратом, ткнулся лбом в грудь убитого, что-то прошептал, встал на ноги и вышел, сжав до тонкой полоски губы.

Лиса тоже стал на колени, поправил рукой складки гимнастёрки под ремнём, поднялся, отвернулся от меня, блеснув мокрыми глазами, и вылез из вертолёта.

А я и не знал, как и что нужно делать в такие минуты. Правда. Как говаривал ротный: «Да чтоб я сдох!» Блин, что ж всякая хрень в башку лезет-то!

– Шохрат, братишка, прости! – как в замедленной съёмке последние секунды жизни Узбека. – Я же звал, кричал тебе! Да ты что ж, не слышал?! – беззвучно пытаюсь хоть как-то оправдаться. Касаюсь кончиками пальцев холодных, твёрдых, мёртвых щёк друга.

Кто-то из наших заботливо отмыл от крови лицо Узбека, не хватило только терпения смыть следы потёков на шее, впадинке под кадыком.

Тупо сижу и так же тупо смотрю на лицо боевого товарища, никак не могу поверить, ЧТО ШОХРАТА БОЛЬШЕ НЕТ! Нет! И никогда не будет!

– Прости! Прости, брат! – вновь вижу, как округлое, рассечённое тело гранаты катится вниз. Я понимаю, что Узбек не успевает даже увернуться от удара в грудь, не то, что скрыться в спасительном зеве пещеры...

– Шохрат, братишка, – сдерживаю слёзы. – Ты, это, не скучай... Мы... встретимся. Обязательно встретимся. – Стою на коленях перед телом. Слёзы катятся, вытираю их жёсткой панамой.

– Прекрати! – слышу над собой голос Кулакова. – Иди. Вертушка взлетает.

И правда, слышу, как винты вертолёта начинают могучую песню ветра. Вот-вот двинутся на взлёт. С удивлением вижу, что лейтенант-допросник уже сидит напротив допбака, сжимает уверенно пижонский, штабной автомат, вопрошает смотрит на Кулакова.

– Давай, Серый! Давай! – давит мне на плечи Николаич. – Всё. Пошли. Воевать дальше надо...

Я не знаю, я не понимаю, что нужно делать дальше. Цепляюсь взглядом за чужое, потустороннее лицо Узбека:

– Товарищ лейтенант! – ору, пытаюсь перекричать звук двигателей вертушки. – Шохрата отправят домой в этой форме, переодевать не будут?

– Не знаю, – разводит руками следак. – Наверное, – всё же добавляет он, – как есть! Чего тут?! – растерянно смотрит на меня, добавляет даже извиняющимся голосом. – Я – прослежу!

– Лады, – лихорадочно думаю я. – Лады, твою мать! – шарю пальцами по лифчику, по карманам. – Не успеваю!!! – в отчаянии ору про себя, – НЕ УСПЕВАЮ!!!

– А что, собственно, я ищу? – уже как-то вяло задаю себе вопрос, и пальцы услужливо натыкаются в правом кармане гимнастёрки на мягкий пакетик из целлофана.

– На, братишка, – смеётся, как обычно во весь рот, Шохрат. – На, Конт, – улыбается Узбек. – Мало ли, сам захочешь что-то сварить. Вот, бросишь моих приправок!

– Вот, братуха! Вот, Шохратик! – судорожно выдёргиваю подарок Узбека, пакетик с приправами, сую ему в боковой карман гимнастёрки. – Братуха! Помнюууууу! – уже кричу во весь голос, выталкиваемый летунами. Успеваю заметить только плотно сжатые губы лейтенанта, следователя по неизвестно какому делу...

Совсем незаметно пришла дембельская осень. Подумать о скорой демобилизации и времени-то не было. Идут и идут друг за другом дни, недели, месяцы. Внезапно, раз, – на исходе сентябрь. Призывался я одиннадцатого ноября, значит, скорее всего в этих числах подпишут мне увольнительную! Не долго ждать осталось. Где-то в одно время уйдёт и Лиса, и Малец, и Татарин. Вот только не знаю, как-то не успел спросить, когда Джону домой ехать. Думалось, что всё же одного призыва мы, судя по повадкам Игоря, его привычке воевать. Хотя, кто знает, может, просто хорошо обучался.

Именно в конце сентября пришлось участвовать нашему батальону в самом длинном по времени бое.

Как так получилось, что Кулаков ошибся в карте, ума не приложу, честное слово. Рота ушла гораздо дальше, чем было нужно. Расположились на месте, огляделись. А чего осматриваться, горы как горы, ущелье, откуда собирались выкуривать моджахедов, тоже вот, как на ладони. Заняли оборону, парни камни собирают, хоть и маленькие брустверы, но, всё равно, какая-никакая защита от пуля. Тут уж каждый сантиметр дело решить может!

Ждём час, второй, третий. Никого. Подкрепления всё нет. Третья рота должна была подтянуться с другой стороны, поднимались оттуда, чтобы зачистить, если что, склон горы. Духов тоже нет.

Ротный с нашим взводом решил спуститься пониже, сформировать ещё одну линию обороны, так, на всякий случай. Сползли метров на пять по песчаному склону, взялись за лопатки, роем окопчики. Я сначала тогда не сразу и понял, что по нам стреляют с той стороны ущелья, увидел только фонтанчики песка под ногами, пока звуки выстрелов докатились. Залёг взвод. Особо не успели накопать, так, мелкие траншейки только. Пришлось прятаться за редкими кустиками и окапываться под огнём. Быстро откидывал от себя мягкий грунт, зарывался, подкапывался под плоский камень, под ним уютнее будет. Пока рылся в земле, слышу, уже кто-то из наших прочухался, затрещали редкие автоматные очереди. Вот один пулемёт затарахтел, другой. На верхней линии обороны тоже не сидит рота зря, бабахают по духам. Всё, я тоже готов! Дёргаю затвор калаша, досылаю патрон в патронник, ищу сквозь прорезь прицела куда стрелять. Ни черта не вижу, далеко-далеко всё же. И со зрением у меня что-то стало происходить. Словно пелена какая-то на глазах, никак не могу резкость навести, нужно какое-то время, чтобы обострилось зрение, тогда уже всё нормально. Надо будет в санчасть заглянуть, может, капельки какие назначат или витаминов. Впрочем, я бы не отказался от витаминчика «це». Ну, помните эту хохмочку: сольце, винце и так далее. Ага, вон какая-то тень мелькнула, бью по ней без всякой надежды на успех. Автомат дёргается короткими очередями.

Неподалёку Лиса лежит, шарит по ущелью через оптику. Хлоп! Гена удовлетворённо выплёвывает спичку. Суёт в рот другую. Попал, значит. Лиса словно приникает к прицелу. Я возвращаюсь в свой сектор обстрела, но ничего не вижу. Мельком глянул на часы, стрелки ровненько восемь утра показывали. Справа. метрах в пятнадцати, Дизель лупит из РПК, не жалея патронов. К нему, пригнувшись, перебежками приближается ротный, бьёт ладонью по каске, ругается что-то. Да и как не ругаться! Горячий армянский парень безостановочно лупит по той стороне ущелья. Так ведь патронов не напасёшься. Пулемёт Сержика замолкает. Он опасливо поворачивает голову к Кулакову, который всё такими же перебежками подкатывается ко мне. С той стороны на его передвижение реагируют моментально, песчаные фонтанчики сопровождают Николаича, почти кусают за пятки.

– Глянь-ка туда, – суёт мне в руки бинокль ротный. – Воооот на ту горочку смотри...

– Ничего себе! – восклицаю я. Вижу километрах в двух от нас вторую роту, расположившуюся на склоне горы. Как в амфитеатре стоят, покуривают, наблюдают за ходом боя! – Николаич, это что за бодяга? – возмущаюсь, почти кричу.

– Заблудились мы. Где-то маху дали, – осматривает в бинокль ущелье ротный.

– Чёрт его знает, как я ошибся! Ладно, я к Мальцу, связи с ротой давно не было.

Появились у нас первые раненые. Духи не шутейно принялись за дело, огонь с их стороны

был плотным. Я нырнул за свой камешек сменить магазин, потянул с пояса флягу. Ах, мать твою, на пару глотков воды с верблюжьей колючкой осталось. Когда только успел вылакать! Глянул на часы. Ого, уже четыре часа бой идёт! Кричу Гене во всю глотку:

– Лисаааа... Эй, Лисаааа!

Гена досадливо дёргает плечом, нажимает на курок винтовки, вытаращивается на меня, какого рожна мне надо.

– Вода есть?

Гена показывает на уши – не слышно ничего. Где-то сзади слышен разрыв мины, осыпает нас землёй. Вот, падлы, у них и миномёты есть. Где же наша подмога! Показываю Лисе флягу, перевернул её для убедительности. Лиса отрицательно качает головой, откатывает от себя тоже пустую флягу, бросает в рот очередную спичку и отворачивается от меня. Хочу попросить воды у Дизеля, но не нахожу его на месте. Пулемёт есть, а Сержика – нет. Снова начинаю стрелять, экономлю патроны, совсем мало осталось. Сзади на мои ноги наваливается кто-то, автоматически пытаюсь ударить назад прикладом автомата.

– Свой, свой, – кричит Дизель. – Прости, упал, споткнулся! У тебя бинты есть?

Ну, чего спрашивать, видит же, у правого предплечья два индпакета булавками прихвачены. Срываю их, сую Дизелю:

– Что там? Совсем хреново?

– Да уж, пятеро наших ранено, один – убит.

– Кто? – спрашиваю, сам показываю на пустую флягу.

Сержик снимает свою, протягивает. Беру в руку, встряхиваю, тоже совсем почти пустая. Отвинчиваю колпачок, набираю в рот чуть-чуть тёплой влаги, размазываю языком по нёбу, выплёвываю, отдаю фляжку назад.

– Этот, как его... – морщит лоб Дизель. – Молодой пацан... Аааа... Николайчук.

Плохо знал этого парня. Толком познакомиться не успели. В полку он уже почти полгода прослужил, перетянул его к себе в роту Кулаков. Чего такого в Николайчуке особенного было, что Николаич перевёл его к нам? Знаю, что спортсменом до армии был, видел несколько раз, как он по утрам железо мучил на спортплощадке, подкидывал тяжёлые гири, приседал с самодельной штангой. Отжимался тоже не слабо. Парни говорили, что и на перекладине крутился не хило. Чёрт, жаль пацана!

– Так чего ты бинтами побираешься? – кричу Дизелю.

– Ротный послал собрать, у кого что есть из перевязки. У медбрата – край, – провёл ребром грязной ладони по горлу Сержик. Кричит в ответ, – с патронами тоже задница! У пацанов там оружие клинит уже, – перебегает от меня к Лисе.

Остался один магазин. Не без сожаления пристёгиваю его к автомату, переключаюсь на одиночные выстрелы. Да уж, так мы много навоюем, слышу, как интенсивность стрельбы с нашей сто-

роны спадает до разрозненных выстрелов. Только недавно вернувшийся к пулемёту Дизель от души рассыпает веер пулемётной очереди. Потом и он замолкает.

Благо, что разделяет нас от духов ущелье, иначе до рукопашки могло бы дело дойти. На наше счастье по той стороне ущелья ударила артиллерия, пара «восьмёрок» прострекотала над нашими головами, прошлись НУРСами по позициям духов. Ага, примолкли, уроды! В едва наступившем затишье слышу, как заорал Дизель:

– Товарищ старший лейтенант! Товарищ старший лейтенант, снизу люди к нам лезут. Мочить?

Ротный подскочил откуда-то к Дизелю, упал рядом с ним, поднял бинокль к глазам:

– Я тебе замочу! – Хлопнул кулаком по каске Дизеля. – Наши это, пытаются к нам прорваться.

Это потом уже мы узнали, что к нам на помощь шёл командир взвода из восьмой роты, старший лейтенант Керкиев. Возмутился старлей нерешительностью комбата, который никак не мог отдать команду прорываться к нам, пустить в ход БМП. Всё не решался майор выводить на наши позиции бронетехнику, держал машины там, где была обозначена точка randevu, мимо которой мы прошли. Огнём из пушек и пулемётов враз можно было успокоить духов. Но комбат всё медлил и медлил, напуганный ошибкой Кулакова. Плюнул на всё Керкиев, взял с собой шестерых пулемётчиков и ринулся к нам. Только духи всё равно не дали им подняться наверх, до конца боя продержали их на месте, метрах в десяти ниже нас.

К четырём часам вечера бой затих окончательно. Выдохлись и мы, и духи. Разрозненные выстрелы ещё доносились, но уже как-то и не особо опасались их. Устали воевать и бояться. Кое-как вскарабкались на плато, повалились на землю от усталости. На БМП подвезли воду в огромных резиновых бурдюках. Хотя напились от пуза, фляги налили. Жрать совершенно не хотелось. Пробили с Лисой пару дырочек в банке сгущёнки, потянули тягучее, сладкое молоко, запили вонючей водой. Нормально, жить можно! Точно так поужинали и Малец с Дизелем. Можно было и на ночлег собираться, но пришлось ещё получить боеприпасы. Затарились ими тоже под завязку, и магазины набили, и рассыпухой в противогазные сумки щедро насыпали. Старшина было начал жаться, кричать, что на всех не хватит. Кулаков ему ответил, что, если не хватит, поедешь и ещё привезёшь. Губенко зябко передёрнул плечами, велел достать из БМП ещё цинки с патронами. Вот же жмотяра!

Справедливости ради надо сказать, что наш старшина, старший прапорщик Губенко, всё же был неплохим человеком. Правда, получить у него даже вполне полагающееся солдату по всем нормам было делом нелёгким. Про ботиночки свои я уже рассказывал. То же самое относилось и к форме, и к головным уборам, и к бушлатам, да к чему только не относилось! Но если ротный свирепел и приказывал, чтобы рота на завтрашнем построении выглядела как огурцы, то рота именно так и выглядела, в новеньких хэбэшках,

панаммах, начищенных уставных ботинках. Потом всё же Губенко сдирал обновку со всех, выдавал форму второго, а то и третьего срока, обменивал панамы и ботинки:

– В горах всё равно порвёте, истреплете!

Можно было и послать старшину, уцепиться за шмотки, и никуда бы он не делся, обновки остались бы в руках. Но ссориться со старшиной из-за таких мелочей не хотелось, поэтому выискивали в старье если не своё бывшее обмундирование, то подходящее по размеру, стирались, латались, зашивались. Мне было проще теперь с обувью, трофейные берцы многим не давали покоя. Ох, сколько завистливых жадных глаз провожали мою обувь. Да только облом, ребята! С сорок пятым размером ноги у нас я, Лиса, замполит и ещё пара-тройка солдат. Все наперечёт!

Ночь прошла в тревожном ожидании завтрашнего дня. Подтянулись на плато ещё две роты, те, которые любовались боем издалека. Поздно вечером комбат проводил совещание, настаивал на том, что с утра надо будет вернуться на наши вчерашние позиции и вступить в бой с духами. Зароптали взводные, мол, с оружием беда, много вышло из строя, боеприпасов не особо густо, с медикаментами еле-еле. Комбат обещал, что с утра прямо на позиции доставят всё необходимое, да и, вообще, это приказ командования полка. Куда тут денешься, тем более, что и особист тут присутствовал, и начальник разведки полка. Выматерился Кулаков негромко в усы, пришёл ночевать к нам.

Только не вышло ничего с утра. В четыре часа нас подняли, скрытным маршем полезли вниз, где вчера восемь часов воевали. С рассветом начали стрельбу, вызывали духов на ответный огонь. А с той стороны ущелья – тишина. Ушли моджахеды. И зачем было вчера до кровавых соплей биться? Во имя чего?

Осень пришла в Афганистан. По ночам было уже холодно, дни оставались пока тёплыми, зноя поубавилось. Стояли мы на горном блоке. Несколько раз пытались атаковать нас духи, пройти мимо поста на зимние квартиры, удалиться на лёжку в тайные пещеры, высокогорные кишлаки. Тяжело зимой воевать. Кулаков нервничал, требовал по радиации подкрепления, обещанного несколько дней назад. Чуял, чуял старший лейтенант, что добром это не кончится. Из полка отбрёхивались, мол, потерпите, завтра подойдут ещё две роты и техника. На ночь посты удваивались, расстояние между ними уменьшалось до пяти метров. Днём почти не отдыхали, укрепляли линию обороны, складывали из камней высокие и широкие брустверы, рыли окопы, хмуро смотрели на высокие вершины гор с растущими снежными шапками. Снег прямо на глазах сползал всё ниже, залегал в распадах и трещинах. По утрам на стволах пулемётов и автоматов лежал иней, дыхание парило, скоро и запасы воды могут ледком покрыться.

Стычки с духами стали ежедневной рутиной. Они наскакивали на нас то пешком, то на конях, яростно стреляли по нашим позициям, мы успешно отбивали их атаки. С нашей стороны ни потерь, ни ранений пока не было. Вроде бы у духов кого-то зацепили, но это только по слухам. Перед рассветом Лиса уходил в горы, возвращался поздно вечером. Куда ходил и что делал, можно было только догадываться. Да и зачем снайпер вообще существует? Правда, глупый вопрос?! Гена молча ужинал, пил горячий чай и укладывался спать.

Вечером Кулакову твёрдо обещали из полка, что рано утром к нам выдвинется колонна. По всей вероятности, духи готовят серьёзный прорыв. Как будто мы этого не понимали! С наступлением густых сумерек ротный ушёл за территорию блока проверять выносные посты. Тут-то и началось. Мама моя родная! Духи жажнули по нам из безоткаток. Взрывы, визг осколков, крики, мат. Благо, готовы были к нападению. Ударили из всех стволов.

К наступлению осени я совсем плохо стал видеть, особенно правым глазом. Смотрю на что-то, сразу не могу разглядеть чёткие контуры предмета, расплываются грани, словно в горячем воздухе. Нужно усилие, после которого, как правило, начинала болеть голова, или время, чтобы зрение пришло в порядок, предметы приобрели реальные контуры. Уже не один раз перебрасывал я приклад автомата к левому плечу, неуклюже прицеливался и неловко нажимал на курок

указательным пальцем левой руки. Стрельба получалась неуверенной, рваной. Конечно, мазал по-чёрному. Оставалось только утешать себя тем, что хоть так поддерживаю стрельбой, массовостью. Не победа главное, главное – участие! Фигня какая-то! Вот и сейчас, как только началась стрельба, рухнул в окопчик, высунул голову над его срезом, вожу автоматом туда-сюда, сам же ни хрена не вижу. И не особо стреляю, боюсь в своих попасть, если кто-то на переднем крае обороны вдруг засуетится, задумает перебежку или ещё что.

Сначала левый глаз обрёл зрение, начиная короткими очередями вспарывать тёмный воздух, наугад бью. Потом всё же перебрасываю автомат к правому плечу. Вот. Уже совсем хорошо. Вижу сквозь прорезь на приличном удалении тёмные фигурки, то бегущие в нашу сторону, то пропадающие, сливающиеся с рельефом местности, то проявляющиеся на фоне вспышек и взрывов. Тут уж длинными очередями полосую, не жалею пока патронов.

В сполохах разрывов увидел я Николаича. Бежал он по горному склону вверх, к блоку. А склон такой противный, тягуном называется. Вроде бы и небольшой угол подъёма, а приходится по нему даже шагом ножонками перебирать с трудом, поскольку тело наклоняется вперёд под неудобным наклоном и ноги принимают на себя непривычную нагрузку. Начинают болеть икры, ноют передние поверхности бёдер.

Совсем уже восстановившимся зрением видел, как ротный резко останавливался, разворачивался в сторону нападающих, падал на задницу, коротко огрызнулся из автомата и пытался бежать к посту. Потом Кулаков споткнулся и упал ничком. Десятка полтора метров-то и не добежал. Потерял я из виду Николаича. Честно говоря, думал, всё, хана, погиб наш командир. Хрена там! Слышу, орёт снизу откуда-то, руководит боем. По его команде открыли наши миномётчики стрельбу, шмаляют один за другим снаряды. Духи в атаку перешли. Мы начали ракеты осветительные подвешивать. Твою ж дивизию, вот они, духи-то! Совсем близко от нас. Ротный кричит:

– Огонь, огонь переносите, сейчас дадут нам прочхаться!

Ага, щас... Отбросили духов плотной стрельбой. Те залегли, не думают уходить. Нужно им, очень нужно смять нас и уйти в горы. За ними, пока то да сё, и другие потянутся. Поэтому не дают нам голов поднять, ведут и ведут огонь. Хорошо хоть безоткатки их заглохли. Видать, своих бояться зацепить. В общем, удалось остановить моджахедов, поутишить их азарт, погасить атаку. Но всё равно, почти до самого утра долбились с ними. Чуть-чуть стало светать, совсем тишина опустилась. Только расслабились, как ударил с нашей стороны РПК.

– Твою мать! – слышим рёв Кулакова. – Ты какого черта по своим долбишь?!

Дизель не разобрался в тумане, что и как, вот и лупанул на звуки, думал, духи подкрадывают-

ся. Хорошо, не задел ротного. Кулаков попросил чаю горячего. Мы уже костерок наладили в окопе, чайник подвесили над огнём, закипела вода, осталось только заварки бросить. Ротный ёжился от холода, натянул на себя бушлат, который оставил перед проверкой постов, слегка постукивал зубами о кружку, грелся. Оказалось, что почти всю ночь лёжа на спине командовал, даже на бок не мог повернуться, кожей лица чувствовал ветерок от пуля.

К обеду на самом деле подошла колонна БМП, прикатила подмога. Духов тогда не пропустили через блокпост. Ушли они ни с чем, даже орудия безоткатные бросили. Как их попрёшь по горным тропам-то!

Лёха Малец погиб за несколько дней до дембеля.

Ворвались с боем в кишлак у самого Саланга. Двоих парней из роты ранило. Их оттащили на окраину села, медбрат возился с ними, перевязывал, колол промедол, ждал эвакуации. К вечеру должна была прилететь вертушка.

Передовая часть роты ушла на прочёсывание, а мы вчетвером остались. Лиса, я, Дизель и Малец. Шли по кривой улочке, заглядывали за дувалы, заходили в дома, обшаривали сараи и загоны для скота. В одном таком загоне наткнулись на целый склад оружия. Может, и в других местах оно было, мы не очень тщательно проверяли. А тут под тон-

ким слоем раздёрганной соломы прямо на земле лежали с десятков автоматов, два РПК, несколько вскрытых цинков с патронами, гранаты россыпью. М-да, улов, однако. И не плохой!

Тогда пришли тяжкие времена. Охота за трофеями – оружием и боеприпасами превратилась в самоцель. Хоть умри, но из рейда обязательно вернись с трофеями. Так ведь не бывает. Сегодня вон как повезло. Было бы место, где припрятать добытое, припрятали бы, без сомнений. Как только из «пустого» поиска возвращаешься, нырнул в закрома, достал пару калашей, вот и есть чем козырнуть перед начальством. С мужиками мечтали в полувсерьёз, в полушутку, мол, построить бы свой маленький заводик по производству китайских автоматов, и на войну ходить не надо. Собрал за сутки с десятков стрелялок, сдал комбату и кури бамбук!

А пока вминаю подошвами трофейных берцев пыль на дороге. Кишлак горный, холодно. Ветер сдувает со снежных вершин морозную свежесть. Автомат студит руки. Но с курка не снимешь палец, себе дороже может обойтись. Потерплю. Не впервой.

Лиса остался за дувалом, где оружие нашли, затихарился где-то. Наверняка смотрит на нас в оптику. Даже поёживаюсь, представляю, что где-то и чужой снайпер может сидеть и выцеливать нас.

Лёшка нырнул в очередной дворик, протопал к мазанке с одним единственным окошком, занавешенным пыльной тряпкой.

– Оп-па, – крикнул нам. – Мужики, сюда!

Дизель сорвался с места, побежал за Лёхой. Я остался во дворике, чтобы проверить другие строения. Чисто. Никого.

Из домика слышалась пулемётная очередь. Бегу на выстрелы, спотыкаюсь о полуразвалившуюся корзину с очищенными мелкими кукурузными початками. Больно ударяюсь плечом о землю. Встаю на одно колено в тот момент, когда над моей головой воздух тонко рвётся под напором автоматных пуль. Падаю опять в холодную пыль, умудряюсь развернуться в ту сторону, откуда стреляли.

Вот он. Вижу. По широкому, с округлой верхушкой дувалу убегает дух с автоматом. Пытаюсь прицелиться, в глазах снова туман и поднятая моим телом пыль тоже не дают сосредоточиться. Бах! Дух кувывается с дувала вниз. Лиса сработал!

Вскакиваю на ноги, несусь к домику. Дощатая дверь сорвана с петель. На полу лицом вниз лежит Лёха. Нехорошо лежит, неправильно. Дизель с пулемётом, поводит стволом из стороны в сторону. В левом углу, освещённом слабым светом из оконца, замечаю мёртвого мужика с вилами. В правом углу на корточках с десятков женщин в паранджах.

– Серёга, проверь их! – почти кричит Дизель.

Только теперь до меня доходит, что убитый – дух в женском платье. Подбегаю к людям, начинаю срывать с их голов паранджи. Тётка, тётка, тётка, швыряю им в протянутые руки сорванные

накидки. Ах, мля, мужик! Вижу испуг в глазах афганца. Он выпускает из рук автомат, который глухо падает на пол. Бью прикладом прямо в лицо. Дух охает и валится на бок. Не хватало ещё, чтобы стрельнул, гад! Отбрасываю ногой к Сержику оружие. Проверяю остальных. Нет, все женщины. Тётки голосят, хорошо хоть глаза выцарапывать не лезут.

– Всем молчать! Молчать и сидеть на месте! – приказываю я, для убедительности даю в потолок очередь. Пыль, крошки, щепки летят мне за шиворот, припорошивают всё вокруг. Женщины замолкают.

Тащим с Дизелем на улицу Мальца. Лёшка уже мёртв. Носки ботинок прочерчивают глубокие параллельные бороздки в пыли. Переворачиваем Лёху на спину.

– Дизель, что случилось?! – трясу Сержика за плечи, вижу, как его глаза неотрывно смотрят на Лёхину шею, залитую кровью.

– Я в дом вошёл, – стучит зубами Дизель. – Там эти сидят. Лёха говорит: «Подозрительно как-то. Чего это они тут делают?», ну, я сунулся к одной, к одному, – запутался Сержик. – Короче, сорвал тряпку с башки, а там рожа бородастая. Потянулся к другому... – Сержик нервно втягивает в себя холодный воздух. – В общем, отвлеклись мы, а тот мужик вилы схватил и воткнул их Лёхе... прямо в горло... – Дизель щупает в кармане лифчика пачку сигарет, трясущимися руками пытается достать одну.

Забираю у него пачку, прикуриваю сигареты, одну сую в зубы Дизелю, другую курю сам. Теперь вижу два затянутых кровью отверстия под подбородком у Лёшки. Одно прямо над худым, незащищённым торчащим кадыком, второе у левого уха, внизу, под мочкой, ещё один зуб вошёл под срез ворота броника, а четвёртый только вспорол ткань на нём. Лёхино лицо чистое, кровь залила только бронежилет и левый рукав бушлата. Глаза открыты, незряче уставились в мёртвое серое небо. Докуриваю, присаживаюсь на корточки, провожу ладонью по лицу Мальца, веки послушно закрываются.

Дизель начинает истерить:

– Конт, Серёга, давай завалим этих тварей! – меняет магазин на пулемёте, дёргается в сторону дома.

– Сержик, остынь! – хватаю его за плечо.

– За Лёху их покрошить надо, – вырывается Дизель. – Не хочешь? Я сам!

– Да стой ты! – всё же удерживаю тугое тело на месте, отталкиваю подальше от дома. Натворит тут дел, не расхлебает потом.

Во дворик ворвался Лиса. Запыхался, пот течёт по широкому лицу

– Твою мать! – споткнулся взглядом о тело Лёши. – Да твою ж мать!!!

Улетали мы с Геной в один день и одним самолётом из аэропорта «Ариана» в Кандагаре.

Никто нас не провожал. Батальон был где-то на боевых. Как-то быстро, скомкано выдали в штабе дембельские документы, по червонцу на дорогу, фактически выгнали из части пинком под зад. Грустно и неуютно стало. На душе пустота, руки не чувствуют оружие.

На удивление улетели быстро первым же бортом, летевшим на Ташкент. Правда, борттехник предупредил, что добросят только до Шинданда, а оттуда сами решайте и договаривайтесь с другим самолётом. Ну и фиг с ним! Полетели до Шинданда, там разберёмся.

Ясное дело, что притихли как мыши с Геной в самолёте, когда он заглушил двигатели в Шинданде. Метнулись поближе к хвостовому отсеку, спрятались за ящиками. Слышали, конечно, как бортач бегал по салону, всё спрашивал, кому до Шинданда надо было.

Я выглянул осторожно в иллюминатор, углядел на бетонке свою и Гешкину сумки, шепнул ему про это. Но Гена, как и я, махнул рукой, мол, да хрен с ними, с сумками, а так, может, и в Ташкент доберёмся.

Да и действительно, что было там терять? Ну, пара сувениров, блок сигарет, отрез ткани для мамы. Фотографии не везли с собой. Мало ли. Здравомыслие рассудило, что гораздо выгоднее вывезти домой негативы, и уже потом распечатать сколько и кому нужно. Лежала в кармане коробочка с плёнками, туго скрученными в рулончик.

Уже на подлёте к Тузелю нас опознал борттехник. Выругался и всё. А что бы он сделал? В воздухе нас высадил?!

Самым поразительным для меня стало то, что всего через двадцать часов, как мы вылетели из Кандагара, я стоял на перроне Минераловодского аэровокзала. Всё было непривычным, тихим, спокойным, самолёты садились и взлетали, не отстреливая тепловых ракет. Люди ходили в разноцветной одежде, без оружия, чистые, выбритые, отутюженные. Я поначалу даже растерялся, не знал, куда деваться.

В Ташкенте расстались с Геной после того, как провели семью Шохрата. Лиса улетел через пару часов после меня. Но всё равно, в Ташкенте чувствовалась близость войны: бесконечно сновали военные, кто в кителях, кто в полевой форме, их было больше. А тут, в Минводах... только теперь я понял, всё, война для меня окончена. До дома оставалось меньше двух часов пути на автобусе!

Ехал я как-то поездом из Киева. Времена уже смутные наступили, Союз ещё дышал, но уже слабенько. Волны забастовок захлёстывали страну. Республики вопили о свободе от Москвы. Вот и застрял я на вокзале украинской столицы на несколько суток. Уже и не ожидал, что состав всё же подадут. Народ разбежался. Кто самолётом улетел, кто автобусами решил добираться в Рос-

сию. Я особенно деньгами не располагал, решил до последнего ждать, а потом уже решать что-то. Гулял по Киеву, пил отличный крепкий кофе на Крещатике, на Подоле, на набережной Днепра. Варили его вкусно в специальных палаточках. Стоил недорого, да я ещё и удешевлял, пил без сахара. С деньгами и вправду было туго, оставалось что-то около пяти рублей. Я сходил на Бессарабский рынок, купил домашней колбасы несколько кругов, такой запашистой, с жирком, с чесночком, если на сковородочке подогреть, так никаких яств больше не нужно, хлеба кирпич купил, у меня и на кофе осталось. На проезд в троллейбусе-метро или там, в трамвае-автобусе не тратился, пешочком ходил, укреплял опорно-двигательный аппарат. Утром на вокзал приходил, узнавал, что паровоз нужно ждать к вечеру, и снова гулял по городу. Тогда осень была поздняя, но тепло в Киеве, солнышко светит, птички поют, Днепр сверкает. Днём я дремал где-нибудь в скверике на скамеечке, ночью заходил в вокзальный видеосалон. Помните такие? За рубль можно было посмотреть кашню на экране телевизора, размытую, нечёткую, с гнусавым переводом. Показывали в разных городах одно и то же. Либо что-то с Брюсом Ли, либо «Рэмбо» или «Рокки». Не важно. Главное, можно было поспать в мягком кресле и в темноте. На киевском вокзале владел видюшником свой человек. Наш, афганец. Познакомились случайно, разговорились. Он мне и предложил на ночь к нему заходить. Так что – нормально, перекан-

товывался как-то. По утрам ходил в туалетную комнату, брился, умывался там. Только вот искупаться негде было, переодеться. Решил проблему просто. Вечером спускался к Днепру, раздевался, заходил в холодную мягкую воду, намыливался, окунался пару раз. Всё это делал потихонечку, без охов и ахов, чтобы не напугать влюблённые парочки и не привлечь внимание милиционеров.

Почему я остался без денег тогда? Всё просто. Возвращался из первой заграничной командировки в Румынию и Венгрию. Тогда же можно было провезти с собой за границу не более червонца. Потратить их там не потратишь, поскольку в ходу форинты и леи. Билет на обратную дорогу был забронирован в купейный вагон. По тем временам червонец – крупные деньги были. Вот и кутил на них поначалу, обедал в «Вареничной» напротив вокзала, трескал пельмешки первые два дня, как застрял в Киеве, позволял себе по паре кружек пива.

Наконец-то, поздно ночью, когда я задрёмывал под гнусавый голос переводчика в видеозале, услышал объявление, мол, пассажиры с билетами за такие-то числа приглашаются на посадку в скорый поезд «Киев – Кисловодск». Даже не попрощался с бачой, приютившим меня на несколько ночей. Рванул на перрон. Как дурак, сунулся к купейному вагону. Проводник лениво так посмотрел на меня и сказал, что все места заняты, иди в любой другой вагон. Тут разве поспоришь? Побежал к соседнему, плацкартному. Поезд уже гудок даёт. Проводник этого ваго-

на только кивнул, мол, ласково просимо! Хе-хе... Вагон почти пустой. Всего с десяток мест занято. Я прошёл в пустое четырёхполочное пространство, сунул проводнику оставшийся рубль мелочью, попросил пару стаканов чая, развернул пакет с колбасой и хлебом, доел остатки роскоши и завалился на свою полку. Спать! Лёжа, на простыне, пусть даже и серой, влажной. Убаюканный перестуком колёс, почти сразу уснул. Проснулся внезапно, видимо, потревоженный наступившей тишиной. Поезд стоял на какой-то узловой станции. Приглушённые звуки репродуктора доносились сквозь закрытое окно:

– Четвёртый, грузовой состав на пятый путь прими...

– Уважаемые пассажиры! На первый путь прибывает скорый поезд «Москва-Львов». Нумерация вагонов с хвоста поезда...

И так далее.

Всё это в полутонах, как-то по-домашнему. Помнится всё из детства.

Мы часто ездили с родителями то в Казахстан, к маминой бабушке, то на родину папы, в Воронежскую область, то к родственникам в Магадан или в Ростов-на-Дону. И всегда почему-то я просыпался в ранние предутренние часы на таких станциях, слушал в полусонном состоянии одинаково звучащие голоса диспетчеров и засыпал под ускоряющийся перестук колёс.

В этот раз я лежал и слышал за тонкой стеночкой соседнего купе ровный, чуть хриплый голос. Человек рассказывал молчаливому попутчику

свою историю, под редкое постукивание чайных тонкостенных стаканов. Явно собеседники выпивали. Голос говорил: «Так вот... – булькал жидкостью обладатель низкой хрипоты, – ситуйёвина хреновая тогда была в Афгане вообще, поскольку уже тюльпаны начинали из-под снега вылезать, то и душки начали активизироваться, уходить из долинных кишлаков, где зимовали, в горы, занимать седловины, свои пещеры-базы, в общем, егзили очень активно. Для нас же это первая весна там, опыта большого ещё не было по предупреждению таких вещей, то есть тупо мы сами лезли на рожон, вместо того, чтобы методично подготовиться к весне, заслоны выставить, засады на вероятном пути следования духов. Не-а... Опять же, тупо прочёсывали кишлаки, тупо лезли в горы, вслед за душарами, ну и так далее. Одним словом, галиматъя сплошная. Естественно, с потерями достаточно серьёзными. Мы же в декабре попали туда, какая разведка зимой, только аэрофотосъёмка, карты генштаба и прочее. А тут – реальность, не на картинках. Хотя уже более-менее обстрелянными были, успешно воевали, но с малыми группами и в основном на равнине. В горах только случайные боестолкновения, ну и досмотры-уничтожения караванов. – Замолчал рассказчик, громко глотал водку, немножко пережидал паузу и продолжил:

– А тут, когда стай тараканов ломанулись душары в горы, у них там схронов с оружием и боеприпасами, как грязи. Мы, что в рейд брали, с тем и воевали. Много на себе упрёшь, что ли?

Ну, цинк патронов. Это на двадцать минут боя. Ну, гранат с десятков. Ну, нож. Правда, пулемётов всегда два-три было. Однако и таскать тяжело, и патронов не напасёшься. Пожрать что-нибудь: несколько банок тушняка, сгущёнки, галеты, россыпью крупа, кусок мыла, тряпка для лица, после умывания утереться, портянки-носки запасные. Всё! И не факт, что сразу после боя или до него, или же после – подбросят боепитание и жратву. Далеко не факт! Посему, в основном грузились патронами, а продукты по остаточному принципу брали.

Вот и четырнадцатого февраля восьмидесятого года, в день Святого Валентина, почему и запомнился этот день. Впрочем, мы и не знали тогда про такой надуманный праздник, просто мне стукнуло тогда ровно двадцать лет. Раненько утречком, сразу после восхода, как только чуть от мороза ночного оклемались, ночевали на снегу, в основном охранение боевое было. Поднялись на вершинку, а туточки нас и ждут. Кишлячок там махонький был, домов с полтора десятка. Душары с него и долбанули по нам... У них ещё и ДШК был, а это штука страшная. Даже если и не в тебя стреляют, так от одного звука можно в штаны навалить. Ревёт, как труба иерихонская, и сразу охотно веришь, что пулька из него – в ключья разнести может! Так оно и есть, впрочем.

Залегли мы за камнями, пуляем в ответ. Но после ДШК наши РПК слабоваты будут. Запросили огневой поддержки. Пара «крокодилов» минут через сорок подошла, лупанули по кишла-

ку. Дым, копоть, снег – всё в одну пелену над селеньищем. Дали летуны возможность ворваться туда. Ну, что, там, в основном развалины, трупы или куски тел, а уцелевшие духи в горы уходят. Но наша задача – их не преследовать. Туда пехота потянулась из соседнего распадка. Наше дело – засечь, прочесать и вперёд, дальше. А то и на базу сразу, что завсегда лучше, чем по горам козлами скакать...

Пошли на прочёсывание. Обычно работали в паре. Один впереди, второй сзади по сторонам шарится, за спину поглядывает. Получилось так, что Чича, напарник мой, сунулся вперёд и первым шмыгнул за калитку дувала, а там, блин, растяжка на уровне головы. Он-то пригнутый шёл, глазами внизу растяжку искал, потянул сводом каски или ещё чем струну. Хлоп... и всё... Чиче полголовы снесло на хрен... Я тогда офигел от взрыва, потом от осколков, не задела меня, поскольку я чуть в стороне был, от мозгов в снегу, ну и оттого, что Валька на спину падает, считай, без головы, а на курок автомата пальцы давят, только пули вее-ром вверх и над моей башкой просвистели.

Остался я один. Понимаю, что если, уходя в спешке, духи всё же успели растяжку поставить, значит, что-то интересное там было или есть, а может, просто из-за подлючести своей. Врываюсь во дворик, сразу на перекат через правое плечо. Когда только врывался туда, успел увидеть слева, рядом с калиткой, арбу двухколёсную, прислоненную к дувалу. К ней после переката и шмыгнул. Там ещё мешки с хворостом и соло-

мой были. Обосноваться не успел, а из домика в меня бабахают из автомата. Но не долго. Патроны закончились у орла. Это я понял, когда он заткнулся. Что делать? Пошёл к дому. – Рассказчик шумно вздохнул, помолчал.

Снова короткое двойное бульканье:

– Выходит из проёма дверного... у них ведь дверей практически нет. Древесина очень дорогая, поэтому завешены входы либо мешковиной, либо шкурами. Короче, выходит парень, примерно моего возраста и лыбится, сука! В руках нож. Он им поигрывает, явно заводит. Меня ж от злости и обиды за Вальку Чичу трясёт. Хотел сразу по нему влупить из автомата, но чего-то передумал. Как в кино всё было, честное слово! Вокруг стрельба периодически. Где-то кто-то орёт, мат, стоны. За спиной напарник в киселе из снега и крови лежит. А тут душара на меня с ножом прёт. Ага... И чего-то такая злость через край, адреналин аж на языке шипит, магазин от автомата отстегнул, ствол в сторону бросил. Ранец и броник тоже на снег бросил, нож самодельный достал. С ножичком своим редко расставался. Мне хлопцы из автобата подарили выкованный из рессоры, прочный очень, заточка отличная. Чтобы не напороться самому на него, сделал ножны из резинового водяного шланга. Классная, отличная вещь была! Значит, нож в руку и иду на него. Вижу, что пацан кинжалом с детства владеет, сам шустрый такой и худющий! Я-то тоже толстым тогда не был, но у нас хоть закалка-тренировка была, да и жратва наша лучше, чем у них сплош-

ной рис. Это всё быстро в башке моей проносится, сам же думаю, как же биться с душарой?!

Снова тишина. Мимо вагонного окна медленно уходит скорый «Москва–Львов». Стараюсь не уснуть, прислушиваюсь.

– Кинулся он на меня быстро так, я прямо и не ожидал, еле ушёл с линии атаки... – крикнул после выпивки рассказчик, похрустел закуской:

– В карате есть такой уход – таэ сабакэ, это когда приставным шагом условный треугольник стопами мягко рисуешь по поверхности. Очень эффективный приёмчик. Вот с ним и ушёл. А этот сучонок чуть вперёд прошёл и грамотно, очень грамотно уклонился от моего ножа. Просто под руку мою заступил и опять мне в пузо своим кинжалом целит. Тут я вынес правую ногу на замах, вроде как ударить вражину хочу в пах, но только заблокировал свой живот, он мне и полоснул лезвием по колену. Благо, прямо по чашечке, не глубоко, только кровищи много, кожу разрезал, а так даже и не больно, щипало чуть. Я успел ему ножом по лицу достать, щёку порвал и ухо располосовал. – Снова примолк. Жевал что-то.

– Со стороны – картинка замечательная, всё молча делаем, только рычим. Я понял, что он работает полностью на поражение, плен не нужен ему, хотя и понимает, что при любом раскладе ему хана. Но пацан ведь, ему ж только победа нужна, – хехекнул тихонечко. – Больше он меня лезвием не достал, как не пытался. Злитесь, визжит уже от ярости, не от боли, несмотря на то, что я его трижды ткнул ножом: в бедро, в левое пред-

плечье и в грудь, но не глубоко, не успел просто, сам уходил от его ударов. А потом я споткнулся о брошенный ранец и упал на бок, нож выронил, успел только на спину перевернуться, тут пацан прыгнул на меня, – голос дрогнул, напрягся.

– Навис надо мной, уселся на грудь и нож в горло мне воткнуть хочет. Да только я ручонки его шаловливые перехватил и не пускал к своей глотке. Сильный он был, тугой, как верёвка, хоть и худой такой же. Блин, изо рта у него воняет дохлятиной, слюна капает, кровь с морды стекает прямо мне в глаза. Ага, лежим, боремся! Я увидел, как пацаны наши во дворик метнулись. Кто-то побежал духа прикладом садануть, а взводный орёт, мол, не трожь. И вот же, как у Джека Лондона, волчья стая смотрит на бьющихся волков, кто кого, кого драть потом будем?! Так и парни наши кругом стали, чуть не рычат. Даже мороз по коже продрал. Я решил уйти на мостик и сбросить духа, напрягся, приподнялся чуть, а он меня коленом в пах... Ох и разозлился я... Отпустил его левую руку без ножа, дал ему возможность схватить меня за горло, а сам воткнул палец ему в глаз. Только чвиркнуло. Заорал душара. Всё. Он мой! Перехватил руку с ножом, увёл на боковой и с хрустом сломал в локте, потом в висок зарядил кулаком. Вывернул кинжал у него из пальцев и глотку ему перерезал... Ещё и коленом наступил ему на грудь, чтобы не дёргался сильно, и крови поменьше на мне было. Надо же, думал тогда о таких мелочах, как чистота и гигиена!

Снова короткое затишье:

– Тут лейтенант наш подошёл. Нож выцарапал из моей руки и вклеил мне боковой, чтобы сопли не распускал. А я и вправду что-то занюнился.

Сколько лет прошло, а ведь помню всё. И вонь из пасти духа, и запах крови на снегу, и глаза пацанов наших, и дрожь в руках после драки, и то чувство, когда убивал врага, и не чувствую вины за собой. А должен?

Рассказчик вздохнул, вновь раздались булькающие звуки.

Проснулся я уже в полдень, встал, заглянул за стеночку. Там никого. Только свёрнутые на нижних полках матрасы да позвякивание перекачивающейся на полу пустой бутылки из-под водки.

Подумалось тогда, сколько же людей через Афган прошло, если то и дело натыкаешься на своих. На тех, кто там побывал!

Братство кавказских литератур

НА ПЕРЕВАЛЕ ПРОСТРАНСТВА

Щека луны лежит на белой
туче,
Где ждёт рассвета скомканная
ночь.
Ещё не тронул землю первый
лучик,
Хотя ему прорезаться невмочь.

А ивы всё невестятся... Всё
строже
Глядят, волнуясь, в озеро
тайком.
Озёрная вода дрожит,
тревожась:
«Куда ж они? Ведь стыло...
Босиком?»

Вдыхаю я дыхание природы,
Где воздух безмятежно-
недвижим,
Где золотятся утренние воды,
Где резок свет... Как холодно
под ним!

Эльбрус
СКОДТАЕВ

Поэзия

Зачем гадать? Растает мгла ночная,
Тревоги ослабеют не спеша.
И вновь меня природа обнимает,
И чует радость горькая душа.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Луна одарила сверканьем вздремнувшее поле,
Хрустит запорошенный снегом резной окоём.
И дышится так, что всё чудится – вот она, воля,
И что-то рождается светлое в сердце моём.

Колёса скрипят – то возница в далёкой лощине,
Где в сторону леса телега оставила след.
Залает собака... И нету печали в помине...
А голос услышу, и чудится – сумрака нет.

Без дров наш очаг... Только тени ползут по
карнизу.
Нет света в доме, а без света совсем неуют.
Ругаются бабы – звук слышен откуда-то снизу,
Откуда-то сверху всё слышится – песню поют.

Прижмись ко мне крепче – не нужно ни угля,
ни пёчи,
Смешай с поцелуем дыханье в морозной ночи,
Чтоб женские волосы тихо струились на плечи,
Чтоб сердце взметнулось... А после давай
помолчим.

Пусть кружится снег, пусть своё напевают
колёса,

Пускай неизвестно, что ждёт нас с тобой
впереди,
Но света побольше, чем всех этих тёмных
вопросов,
И тихо теплеет в усталой от жизни груди.

Луна посреди восхищённого неба
Снимает свой старенький плащ...
А пуговицы звёзд всё сверкают... И немо
Твердят: «Ты влюблён и пропащ...»

Луна обнажилась и белою грудью
Прижалась к просторам земли.
И стали виднее пророки и судьи,
И даль, где плывут корабли.

А зимнею ночью луна без одежды
Не знает напрасных простуд.
И в сердце — лучи одинокой надежды,
Что в тело луны прорастут.

И нет ничего в этом мире чудесней,
И видится мне неспроста
И лунный простор...И небесная песня...
И бледной луны нагота.

Вращая шар земной назад,
Я в прошлом оставляю взгляд.
Деревья тихо шелестят
На Родине, где отчий сад,
Где окна в домике горят,
И где меня порой корят...
Я теплоты души хотел,
И вечно рвался за предел,
Туда, где столько новых дел,
Где дальний огонёк горел —
Горел, а не печально тлел...
Я с сердцем сладить не сумел.
Рвалась рубаха с тощих плеч.
Мне так хотелось уберечь
Родной очаг, родную речь...
Нередко обнажал я меч,
Башку врага срубая с плеч —
Из сечи в сечь...
Своим я был среди обид,
Среди могильных серых плит,
Среди холмов, где шелестит
Трава, утрюмая на вид.
А мимо жизнь бежит, бежит...
Душа болит.
Вращая шар земной назад,
Бегу, спешу в отцовский сад...

Сердце, устав от муки, от огорчений частых,
Вдруг встрепетётся ночью, спросит: «А где
рассвет?
Вдруг после мрака ночи, всех этих дней
ненастных,
Он не вернётся больше, скажут: «Рассвета нет!..»

Но только ярким светом вновь озарятся кроны,
В сердце вернутся радость, солнечность и покой,
Станет ему казаться, что этот мир зелёный
Счастьем всегда одарит... Будет всегда такой.

К МАТЕРИ

Без тебя внутри окаменело,
Без тебя даль больше не светла.
Даже солнце душу не согрело
Мне без материнского тепла.

Но, когда беспечное светило
Поутру восходит в небесах,
Я шепчу: «Меня ты оживило,
Солнце – искра в маминых глазах!»

*Перевёл с дигорского
Анатолий Аврутин*

ПЕРВАЯ ГРУППА

Рассказ

1. Испытательный срок

Я подписала трудовой договор. Восемнадцать тысяч семьсот рублей – заработная плата. «Стимулирующие – по результатам работы». Заведующая улыбалась, будто делала мне одолжение:

– Везде нужен опыт. Вам повезло, что мы берём без стажа.

Повезло. Это слово ещё не раз будет отдаваться горьким послевкусием.

Я заправила за уши выбившиеся из пучка волосы, выпрямила спину, прокашлялась и вошла в группу.

– Ну, что, дети, это ваша новая воспитательница, Анна

**Мария
ЛАБУНЬКО**

Проза

Александровна, – проговорила заведующая сладким голосом и тут же исчезла.

– Здравствуйте, дети! – сказала я. – Очень рада всех вас видеть. Мне не терпится познакомиться с каждым из вас!

Группа встретила меня оглушительным хаосом.

Трое мальчишек гоняли машинки по полу, с грохотом сталкивая их друг с другом. Девочка в розовом платье методично рвала книжку, швыряя клочки бумаги в потолок. Кто-то визжал, подражая сирене, а двое детей устроили потасовку из-за плюшевого зайца.

В углу, невозмутимо попивая напиток из потертой кружки, сидела пожилая нянечка. Она даже не подняла глаз, когда один из мальчишек швырнул кубик, едва не угодив мне в лоб.

– Здравствуйте, дети! – повторила я громче, чувствуя, как голос дрожит. – Давайте познакомимся!

Ответом стал новый визг. Рыжий мальчишка с озорными веснушками залез на подоконник и начал стучать ладонями по стеклу.

– Что за цирк?! – гроыхнул чей-то голос за моей спиной.

Я обернулась. В дверях стояла женщина лет тридцати – моя напарница, как выяснилось позднее. Высокая, угловатая, с лицом, на котором усталость уже давно вытеснила другие эмоции. Её светлые волосы были собраны в небрежный хвост, некоторые прядки торчали по сторонам, будто хотели сбежать. Бледная кожа с синеваты-

ми кругами под глазами, и взгляд – острый, оценивающий, сразу ставящий на тебе клеймо «не справится».

– Ольга Станиславовна, – буркнула она, не протягивая руки. – Вы новенькая?

Я кивнула, пытаясь улыбнуться.

– Поздравляю, – она фыркнула. – Вам «повезло» с группой.

Нянечка наконец оторвалась от «дел»:

– Особенно с Ванькой. Он у нас... с характером.

Ольга Станиславовна проигнорировала её, неуклюже наклонившись над столом, схватила колокольчик и резко позвонила. На секунду воцарилась тишина.

– Все на ковёр! Быстро!

Дети, будто загипнотизированные, послушно поползли к центру комнаты. Даже Ванька спрыгнул с подоконника.

– Вот так с ними надо, – бросила напарница. – Без сюсюканий.

И повернулась ко мне, скрестив руки на груди:

– Вы сколько лет проработали?

– Я... это мой первый день, – призналась я, краснея.

Без слов было ясно – я не просто разочаровала, а превзошла самые мрачные ожидания. Она почти швырнула мне папку:

– Журнал посещаемости. Журнал проветривания. Журнал температурного режима.

Я взяла их, чувствуя, как тяжелеют руки.

– А дети?..

– На сегодня-завтра дети – мои, – отрезала она. – Вы – бумаги. С понедельника работаем по одной в смену, поэтому пока наблюдайте, учитесь, – она кинула взгляд на стопку журналов в моих руках, – и заполняйте.

К обеду я поняла:

1. Ванька не просто «с характером». Он умел открывать окна, забираться на шкафы и прятать мои ручки по всей группе.

2. Алиса (девочка, рвавшая книгу) не разговаривала. Вообще. Только кричала.

3. Нянечка Нина считала, что «мыть полы» – это исчерпывающее описание её обязанностей.

4. Наши воспитательные методы с напарницей сильно разнились.

– Кто не сядет за стол – останется без обеда! – громыхнула она на всю группу.

Тишина наступила мгновенно.

– Вот так надо работать, – пробурчала Ольга Станиславовна.

Дети заняли свои места, после слов «приятного аппетита» застучали ложки. Алиса сидела хмурая, надув губы. Я подошла, попыталась ласково убедить её съесть хотя бы ложку супа, но тут напарница рявкнула:

– Не надо тут новаторств!

Алиса в ответ скинула тарелку на пол. По линолеуму растекалась картофельная лужа. Ольга Станиславовна выдохнула так, будто это была моя вина.

Я поёжилась. Её неброский наряд – широкие хлопковые брюки, объёмная толстовка, отсут-

ствие украшений и вообще каких-либо памятных деталей в образе – в общем впечатлении создавали подобие грозовой тучи. Массивной, холодной, пугающей.

Вечером, когда забрали последнего ребёнка, она выдала мне ключ от группы, папку с бумагами и сказала: «Разберёшься».

Наивно я думала, что буду сеять в маленьких душах «разумное, доброе, вечное» ... Вместо этого весь день подписывала кипу документов и гонялась за Ванькой, который, как шершень, носился по группе, оставляя «укусы» – машинки, толчки и вопли «Она первая начала!».

Телефон завибрировал. Сообщение от мамы: «Как первый день?».

Я посмотрела на трудовой договор, лежавший на столе. 18700 рублей. За них я должна была терпеть всё это. Каждый день.

Я закрыла глаза. За дверью раздался скрип – кто-то шёл по коридору.

– Ты ещё здесь?

Молодая девушка, кудрявая и такая же рыжеволосая, как мой Ванька, заглянула в группу. Я покосилась на её пёстрый свитер. На красном фоне лежали, летали, бегали животные, их плющило и растягивало. В целом, выглядело очень оригинально. Я подумала, что её воспитанники, наверняка, ни с одну минуту глазели на эту несуразицу животного мира.

– Привет. Я из «Солнышек». Карина. Принесла тебе чай, – она поставила передо мной кружку.

Крупную, с толстыми стенками. На белой глазури небрежно расплескались жёлтые пятна, будто кто-то рисовал ромашки, макая кисть в солнечную краску и оставляя округлые кляксы вместо лепестков.

– И инструкцию по выживанию, – следом она положила на стол потрёпанную, предварительно раскрытую тетрадь.

На первой строке было написано: «Правило № 1: никогда не плачь при детях. Они чувствуют слабость». Дальше. «Правило № 2: если хочешь остаться – найди свою причину».

Я посмотрела на пол, где валялся забытый кем-то детский рисунок.

Кривые домики. Жёлтое солнце. И, кажется, я – человечек в длинной юбке и растрепанным пучком на голове. Без лица. Пока что.

2. Красная паста

Три стажировочных дня пролетели – будто не было. Старшая группа «Семицветик» без грозной Ольги Станиславовны «стояла на ушах». Тридцать пар глаз, рук и ног. И одна я. Мне казалось, что это не я их воспитываю, а они, словно на демократическом собрании, голосуют, какие качества во мне нужно срочно развить. Терпение? Проверили. Выдержку? На грани. Чувство юмора? Особенно.

Мне предстояло пройти посвящение в ряды «понимающего с полувзгляда–полуслова» воспитателя, а пока я в ужасе наблюдала, как наша

группа превращается в свалку игрушек. Идеальных детей здесь не было – только «зверьки», которые кусались, когда им было весело, и плакали, когда им было больно. И всё это – под аккомпанемент старшего воспитателя, которая, кажется, решила вывалить на меня все поручения разом.

– Вам необходимо организовать уголок ПДД и папки–передвижки на осеннюю тематику.

Ванька сбрасывал кубики со стеллажа, словно проверяя, насколько громко должно быть, чтобы взрослые наконец отвлеклись от своих дел.

– И не забудьте про стенд «Наши именинники» – фотографии должны быть в рамках, но без стекла (техника безопасности). Папка по ПДД должна быть синего цвета.

Я машинально кивала, но в голове крутилось только: «Боже, уж лучше быть тут с Ольгой Станиславовной и терпеть её грубость, чем брать весь удар на себя».

– И не забудьте про журнал проветривания, – добавила старший воспитатель уже из коридора. – Его нужно заполнять до того, как проветриваешь. Логично, да?

Я посмотрела на остановившиеся часы. Словно они и не вращались вовсе – время тут точно замирало.

– И зайдите к Варваре Васильевне. Она у нас педагогический ветеран, всё расскажет, всё подскажет. Вам, молодым, это полезно. – она обернулась. – Ах, да... Варвара Васильевна не любит, когда опаздывают. И когда приходят вовремя.

Когда дверь за ней закрылась, ко мне подбежала Алиса и коротко, еле слышно, сказала:

– Это вы, – и сунула мне в руку поломанную куклу.

За ней подскочил Ваня:

– А вы здесь надолго?

Мне самой был интересен ответ на этот вопрос.

С Варварой Васильевной у нас сразу как-то не заладилось. В коридоре я наткнулась на портрет «Лучший работник – 2024». На фото она улыбалась, но глаза были, как у рыбы на прилавке, холодные. Её фигура – прямая, почти деревянная – казалась вырезанной из старого дуба: крепкие плечи, жёсткая посадка головы. Ей было под пятьдесят, но седина, пробивавшаяся в тёмных волосах, собранных в тугой «пенёк», выглядела не признаком возраста, а скорее следствием многолетнего напряжения.

Лицо её напоминало старую классную доску – бледное, с глубокими морщинами–царапинами, оставленными годами строгого контроля. Брови – две чёткие чёрточки, будто подведённые линейкой. Губы – тонкие, бледные, слегка поджатые, словно она вечно сдерживала какое-то замечание.

Её группа напоминала музей. Идеально расставленные столы и стулья, подписанные карандашницы, ровными рядами выставленные книжки и альбомы, безупречно чистые окна. Дети сидели молча, лишь скрипели грифели на листах бумаги.

– Я ждала вас ещё пять минут назад, – сказала Варвара Васильевна, не поднимая глаз от своих записей.

– Простите, я ждала, когда вернётся нянечка...

– Не интересуется.

Она наконец посмотрела на меня, аккуратно поправила манжет снежно-белой блузки, провела ладонью по ткани на груди, разглаживая невидимую складку, после чего пригладила юбку на бёдрах – тоже жестом привычным, выученным за десятки лет. Блузка сидела на ней так, будто была сшита по лекалу – строгий воротник застёгнут до самого конца, ни одной лишней ниточки, ни намёка на небрежность. На запястьях серебристо поблескивали маленькие пуговицы-капли, и даже эластичная ткань рукавов казалась натянутой до скрипа.

– По какому вопросу вы пришли?

Я опешила. Хотелось сказать: «Не то, чтобы я мечтала говорить с вами...», но пришлось:

– Я по поводу того, как журналы заполнять, планы...

– И чему вас только в институте учили? – спросила она раздраженно.

Один из детей уронил карандаш на пол.

– Саша, – голос Варвары Васильевны стал тише. – Ты что-то хотел?

Мальчик мгновенно замер, помотал головой.

Она снова смотрела на меня. Возможно, выживая взглядом оправдания. Вместо них я ответила:

– Нас учили, что к молодому специалисту обычно прикрепляют наставника.

– Всё верно. Я ваш наставник.

– Почему не Ольга Станиславовна? Так, наверняка, было бы для всех удобнее.

– Ольга Станиславовна скоро уйдёт и оставит «Семицветик» на вас, – сказала она так, что я запуталась, кого она недолюбливает больше: бывших студенток или своих давних коллег.

Она выдвинула верхний ящик стола, там образцовой стопочкой лежали листы бумаги с распечатанным на них текстом, папки-скоросшиватели разных цветов (не ярких, вроде розовых и салатных; только синий, красный, чёрный), достала один из толстых переплётёв.

– Запоминайте. А лучше запишите. Здесь заполняете синим, тут – карандашом, вот здесь – только красной пастой. Как у меня.

Глаза бегали по бумагам, пытались «фотографировать» в памяти основные моменты. Не хотелось слышать очередной упрёк в свою сторону, если достану, к примеру, телефон, чтобы снять всё на него. А никакой бумажки, чтобы оставить пометки, я не взяла. Непредусмотрительно с моей стороны.

– Анна?..

– Александровна.

– Анна Александровна, ровно через месяц у вас состоится открытое занятие. Имеете представление о таких формах работы?

– Да.

– Замечательно. Тогда начинайте готовить конспект. По основным вопросам у вас всё?

– Да...

– Завтра жду план и журналы. Покажете, как вы меня поняли.

Утомлённая разговором с педагогическим ветераном, я захожу в группу, и передо мной предстает картина полного разрушения. Воздух наполнен визгом, смехом и грохотом падающих предметов.

Стул лежит на боку, рядом отломанная ножка. Два больших пластмассовых грузовика раздавлены – видимо, кто-то прыгал на них. Очередная раскраска разорвана на несколько частей, и один мальчик, с восторженным визгом, размахивает куском бумаги, как флагом. В углу плачет другой, окруженный тремя «охранниками», которые, взявшись за руки и смеясь, не выпускают его.

Из-за двери спальни доносится голос нянечки:

– Да-да, болит... то одно, то другое, – она явно увлечена разговором и не собирается вмешиваться.

Сжимаю кулаки, чувствуя, как внутри поднимается волна отчаяния и гнева. «Почему я? Почему сейчас?» – мелькает в голове.

Делаю глубокий вдох, пытаюсь собраться. Вспоминаю правило №1 из потрепанной тетради.

– Ребята... – голос дрожит, но я усилием воли делаю его тверже. – ХВАТИТ.

На секунду мир поставили на паузу – дети замерли, оглядываясь на меня. Но уже через мгновение один из мальчишек, Егор, кричит:

– А нам не хватит! – и с хохотом бросает кусок раскраски в другого ребенка.

Хаос вспыхивает с новой силой.

Чувствую, как комок подкатывает к горлу. «Я не справляюсь». Но сдаваться нельзя. Медленно подхожу к углу, размыкаю руки «охранников» и выпускаю заточенного мальчика.

– Идите, садитесь за стол, – говорю, но никто не слушает.

Из спальни доносится смешок нянечки.

Закрываю глаза. «Минута – и я закричу. Или заплачу». Но сжимаю зубы и делаю ещё одну попытку.

В группе постепенно стихал шум – детей разбирали по одному. Я устало расставляла книги на полках, когда в дверях появилась мама Егора – высокая, с напряженным выражением лица.

– Егорка, одевайся! – она машет сыну, и тот нехотя ковыляет к своему шкафчику.

– Добрый вечер, Егор сегодня...

Но мама перебивает меня, резко хватая руку сына.

– А это что?! – её голос дрожит от возмущения.

На локте у ребёнка отчетливо виден фиолетовый синяк.

Я замираю. «Когда он успел? На прогулке? Когда они носились по группе?». В голове мелькают обрывки дня: крики, беготня, моё собственное бессилие...

– Я... не заметила, как это произошло, – голос звучит тише, чем хотелось бы.

– Как это – не заметили?! – мама повышает голос, и Егор съёживается. – Вы за ними вообще следите? Или просто сидите, пока они друг друга калечат?

Горят щёки – от стыда, от беспомощности.

– Сегодня действительно был сложный день, дети очень активные, но...

– Но ничего! – она снова перебивает. – Я не собираюсь слушать оправдания. Если вы не можете уследить за детьми, может, вам не стоит здесь работать?

Я сжала пальцы, чтобы они не дрожали.

– Понимаю ваше беспокойство. Завтра я уделю Егору больше внимания, поговорю с детьми о правилах...

– Завтра?! – фыркает женщина. – Если такое повторится, мне придётся написать жалобу. На вас лично и на сад. Потому что это безответственность!

Она довольно грубо берёт Егора за руку и, не попрощавшись, уходит, громко хлопнув дверью.

Я медленно опускаюсь на скамейку, закрываю лицо ладонями и впервые за день позволяю себе дрогнуть.

В груди напряглось что-то тонкое, неоформленное – страх, что к концу года я тоже стану просто строчкой в списке бывших сотрудников, ещё одной надтреснутой кружкой в шкафу персонала. Смогу ли выдержать? Или быстро сгорю, потеряю себя в этом бесконечном шуме, бумагах, непоседливых детях, чужих придирках?

А если не получится – куда тогда? Страшно было признать, что дети становятся мне близки. Страшно потерять что-то, во что только-только начал верить.

Спустя несколько минут дверь приоткрылась.

– Живая? – Карина просунула голову в проём. В руках у неё были два стакана кофе и пакет с печеньем.

Я кивнула.

– Не переживай, – она присела рядом, положила руку на моё плечо. – Поначалу тут всех так «ломает», – отломала кусок печенья и сунула мне в рот. – Ешь. Ты уже бледная, как привидение.

Я проглотила, не чувствуя вкуса.

– Спасибо. Ты вселяешь в меня надежду, – постаралась ей улыбнуться. – Давно ты здесь работаешь?

Карина фыркнула, отпила кофе и зябко повела плечами.

– Уже четвёртый год. Знаешь, в первый год я пять раз писала заявление на увольнение, – она усмехнулась и покачала головой. – Три раза сама передумала, а два раза уговорили остаться. Всё время думала: «Ну вот ещё неделя, и точно уйду». А потом как-то отпустило.

Она покрутила печенье в руках, щёлкнула ногтем по бумажному стаканчику.

– Спасает, наверное, только моё легкомыслие, – сказала она чуть тише, – ну и умение посмеяться, когда хочется рыдать. Тут, если всё воспринимать слишком серьёзно, быстро сломает. Надо уметь смотреть на этот бардак сверху...

Она взглянула на меня внимательно. Глаза – зелёные, с золотистыми искорками, как у кошки, – смеялись, но внезапно приобрели холодный отблеск.

– Ты не переживай так остро, слышишь? Тут у всех был период, когда хотелось сбежать. Главное – не молчи, когда тяжело, и не забывай про себя. Всё остальное переживём.

И улыбнулась своей теплой, заразной улыбкой, протянула мне второй стакан кофе.

– Держи. Сахара я тебе насыпала побольше, вдруг поможет.

Дома муж встретил меня вопросом: «Как сегодня на работе твоей мечты?». Я не ответила, просто поставила будильник на 5:30. Завтра нужно успеть до детей – повесить стенд и.. научиться не плакать (даже мысленно), когда тебя совсем не слышат.

3. Первая победа

В 6:20 утра я уже стояла в пустом детском саду. Пальцы слипались от клея, когда я пыталась прикрепить к стенду фотографии «Наши именинники» – те самые, что должны быть «в рамках, но без стекла».

К семи утра стали приходить воспитатели.

– О, трудяга! – Карина замерла на пороге моей группы.

Я уже перестала удивляться её ярким и протестующим системе нарядам. Сегодня она была

в джинсах скинни и претенциозно розовом топе, который прикрыла оверсайз рубашкой, своими принтами больше похожей на стену гаража, расписанную граффити.

– Слушай, ты же вчера не заполнила листы здоровья. Варвара Васильевна уже шумит.

Времени думать о Варваре Васильевне и очередных бумагах не оказалось, дети влетели в группу как торнадо.

Ванька сразу залез под стол и завыл сиреной скорой помощи. Алиса устроила «концерт» – плакала и стучала ложкой по металлическому подносу, пока нянечка накрывала к завтраку.

– Девочки и мальчики... – мой голос потонул в грохоте.

К середине месяца у меня привычно болела голова от запаха гуаши, влажных тряпок и хлорки. Каждое утро я ловчее приклеивала бумажных ежей и цифры на стенды, подписывала поделки каракулем, заполняла бесконечные листы здоровья, которые всё равно возвращались с красными пометками: «Исправить!», «Указать дату!». Варвара Васильевна, не пропуская ни единого моего промаха, появлялась рядом беззвучно, как привидение: поправляла мне бейджик, выравнивала уголки скатерти и подсказывала сквозь сжатые губы, что кружки должны стоять ручками в одну сторону. Карина смотрела с сочувствием и подмигивала из-за спин детей, но помочь по-настоящему не успевала – каждый был на своём посту.

Я училась лавировать между детским хаосом и взрослой педантичностью: успокаивать плачу-

щих ребят, одновременно считать температурные листы и следить, чтобы никто не пролил компот на журнал проветривания. Иногда казалось, что я существую где-то между двух невидимых фронтов – между детским шумом и равнодушием коллег, между своими ожиданиями и чужими стандартами. Вечером, заполняя очередную таблицу, я думала, что привыкла. Но утром всё повторялось заново: чужие требования, чужие привычки и мой робкий, едва различимый среди гула голос.

На пересменках с Ольгой Станиславовной мы общались мало, сухо, всегда по делу. В основном о том, какие задачи нужно решить, какую документацию подготовить, чтобы в срок предоставить методисту, какие дети сегодня пришли «не в настроении». Кофе пили отдельно. Она не предлагала свою компанию, я не навязывалась.

Я подозревала, что у неё есть какие-то проблемы, то ли в семье, то ли со здоровьем. Уставший вид её, даже после выходных, говорил мне об этом. Конечно, я не решалась говорить с ней о личном, слишком уж чувствовалась колющая ограда, которой она себя окружила. От меня.

Наступил день «икс». День моего первого открытого занятия, к которому я с попеременным успехом готовилась ночами, после работы, домашних дел и не самых приятных разговоров с мужем о том, как ему надоела моя работа.

Я перепроверила всё несколько раз: раздаточный материал разложен, наглядные пособия яркие и понятные, конспект идеально продуманный.

ман. Осталось только одно – удержать внимание детей.

Двери группы открылись.

– Проходите, пожалуйста! – я сделала глубокий вдох, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Гости расселись на стульчики в сторонке. Заведующая смотрела внимательно, старший воспитатель уже что-то пометила в блокноте. Варвара Васильевна скрестила руки, а Карина подбадривающе улыбнулась. Каждый взгляд ощущался кожей, каждая мелочь казалась важнее, чем обычно.

– Ребята, сегодня мы с вами отправимся в волшебное путешествие! – начала я, и в моих интонациях появилась та самая искра, которая мгновенно зажгла детские глаза.

Ребята прильнули к столам, будто перед ними открывалась настоящая магия, и даже те, кто обычно метался или шептался, следили за каждым моим движением.

Все включились в игру. Даже самые непоседливые сегодня сосредоточены. Чьи-то ладошки сжались в кулачки от волнения, кто-то зажмурился, готовясь к сюрпризу, а кто-то улыбался так широко, что на душе становилось теплее.

– А теперь давайте превратимся в маленьких учёных! – я подошла к столу, где заранее готовилась к опыту с цветной водой, и восторженный шёпот пробежал по группе. Стекланные баночки засверкали, как волшебные зелья, и на секунду даже мне показалось, что мы действи-

тельно оказались в настоящей лаборатории, где всё возможно.

На секунду я позволила себе отвлечься, чтобы краем глаза взглянуть на заведующую – та кивнула. С одобрением. Старший воспитатель улыбалась, что-то пометая на оценочном листе. Даже Варвара Васильевна слегка размякла: подбородок дрогнул, и в уголках жёстких губ что-то похожее на благосклонность проскользнуло мимолётной тенью. Карина под столом сжала руку в кулак с выставленным большим пальцем. Я почувствовала, как внутри разгорается искристое чувство: возможно, я на своём месте.

В меня будто вкачали порцию уверенности, я перевела взгляд на ораву любопытных лиц. Дети жаждали знаний, я жаждала их улыбок и их удивления. Мы вместе смеялись, удивлялись, разгадывали тайны – и в этот момент все тревоги растворились, словно их смыло радужной водой из опытных баночек.

– Спасибо, ребята, вы сегодня просто молодцы! – сказала я в конце занятия.

Напряжение растворилось, оставляя лёгкую эйфорию. Казалось, можно лететь.

– Прекрасное занятие! – первой подошла Карина. – Видно, что дети в восторге.

– Да, очень грамотно выстроено занятие, – добавила старшая воспитательница. – Отличная динамика и вовлечённость.

Заведующая кивнула:

– Видно, что вы вкладываете душу. Так держать.

И даже Варвара Васильевна, после секундной паузы, произнесла:

– Действительно, хорошая работа.

Впервые за всё это время я почувствовала – у меня получается. А значит, всё не зря.

Я улыбнулась детям и коллегам, впервые по-настоящему вдыхая воздух этой группы – такой обычный, но теперь уже родной.

Я заполняла журнал посещаемости, когда дверь внезапно открылась.

– Ты чего тут копаешься? – это была Нина, нянечка. Она держала швабру и ведро с грязной водой.

– Документы доделываю...

– Глупая, – фыркнула она. – За эти копейки пахать как лошадь?

Помощница поставила ведро и тяжело опустилась на стул рядом со мной. Ветер с улицы принес запах листвы и пыли.

– Группу эту никто не любит, – сказала она тихо. – Все говорят, что она брошенная. Воспитатели тут, как майские жуки: прилетят, пару месяцев попрыгают и улетают. Тебе еще повезло – Карина и Варвара Васильевна хоть как-то помогают.

Она усмехнулась и постучала по ведру носком своих кроссовок без шнуровки.

– Ольга тоже скоро уйдет, если не знала. В декрет собирается.

– В декрет? – я удивилась. – Но... я даже не замечала беременности.

– Так она у нас скрытная, – женщина махнула рукой. – Да и не афиширует, видишь ли. Прячется под большими размерами, да и всё.

Она взялась за швабру, но не спешила уходить.

– А я вот тоже скоро увольняюсь. Здоровье не позволяет работать, – голос Нины стал тише и грустнее. – Говорили ведь – береги себя, пока молодая. А теперь поздно что ли?..

Она поднялась, немного согнулась, будто хотела показать, как давит эта работа на спину.

– Так что держись, пока можешь. А если увидишь выход – беги, пока не поздно.

С этими словами Нина снова взялась за швабру и ушла, оставив меня одну с отчётностями и тревожными мыслями.

Дома было тихо. В кухне на столе лежала записка:

«До тебя опять не дозвонился. Ужин в холодильнике».

Я села на пол и закрыла лицо руками.

4. Без голоса

Проснулась от того, что не смогла произнести ни звука. Горло будто перетянули колючей проволокой. Температура 38.5. Телефон разрывался от сообщений:

«Вы где? Дети уже приходят!»,

«Ты вообще живая?».

Я попыталась позвонить в сад, но из горла вырвался только хрип.

Выпила жаропонижающее и поехала на работу.

– Ты выглядишь, как смерть, – Карина встретила меня в раздевалке.

Я показала на горло и попыталась объяснить жестами: «Не могу говорить».

– О, боже, – Карина зажмурилась. – Держись. Дети не поняли, что я больна.

Ванька тыкал мне в бок пальцем:

– Анна Александровна, почему вы шепчете? Вы втайне что-то замышляете?

Алиса смотрела на меня, будто видела впервые.

Репетиция к осеннему утреннику стала кошмаром. Я пыталась дирижировать молча, пока дети пели невпопад. Ванька, вместо того чтобы читать стишок, заявил:

– Анна Александровна сегодня, как рыба!

Музыкальный руководитель вдруг подошла ко мне и сунула в руку пастилки:

– У меня тоже так бывает. Когда слишком много кричать приходится.

В течение дня я придумывала новые формы взаимодействия с детьми. Знаки, звуки и символы были нашими помощниками. Мы общались через звон колокольчика, ритм бубна, картинки-рисовки на маркерной доске, смешные, а порой и строгие жесты-указания.

Алиса и Ванька – мои две головные боли – сеяли разрушения в группе и несли погибель всем моим надеждам на то, что смена пройдет легко и быстро. Я ощущала каждой клеточкой тела, как усталость и отчаяние усиливаются после каждой их «выходки». Они были буквально неуправляе-

мы, а мой главный инструмент – голос – попросту меня предал.

Раньше времени на работу пришла Ольга Станиславовна.

– Как себя чувствуешь? – спросила она. – Прости. Мне сказали, что ты сегодня молчуны.

Она медленно стягивала пальто, будто в нерешительности, сомнениях в своих действиях или... в словах, которые готовилась сказать?

– Ты уже догадалась, что у меня подходит срок?

Ольга Станиславовна стояла напротив, и даже её привычная собранность будто бы уступала место какому-то новому, хрупкому спокойствию. В голубом платье, аккуратно перехваченном лентой под грудью, она выглядела особенно непривычно. Материя мягко облегла её округлившийся живот. Волосы убраны назад крупной заколкой в форме цветка.

– Да... – почему-то солгала я, не решаясь рассказать, что она стала предметом сплетен.

Она кивнула.

– Иди домой пораньше, лечись.

Я вдруг поймала себя на чувстве глубокой, почти щемящей благодарности. За эту простую заботу, за тёплое «иди домой», за её готовность подменить меня, несмотря на собственную усталость и тяжесть последних недель.

Я выразила свою признательность и побежала собирать вещи в спальню (обычно там я оставляла свою сумку). За мной минуту спустя вошла... Варвара Васильевна.

– Вот, – она протянула папку. – Ваш календарный план. Я заполнила.

Я уставилась на неё, не веря своим глазам.

– Не смотрите так. Вы думаете, я не знаю, что такое выгорание? – она резко развернулась к выходу. – Завтра не приходите. Замену найдём.

Дома обнаружила, что от мужа пять пропущенных и сообщение: «Ты даже не звонишь. Как обычно».

Горло саднило, и, кажется, жар окутал всё тело – не только от нездоровья, но и от горького чувства вины. Я смотрела на экран, и внутри поднималась тяжёлая волна стыда: сколько раз я уговаривала себя, что всё временно, что работа – это важно, но семья главнее, а на деле каждый вечер оказывалась прикована мыслями к завтрашнему дню в саду, к своим детям – чужим и родным одновременно. Сначала я только задерживалась, потом стала забывать про звонки, про маленькие ритуалы вдвоём, которыми жила когда-то наша близость. А теперь между мной и мужем будто выросла мутная, плотная стена недосказанности, извинений, которых так и не хватило.

Стыд был давящим, почти физическим – я понимала: променяла простое тепло дома на тревожную радость воспитания, бессчётное спокойствие за чужих детей, оставив собственную жизнь где-то на обочине. Оправдания звучали фальшиво даже для самой себя.

Я коротко ответила ему в смс: «Прости. Я очень устала и к тому же заболела». И тут же почувствовала: этих слов ничтожно мало, чтобы

заполнить ту тонкую трещину, которая уже давно стала похожа на пропасть.

5. Лена

Неделя болезни тянулась изматывающе долго, как тягучая смола, опутавшая скорее душу, чем тело. Когда врач наконец разрешил мне вернуться в детский сад, я не спала почти всю ночь: столько мыслей и чувств ворочалось в груди, что, казалось, сердце вот-вот перескочит через ребра.

Утром на крыльце детского сада я впервые за много дней глубоко вдохнула воздух, наполненный легкой осенней прохладой и чем-то неуловимо детским – вперемешку с запахом пластилина, влажных рукавичек и молочных каш.

Я скучала по детям. По этим неутомным голосам, по беготне по группе, по звонкому «здравствуйте!», в котором вдруг оказалось гораздо больше тепла, чем я ожидала. Даже по капризам и шуму. Оказалось, за неделю отсутствия мир, кажется, чуть сжался – как будто ребята были нужной частью меня самой, и без них дни теряли цвет.

Но проблемы не исчезли. Алиса, по-прежнему не говорившая почти ни слова, встречала громкими криками. Ни уговоры, ни ласковые обнимания не помогали – только ещё настойчивей девочка топала ногами, словно чего-то требовала. Но чего, я до сих пор не могла понять. Ванька, кажется, стал только упрямей: он ловко срывал игрушки с полок, обижал детей и мгновенно

убегал, едва завидев мой по-настоящему строгий взгляд. Иногда казалось, что на него не действуют ни слова, ни запреты.

Во время тихого часа ко мне зашла Варвара Васильевна, прижимая к груди толстую папку и несколько потрёпанных методичек. Когда-то она казалась мне воплощением самой строгости детского сада, но теперь в её голосе и движениях явственно проступала усталость, а глаза светились неожиданно тёплым участием. Она остановилась у моего стола и неуверенно протянула свои сокровища:

– Вот, посмотри, – сказала, опуская папку передо мной. – Тут накопилось за годы... Может, тебе пригодится для работы. Есть упражнения, игры, даже какие-то схемы, – она чуть усмехнулась, – это я по молодости всё собирала.

Меня вдруг окутало чувство большого доверия. Она никогда прежде так открыто не делилась своим опытом.

– Спасибо вам большое! – сказала я с признательностью, аккуратно пролистывая пожелтевшие страницы. – Иногда так не хватает новых идей, особенно с нашими ребятами...

Варвара Васильевна опустила на соседний стул. Она долго перебирала в пальцах край платка, прежде чем заговорить:

– Вот что, милая, – глухо сказала она, – видно, пришла моя пора уходить. Сил уже нет, и ребята теперь другие... Да и я не прежняя. Хочу пожить для себя.

Я почувствовала, как слова застряли у меня в горле. Всё, что казалось важным раньше – наши старые недопонимания, редкие пререкания – вдруг потеряло всякое значение.

Я не решалась нарушить затянувшуюся тишину, но всё же спросила:

– Варвара Васильевна, а вы всегда были такой... сильной? У меня иногда опускаются руки. Особенно с Алисой, – я замаялась, – не знаю, как найти к ней подход.

Варвара Васильевна мягко улыбнулась, прикрыв глаза.

– Думаешь, мне когда-то было проще? Я ведь тоже сюда после института пришла, совсем зелёная. Досталась мне тогда группа... что и говорить, ребята были не подарок. А среди них Лена – девочка, такая же, как твоя Алиса: не разговаривала, только кричала, царапалась, убегала от любого взрослого. Несколько раз хотела уйти, думала, не справлюсь.

Я всматривалась в неё, ловя каждое слово.

– Но вы остались, – тихо сказала я.

– Осталась, – кивнула она. – Пробовала всё: и уговаривала, и сердиться пыталась, и через игру, и через рисунок... Иногда казалось, что ничего не помогает. Но как-то утром Лена подошла ко мне и, вместо крика, шепнула: «Варвара...». Вот тогда я поняла, что нельзя сдаваться.

Я слушала, затаив дыхание.

– А сейчас Лена взрослая. В банке работает, приглашает меня иногда чай пить, даже мимо

очереди пропускает, – усмехнулась она, и в глазах мелькнула тёплая гордость. – Вот и ты не сдавайся, милая. Главное – любовь и терпение. Остальное приложится.

Я осторожно взяла её за руку, и её пальцы ответили неожиданно крепким, живым пожатием.

Варвара Васильевна задержалась у двери, кивнула на лежащие у меня на столе методички и вдруг, словно что-то вспомнив, сказала:

– Подожди-ка, у меня ведь есть ещё кое-что, – её голос стал оживлённее. – Сейчас покажу тебе своих выпускников, если интересно. За столько лет целый альбом накопился, – с этими словами она тихо вышла в коридор.

Я осталась в тишине, разглядывая её материалы, стараясь представить, сколько же всего прошло через руки этой строгой, но удивительно внимательной женщины.

Минут через пять Варвара Васильевна вернулась, держа в руках толстый, потрёпанный временем выпускной альбом. Он выглядел почти как семейная реликвия: обложка вытерлась по углам, некоторые снимки были вклеены поверх старых.

– Вот, смотри, – она с гордостью открыла первый разворот. – Это мои малыши, первый выпуск... Сейчас вот этот вот – хирург, а эта – учительница в начальных классах. А вот Лена ...

На снимке была девочка лет пяти-шести, тоненькая, с непослушными волосами, в платице с кружевным воротничком. Она сидела на самом краю скамейки, обхватив себя за плечи, чуть ссу-

тулившись, и с неуловимым напряжением в глазах, которое трудно было бы заметить на цветном снимке, но здесь, в градациях серого, оно резало взгляд. Кажется, она только что переместилась из-под маминых крыльев в мир, где всё шумно и непредсказуемо. Губы сжаты, брови чуть нахмурены, взгляд – в сторону, будто ищет, где бы укрыться.

Я, не отрываясь, смотрела на Лену и вдруг остро почувствовала: как же она похожа на Алису. Конечно, на чёрно-белом фото нельзя разобрать цвет глаз или румянец, да и волосы кажутся просто светлыми пятнами – но жесты, поза, нерешительное выражение лица, даже то, как она почти прячется за собственными руками, – всё это было до боли знакомо. Моё сердце болезненно сжалось: вот так же Алиса закрывается от мира, боится новых людей, редко улыбается и словно застывает внутри себя.

Варвара Васильевна, заметив мой взгляд, улыбнулась:

– Видишь, похожа? У каждой такой девочки – своя дорога к себе. Но если рядом кто-то не сдаётся, она обязательно научится говорить и смеяться.

Я осторожно перелистывала страницы. На каждом развороте – мини портреты детей, групповые фотографии с праздников, даже иногда забавные подписи и пожелания, оставленные родителями и коллегами. Видно было, с каким теплом и вниманием собирался этот альбом – в нём хранилась целая жизнь, и не одна.

– Иногда вот так посмотришь на них – и понимаешь, что всё было не зря, – сказала Варвара Васильевна, улыбаясь мягко и чуть устало.

6. 18700

Наступила весна. За моей спиной было два проведенных утренника, несколько конфликтов с родителями, стабильных поломок оборудования и один грандиозный побег Ваньки из группы – он решил проводить медсестру в другом крыле детского сада.

Но самое неприятное случилось утром. Когда я, с тремя часами сна и литрами кофе в крови, обнаружила, что наш музыкальный руководитель... уехала в экстренный отпуск накануне очередного праздника. Сказала, что «не выдержит ещё одной репетиции «Чунги-Чанги».

И вот я стою перед зеркалом, пытаюсь пришить оторвавшуюся пуговицу к костюму, и думаю: «Господи, дай мне сил... или хотя бы работающую колонку». А потом раздаётся звонок. И голос заведующей весело сообщает: «Сюрприз! К вам едут проверяющие!».

Весна. Чудное время.

Помимо прочего, последний месяц я работала в группе одна, без Ольги Станиславовны (которая ушла в декрет) и нянечки Нины (которая уволилась). Она словно исчезла – почти без следа: ни слёз, ни долгих проводов, только сухое «спасибо» и скромный поцелуй в щёку на прощание.

На её место пришла Валентина Павловна и поразила меня с первых минут. Несмотря на

возраст, она оказалась подвижной, неутомимой, словно нарочно старалась заполнить собой каждую паузу в группе. С первого дня старалась помочь: и пол вымоет, и игрушки починит, и за детьми присмотрит – будто зная, как порой мне не хватает поддержки.

А в конце апреля в саду появилась Ольга Станиславовна. Пришла не одна – с младенцем на руках. Мы смеялись и восхищались крохотными пальчиками малыша, а в душе моейросло тёплое чувство.

Шагая очередным утром на работу по ещё влажному от ночной влаги тротуару, я вдыхала запахи. Щебетали весёлые воробьи, и выходили сонные люди из подъездов.

У автобусной остановки мой взгляд зацепился за потрёпанный, едва заметный листок, приклеенный скотчем к рекламному щиту. Чёрным маркером по выцветшей бумаге было выведено:

«Требуется продавец-консультант. З/п – 35000 руб.».

Рука сама потянулась к телефону – снять объявление, сохранить номер. Мысль, что можно начать сначала, вырваться из детсадовской круговерти, стать кем-то другим, тянула за собой сладким соблазном. Я почти видела себя на новом месте, с ровным рабочим графиком и эмоциональным состоянием. Но в ту же секунду подумала об Алисе, о Ваньке, о дружественных посиделках с Кариной после смены – и сомнение прорезалось где-то внутри.

В середине дня ко мне подошла Алиса, осторожно протянула рисунок и не отходила, ждала, когда я посмотрю.

На нём я и она стояли на зеленой траве под теплыми, длинными-предлинными лучами солнца. У меня большие голубые глаза, у неё – карие, и на наших лицах улыбки.

– Как красиво! – восхитилась я.

– Это подарок, – прощепетала она. – Завтра нарисую, как мы с вами на прогулке поливали цветы.

Я слушала её тихий голосок и часто моргала, стараясь не заплакать.

Она застенчиво переступила с ноги на ногу, потом вдруг обняла меня за шею, прижалась щекой к плечу и так же быстро отпустила.

– Вы самая добрая и красивая, – выпалила она и тут же покраснела, убегая к другим детям.

Я аккуратно сложила рисунок и убрала в сумку – подальше от случайных капель кофе и детских красок. Пусть хранится. А завтра... завтра мы с Алисой будем поливать цветы. И, возможно, появится новый шедевр.

Во время тихого часа мне позвонила Варвара Васильевна – две недели назад она всё-таки уволилась, её голос звучал бодро и заботливо. Она расспрашивала о группе, об Алисе, о том, как я справляюсь, приглашала на чай – словно между нами всегда была неразрывная связь, пусть уже и не рабочая.

И вот, когда солнце клонилось к закату, а усталость накрывала с головой, меня ожидал неожиданный подарок: у ворот сада стоял муж с букетом. И впервые за долгое время просто обнял меня без лишних слов.

В его взгляде я увидела прощение и веру – в то, что мы ещё можем вернуть потерянное.

Но даже в этот вечер, возвращаясь домой рука об руку с ним, я ловила себя на вопросе: а если всё же уйти? Начать работать в магазине, забыть тревоги и ежедневные битвы в детском саду... Или остаться здесь – среди криков и смеха?

– Слушай, – вдруг муж остановился и, чуть наклонившись ко мне, спросил, – а давай летом поедem в горы? Тебе нужно выдохнуть, ты совсем себя не жалеешь.

– Да, поедem, – сказала я.

И, глядя на темнеющие окна сада, вдруг поймала себя на мысли: это не просто работа. Это та самая первая группа, которая навсегда останется в сердце – даже когда вырастет, даже когда я сама поседею. И пока они кричат «Анна Александровна!» и бегут обниматься – я буду возвращаться сюда снова.

КАЗАЧКА

Как-то раз, в году уж и не припомню каком, в самый разгар знойного лета довелось мне побывать в верховьях Дона, в тех самых краях, где по старинной легенде и случилось то знаменитое сражение, в котором русские богатыри побили темника Мамай и все его поганое воинство.

Компания наша сложилась из шести человек. Все люди с образованием, а то и с двумя, худого ни о ком не скажешь. А кроме всех прочих, была еще с нами огромная собака бульмастифной породы, от взгляда которой у смельчаков стыла кровь, а от рыка мог случиться и родимчик. Когда она задерживала на ком-нибудь любо-

**Олег
СОЛДАТОВ**

Проза

пытствующий взгляд свой, то бедняга замирал в ожидании незавидной участи и только вздохи и молитва тихим шелестом едва срывались с его побелевших уст. Он понимал, что пропал и решительно ничто его не спасет.

На ночлег мы остановились в родительском доме станичного атамана, с которым был дружен кто-то из нашей компании. Родители атамана давно почили, и хата пустовала. Дом был одноэтажный, но гости разместились так удачно, что всем досталось по отдельной опочивальне, включая псину, помещенную в сених. Вечером накрыли стол в проходной комнате; боковая дверь из нее вела в сени, а другая, в углу, открывала небольшой коридорчик с двумя закутками и самой хатой.

Допоздна мы распевали казачьи песни, умеренно пили водку и солидно закусывали походными запасами. Атаман, плотный, коренастый мужик лет шестидесяти и пудов шести весом, круглолицый, коротко стриженный и выбритый гладко, прежде всякой выпитой рюмки стучал ладонью по столу и колокольно гудел: «Любо!»

– Я, – басил он важно, – казак!.. А казак ни перед кем шапки не ломает... акромья как перед Богом, царем, да вместе с головой...

Все чаще его донимали чьи-то телефонные звонки. Голос его делался все громче, так что мы смогли разобрать и предмет беседы. Названивала атаманова хозяйка, требуя сиюминутного возвращения благоверного в родное жилище.

– У меня жена... – проворчал атаман после очередного звонка, – настоящая казачка! Я ее во как держу!.. – Он сжал массивный кулак. – По струнке ходит... Любо!.. – И новая рюмка лихо опрокинулась в его зев. – Мне ее завтра утром на кладбище везти...

– Зачем же? – поинтересовались мы.

– Свояка хоронит... Беспокойся, что я буду не в кондиции...

Телефон задрожал вновь. Атаман долго слушал, прижав трубку к уху, затем шумно втянул носом воздух, словно набираясь смелости, и выдохнул: – А приходи!.. – Небрежно швырнул телефон на стол, поддел вилкой какую-то рыбную снедь с тарелки, отправил ее следом за водкой и задумчиво прожевал. – Настоящая казачка! – повторил он авторитетно. – Сейчас, говорит, явится... Как же! Куда она явится?.. Через всю станицу, по темноте, да с ее ногами!.. Я ж казак... А она, – ткнул он пальцем в неподвижный телефон, – в повиновении быть обязана...

Застолье продолжалось. Спели еще несколько песен, но едва затянули «Степь широкую», как произошло событие до того необычайное, что я до сих пор вспоминаю о нем с благоговением...

Дверь в сени широко распахнулась и, заполняя все свободное пространство, вбирая в себя весь свет от люстрочки в три тусклых плафона и выдавливая весь внезапно стусившийся воздух сквозь щели, проемы и форточки, в комнатку втиснулось и выросло под потолок невидан-

ное исполинское существо. Облачено оно было в гигантского размера выцветший цветастый халат и огромные домашние тапочки на телеграфно-столбовых ногах.

Вы не видели таких людей, а подобных женщин и подавно!

– Ну что, алкашня! – прогрохотало существо, и звуки эти были подобны раскатам грома от сверкнувшей в глубине грозовой тучи молнии. Громадная ручища потянулась к ножке атаманова стула, крепко ухватила ее арматурной клешней и потянула вверх вместе с седоком. «Встал и пошел!», – загремело в вышине.

На полпути к потолку атаман догадался-таки спрыгнуть, и голосом, внезапно преобразившимся из баса в пронзительный фальцет, взвизгнул:

– Я пойду!.. Но не по твоему приказу!..

Он суетливо прижался спиной к обоейной стенке, слегка подогнув в коленках кривоватые ноги и широко раскинув руки с растопыренными пальцами.

Атаманша с высоты оглядела нашу замершую компанию.

– Я сейчас тут все разнесу!.. – пообещала она, покачивая стулом так, что он угрожающе легко перемещался над столом из одного угла комнаты в другой. – Вам же хуже будет...

Справедливости ради, стоит отметить, что слово, метко выбранное ею для описания обещанной экзекуции, несколько отличалось от того, которое привожу здесь я, но смысл его был тот же. И

можно было не сомневаться, что именно так она и поступит.

– Может быть, чаю? – миролюбиво предложил кто-то из нас, очевидно, тот, кому первому вернулся дар речи. К чести нашей стоит сказать, что мы нисколько не утратили самообладания, по крайней мере, внешне вполне казались уверенными во взаимной поддержке.

К тому времени водка уже иссякла, стол был накрыт к чаепитию, а на столе появились чашки с блюдцами, сахарница и сладости.

– А вы кто? – удивленно спросила атаманша, оглядывая нашу компанию, словно вдруг увидев нас. – Я-то думала, он тут с друзьями...

Стул перестал раскачиваться над нашими головами и вернулся на прежнее место. Следом на него грузно опустилась и атаманша. Потертый деревянный страдалец, выдавший первые колхозы, жалобно скрипнул, силясь уместить на себе всю необъятность ее основания, но сделать этого не сумел, поэтому она оперлась одной рукой на стол, выставив локоть и склонившись набок. Весу в ней было, по самым скромным подсчетам, не менее десяти пудов.

Узнав, кто мы и откуда, она отказалась от чая, легким тычком выпшвырнула взъерошенного и совсем притихшего атамана в сени и, кое-как втиснувшись в дверной проем, грохотнула напоследок, как уходящая гроза:

– Он же завтра утром везти меня должен... Мне ж самой не дойти... Ноги у меня... А я думала,

он тут с друзьями... Так мы пойдем... А вы отдыхайте...

Красота красоте рознь. Так Джомолунгма и – пирамиды. Вблизи не постичь их красоты. Груды щербатых камней... Но до чего ж величественны и загадочны они издалика...

Донская ночь струила ароматы свои. Луна и звезды скупо освещали спящую станицу. Было тихо, только изредка с окраины доносился беспокойный собачий лай.

«Как же она смогла на чугунных ногах дойти с низовья в гору, по такой темени, по каменистой нашей дороге, одна? – силился постичь трезвеющий от ночной свежести атаман, с восторгом и обидой топая в десяти шагах впереди атаманши, словно арестант под конвоем. – А я им говорил: у меня жена – настоящая казачка!»

После ухода гостеприимных хозяев, с укором поглядывая на жалкого бульмастифа, скулящего в темном углу, мы прозревали, что сторожевая собака в сенях – не залог спасения, что чай много предпочтительнее водки, а казак порой вынужден ломать шапку не только перед богом и царем...

Егор КАРАГОДИН

ПАМЯТНИКИ ЦАРСКОЙ ЭПОХИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Одним из ключевых событий во внешней политике России на Северном Кавказе в XVIII в. стал Каспийский поход Петра I (1722–1723 гг.). К этому предприятию основательно готовились. Уже в 1715–1716 гг. князь Александр Бекович-Черкасский, из влиятельного рода кабардинских князей Бекмурзиных, один из сподвижников Петра I, побывавший во многих областях Кавказа и детально изучивший реальную обстановку, составил карту Каспийского моря. Российские офицеры и чиновники, снабжённые тайными инструкциями по сбору сведений экономического, политического и военного характера, были

Краеведение

отправлены консулами и торговыми агентами в Исфахан и Шемаху. Благодаря проделанной подготовительной работе правительство Петра I получило подробную информацию о реальном состоянии дел в Дагестане и Иране.

Отплыв из Астрахани 18 июля 1722 г., через 9 дней Пётр I с пехотой высадился на берегу Аграханского залива. В конце августа войска Петра I приблизились к Дербенту. В одной версте от города их встретила делегация дербентских жителей во главе с наибом Имам-Кули-беком, вручившим царю ключи от городских ворот. За мирную сдачу крепости дербентский наиб был назначен правителем города, произведен в генерал-майоры русской армии и пожалован постоянным годовым окладом. Комендантом крепости был оставлен российский офицер. Далее Петр I намеревался совершить поход на Баку, где предполагалось строительство крепости у устья р. Кура. Однако было принято решение прервать столь успешно продолжающийся поход и возвратиться назад, в Астрахань. Причин тому было несколько: вспыхнувшая эпизоотия, вызвавшая падеж лошадей, рост заболеваемости среди солдат, гибель в море у Аграханского залива двух эскадр с продовольствием, а также возникшая опасность преждевременной войны с Турцией, весьма встревоженной продвижением русской армии на Кавказе.

Перед отбытием Пётр I распорядился о возведении в приморском Дагестане русских крепостей и размещении в этих опорных пунктах неболь-

ших русских гарнизонов. Они должны были помочь закреплению Прикаспия в зоне российского влияния. В конце августа – начале сентября 1723 г. близ устья р. Аграхань были построены провиантские склады, а в том месте, где р. Койсу делилась на два рукава – Сулак и Аграхань, была заложена крепость Святого Креста. Назначив командующим всеми оставленными на Кавказе гарнизонами генерала М.А. Матюшкина, 29 сентября 1722 г. Пётр I отплыл в Астрахань.

После смерти Петра I политическая активность России на Северном Кавказе снизилась. Преемники Петра не проявили к региону особого интереса. Российские войска были выведены из кавказских пределов, и владения империи на Кавказе и в Предкавказье отодвинулись дальше на север, что было закреплено в новых международных договорах с Ираном.

Следующий значительный этап в истории становления российской государственности на Северном Кавказе связан с царствованием Екатерины II и чередой Русско-турецких войн, по результатам которых регион обрёл международно-правовой статус неотъемлемой части Российской империи.

По указу Сената 9 октября 1762 г. началось строительство на Северном Кавказе стратегически важной русской крепости Моздок. Это вызвало крайнее раздражение османского правительства в Стамбуле и недовольство вассальных султану кабардинских князей, крепостные крестьяне которых бежали под защиту русских

властей. Борьба вокруг Моздока стала одной из причин Русско-турецкой войны (1768–1774 гг.). Обе воюющие стороны активно использовали в ней земли и людские ресурсы Северного Кавказа, который стал одним из важнейших театров военных действий. Война, начатая Турцией под влиянием Франции, закончилась её полным поражением.

Основным направлением в кавказской политике Петербурга с этого времени стало укрепление южных рубежей страны на Северном Кавказе. В последней четверти XVIII столетия российское правительство приступило к возведению единой системы военных укреплений от Чёрного моря до Каспия. В 1777 г. начали строительство Азово-Моздокской укрепленной линии из крепостей и казачьих станиц, ставшей первой регулярной границей России на Юге, а также давшей начало истории современного Ставропольского края.

Первым российским памятником монументального типа на Северном Кавказе можно считать триумфальную арку, сооружённую в Екатеринограде (ныне ст. Екатериноградская, Кабардино-Балкария). Инициатива её сооружения принадлежала генерал-поручику и первому генерал-губернатору Кавказского наместничества П.С. Потёмкину в период его нахождения в этой должности (1785–1792 гг.). Известный военный историк В.А. Потто оставил в своём труде достаточно подробное описание этого памятника, каким он сохранился к началу XX в.: «Как остатки древнего величия, сохраняются в ста-

нице большой божий храм, стоящий на площади, да триумфальная арка, гостеприимно приютившая в своих тёмных углах и трещинах целые стаи летучих мышей. Триумфальные ворота эти представляют весьма величественный вид: громадный карниз, имеющий вид свода, покоится на прочных столбах, сложенных из тёсаных каменных плит и украшенных ещё целым рядом других меньших и круглых колонок.

В котором году и по какому поводу были воздвигнуты Потёмкиным эти ворота, неизвестно, так как ни архивных документов, ни даже народных преданий о том не сохранилось».

Ввиду отсутствия прямых документальных свидетельств можно лишь предполагать, что сооружение триумфальной арки было приурочено к подписанию Георгиевского трактата, означавшего переход Грузии под протекторат Российской империи. Екатериноградская триумфальная арка стала не только первым, но и одним из наиболее значительных проявлений монументальной политики российской администрации на Северном Кавказе. Арка, сохранившаяся с некоторыми утратами и изменением вида, ныне имеет статус объекта культурного наследия федерального значения.

Что касается триумфальных арок как типа монументальных сооружений, то таковых на Северном Кавказе в дореволюционный период было воздвигнуто 6, включая екатериноградскую.

В 1820-е гг. (по другим данным в 1859 г.) была сооружена триумфальная арка в Дербенте, именуемая «Ермоловскими воротами», она стояла на одноимённой улице. Ермоловские ворота представляли собой высокую ордерную арку с полуциркульным проёмом, в верхней части которого помещалась образующая нишу, стрельчатая арка с колоннами со стилизованными капителями, имитирующая арки крепости Нарын-Кала (доаравская цитадель в Дербенте). На карнизном поясе были размещены массивные стилизованные машикули, придающие сооружению, поставленному по оси улицы, вид крепостных ворот. Такой облик триумфальной – сочетание классицистической основы с мотивами переднеазиатской архитектуры – явно символизировал идею утверждения России на Кавказе. В публикациях об этой арке сообщают, что она была демонтирована в 1929 г.

В 1841 г. в Ставрополе была построена триумфальная арка, получившая название «Тифлиские ворота». На протяжении десятилетий арка была одной из главных местных достопримечательностей. По мнению Прозрителева, ворота были воздвигнуты «в память Отечественной войны 1812 г. и своё название получили от того, что отсюда шёл тракт на Тифлис, так как проезда через западную часть в то время не было». Положение ворот на местности он описывал следующим образом: «С верхней площадки можно видеть весь город, вид которого производит прекрасное впечатление.

Раскидывающийся живописно по возвышенности и покатосям Ставрополь представляет богатую картину, могущую удовлетворить самого разборчивого художника. При хорошей погоде вся эта картина делается ещё более восхитительной, так как венчается величественным Эльбрусом». Таким образом, Г.Н. Прозрителев характеризовал арку как, прежде всего, мемориальное сооружение.

Долгое время считали, что у этой арки не было никакого практического назначения. Эту мысль ясно сформулировал Ф.Ф. Торнау, оставивший воспоминания о посещении Ставрополя. Данная точка зрения была опровергнута в 1970-е гг. ставропольскими исследователями П.А. Шацким и В.Г. Гниловским, которые нашли в столичных архивах документы, подтверждающие, что ворота некоторое время были частью стены, окружавшей город с востока.

В 1851 г. Тифлиские ворота были полностью перестроены, и известные дореволюционные изображения монумента зафиксировали его новый облик: классицистическая трехчастная арка с мощным разорванным антаблементом и помещавшимся над срединной частью, выше аттиковой стенки, вторым объёмом второго яруса с ордерной аркадой, имитирующим крепостную стену с бойницами. На фотографиях арки начала XX в. видно появление ещё одного элемента – двусторонней иконы, находившейся в центральном проёме. С восточной Тифлисской стороны путников встречал образ покровителя странству-

ющих – Николая Чудотворца. Со стороны города находился образ Казанской Божией матери – покровительницы Ставрополя.

В советское время Тифлиские ворота были разрушены. Когда точно это произошло, не известно. По имеющимся фотографиям города можно предположить, что это произошло не ранее 1930-х гг. В 1998 г. триумфальная арка была воссоздана. Ставрополь вновь обрёл один из своих символов.

В 1850 г. в крепости Грозной к приезду наследника – цесаревича Александра Николаевича были сооружены из кирпича так называемые «Красные ворота», через которые в дальнейшем осуществляли въезд и выезд в Россию по единственной тогда дороге военные колонны и гражданские обозы. Ворота представляли собой арку, расположенную между двумя башнями, верхние карнизы которых были украшены машикулями, а в стенах были узкие бойницы. Ворота снесли в 1932 г. при прокладке трамвайной линии.

В 1888 г. северокавказский мемориальный ландшафт пополнился ещё двумя триумфальными арками, воздвигнутыми в честь посещения Кавказа царской семьёй: в Екатеринодаре и Владикавказе. Оба монумента выполнены в русском национальном стиле, который Александр III предпочитал прочим.

Владикавказские триумфальные ворота, располагавшиеся на Привокзальной площади, были симметричными. Они состояли из трёх подвешенных арок по квадратным колоннам; большую

центральную арку с гирькой посередине, фланкировали малые арки, также с гирьками. Над арками возвышались трехлопастные с килевидными завершениями прясла. Каждое из прясел, по обоим фасадам, венчалось металлическими двуглавыми орлами – гербами империи, в поле же центрального прясла, также с обеих сторон, помещался герб Владикавказа.

Екатеринодарские «Царские ворота», именовавшиеся «Александровской аркой», были отстроены на пути от вокзала к центру города, чтобы императорский кортеж не мог миновать этот «подарок», поднесённый купеческим обществом. Архитектор В.А. Филипов решил арку в «старомосковских» мотивах: центральная арка опиралась на 2 массивные пяты, возвышавшиеся над аркой, их венчают 4 шатровых шпиля, увенчанные золочёными двуглавыми орлами. Над большой центральной аркой и фланкировавшими её малыми помещались высокие «теремные» крыши с чешуйчатой металлической кровлей и высокими гребнями.

На щеках центральной арки в больших кокошниках были установлены киоты с иконами: со стороны вокзала – образ Святого князя Александра Невского, со стороны города – образ Святой великомученицы Екатерины (покровительницы Екатеринодара). Под образами располагались бетонные памятные доски с надписями. Долгое время Царские ворота были одной из главных достопримечательностей кубанской столицы.

В 1928 г. Александровская арка была снесена, а в 2008 г. воссоздана в прежнем облике, но в другом месте: на бульваре главной улицы Краснодара.

Д.С. Ткаченко сделал вывод о том, что: «коллективные фоновые истории триумфальных арок Кавказа передавали зрителю один из главных постулатов имперской идеологии: через систему своих образов и аллегорий «говорили» о мощи России и неизбежности её внутренних порядков. Трансляция этой абстрактной идеи была, несомненно, важной частью идеологического воздействия, но это воздействие одновременно проводилось в не слишком понятной для неграмотного большинства переселенцев форме».

Что касается монументальных сооружений других типов, то можно сказать, что их до начала XX в. было не слишком много. Они были сконцентрированы, в основном, в административных центрах региона, местах постоянной дислокации воинских частей, а также местах, связанных со значительными событиями военно-политической истории.

Выдающимся южнороссийским образцом монументальной скульптуры и эталонным официальным монументом стал памятник императрице Екатерине Великой, воздвигнутый в Екатеринодаре в 1907 г. скульптором Б.В. Эдуардсом по проекту М.О. Микешина. Он располагался близ бывшей крепости, на Атаманской площади, к которой примыкали Дворец наказного ата-

мана Кубанского казачьего войска и начальника Кубанской области, а также монументальное здание Кубанского окружного суда.

Идейно-художественный замысел памятника, создание которого, по предложению выдающегося кубанского исследователя и собирателя старины Е.Д. Фелицына, было поддержано областным правлением и жителями Екатеринодара и кубанских станиц, было приурочено к 100-летию переселения черноморских казаков на Кубань. Памятник вплоть до деталей отражает историю Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск и участие в их судьбе Екатерины Великой и светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического. Академик Микешин, приступая к работе над эскизом памятника, определял его значение как «эпопею славы основательницы кубанского казачества и его главного города, а также и славы самого казачества», в которой намеревался увековечить, «как на исторической скрижали, всю историческую доблесть казачества и всех выдающихся деятелей и героев».

Скульптурная композиция была построена в несколько ярусов: на круглом гранитном основании, лежащем на мощном цоколе, помещался постамент в виде архитектурно обработанной трёхгранной гранитной призмы, на которой была установлена обращённая на север бронзовая статуя императрицы с державою и скипетром в руках. От её ног по грани призмы ниспадала стилизованная металлическая Жалованная грамота Черноморскому войску 1792 г. По обеим

сторонам от грамоты, у постамента, располагались фигуры князя Г.А. Потёмкина и создателей Черноморского войска: С.И. Белого, З.А. Чепеги и А.А. Головатого.

В этом произведении скульптор Микешин гармонично сочетал торжественные «эмблемы власти», знаки военной истории и воинской доблести с образами былой «казацкой воли» времён Запорожской Сечи. Торжественно открытый 6 мая 1907 г. монумент приобрёл значение одной из главных достопримечательностей столицы Кубани и, вместе со сквером, служил композиционной доминантой главной улицы города – Красной.

В 1920 г. на основании декрета Совнаркома «О памятниках республики» памятник Екатерине II был демонтирован. В 2006 г. монумент был воссоздан по проекту скульптора А.А. Аполлонова, изменив лишь своё местоположение относительно оригинала: ныне он обращён лицевой частью к западу.

В ряду храмов-памятников Северного Кавказа, соорудившихся в ознаменование значительных событий российской истории, особое место занимает Екатерининский Семипрестольный кафедральный собор в Екатеринодаре. Это монументальное храмовое здание строили по проекту архитектора И.К. Мальгерба на «доброхотные» пожертвования «в память исторического события 17-го октября 1888 г.: счастливого избавления Царской Семьи от грозившей опасности при крушении царского поезда на станции Борки».

В изданной в 1913 г. книге «Семипрестольный храм Святой Екатерины в Екатеринодаре» отмечали особое значение собора как «памятника выдающегося исторического события» и выражали надежду на то, что «задуманный в больших размерах и с подобающим особенным великолепием» храм «явится одним из наилучших украшений города Екатеринодара и послужит гордостью всего населения». Собор строили почти 14 лет: закладка его состоялась в апреле 1900 г., а главный придел был освящён в марте 1914 г.

Екатерининский собор был выполнен в византийском стиле. В архитектурном отношении он представляет собой реплику Вознесенского собора в Новочеркасске, построенного по проекту донского архитектора Яценко А.А. в стиле византийских и древнерусских крестово-купольных храмов, имеющих в основе «освящённое пятиглавие». Но проект Мальгерба – не слепое копирование, а развитие творческого замысла и основных идей стиля применительно к конкретной пространственной ситуации. Мальгерб переработал проект академика Яценко, пропорционально уменьшив размеры храма, несколько усложнив пространственную структуру и добавив новые композиционные и пластические элементы, отразившие местные исторические особенности храмовой архитектуры. Краснодарский Екатерининский собор сегодня является кафедральным храмом Кубанской митрополии и имеет охраняемый статус объекта культурного наследия регионального значения.

Если говорить о мемориальных объектах Кубанской области в целом, то в казачьих станицах никаких монументальных сооружений, имевших отношение к казачеству, за исключением храмов, не было вплоть до последних лет XIX в.

Ситуация изменилась лишь в период празднования 200-летия Кубанского казачьего войска в 1896 г. Юбилейные памятники были сооружены в войсковой столице – г. Екатеринодар, а также в станицах: Барсуковской, Бесскорбной, Вознесенской, Каладжинской, Лабинской, Михайловской, Николаевской и Армавире. Юбилейные памятники представляли собой колонны или обелиски на постаменте, увенчанные государственным гербом: двуглавым орлом. На постаментах некоторых памятников были укреплены доски с памятными надписями. Все юбилейные памятники были уничтожены в 1920-х – 1930-х гг., за исключением монумента в ст. Бесскорбной. Он сохранился до наших дней со значительными утратами и был перенесен с первоначального места.

На территории, входящей в настоящее время в пределы Ставропольского края, мемориальные объекты вплоть до начала XX в. были сконцентрированы преимущественно в Ставрополе и регионе Кавказских Минеральных Вод.

В.А. Потто описывал существовавшие на рубеже XIX–XX вв. в Георгиевске остатки старого кладбища, на самой окраине предместья, называемого Тифлиской слободкой. Там среди заброшенных могил была и могила генерал-поручика графа де Бальмена, одного из героев Русско-ту-

рецкой войны 1787–1791 гг. На расколотой чугунной надгробной плите хорошо видна надпись: «Здесь лежит граф Оттон Богданович де Бальмен, Ея Императорского Величества от армии генерал-поручик, командовавший Кавказским корпусом, правивший должность Орловского и Курского генерал-губернатора, войск Ея Величества инспектор, Таганрогского драгунского полка шеф и орденов Российских: Святого Александра Невского, военного святителя великомученика Георгия и великокняжеского Голстинского – Святой Анны, кавалер», и далее «Преставился 4 октября 1790 года, 49 лет от рождения». Ниже следовала пространная трогательная эпитафия с описанием нравственных достоинств покойного, сделанная в духе галантного XVIII в.

Генерал де Бальмен прибыл в Георгиевск 21 июня 1790 г., уже будучи тяжело больным. Несмотря на это, он за три месяца усердных трудов сумел значительно улучшить состояние вверенного ему корпуса, обеспечив его вооружением, амуницией и продовольствием, а также организовать оборону от наступающего из Анапы 40-тысячного турецкого войска сераскира Батал-паши. Именно распорядительности и умелому руководству де Бальмена во многом обязан был генерал-майор И.И. Герман победой 30 сентября 1790 г. над многократно превосходящим турецким войском.

С Георгиевском связано ещё одно памятное в истории освоения Северного Кавказа место. Николаевский собор – это небольшая церковка,

сбитая на совесть из крепкого дубового леса, как только строили в старину. В церкви два придела: главный – во имя Святого Николая-Чудотворца и правый – во имя Святого великомученика и Победоносца Георгия. В главном приделе небольшой, но очень красивый, художественно исполненный иконостас. Он придает внутренности небольшой церкви величественный вид. Иконостас освещает и как бы расширяет своим видом самую внутренность церкви. Богатые, жертвованные иконы со старинными характерными надписями, богатая церковная утварь, мелодичный звон колоколов – все это напоминает, что церковь эта долго обслуживала сановных и знатных лиц, что многие прихожане немало вложили забот и средств для поддержания благолепия этого храма. Часть икон и богатой утвари унесены из этой церкви в новый Вознесенский собор.

Есть предание, что Никольская церковь выстроена была нижними чинами Куринского полка, то есть в 1780-х гг. Для подтверждения этого факта есть некоторые основания. Полк этот прибыл из России в Кубанский корпус кавказских войск в 1782 г. под именем Куринского пехотного полка. В 1784 г. в связи с вассальным подчинением Грузии России – он был переименован в Тифлисский мушкетёрский полк, и, наконец, в Тифлисский гренадерский полк. Штаб этого полка долго находился в Георгиевске. Полк ушёл с территории Северного Кавказа не ранее 1800-х гг.».

В книге «Историческое описание соборных и приходских церквей, в Российской империи

находящихся, с показанием времени построения оных», изданной в 1828 г., значится, что «Церковь Соборная во имя Святейшего Николая Чудотворца построена в 1801 г.». Вопрос о точной дате строительства храма остаётся дискуссионным.

В 1802 г. в Свято-Николаевской церкви был отслужен молебен о начале работы Кавказской губернии. 12 марта 1804 г. в храме приводили к присяге чиновников Кавказской губернии, центр которой находился в Георгиевске.

В 1837 г. во время посещения Георгиевска храм почтил высочайшим присутствием император Николай I. В 1845 г. храм был капитально отремонтирован и реконструирован. Именно в это время в нём появился второй придел в честь Георгия Победоносца. Долгое время Свято-Николаевский храм имел статус собора. В 1881 г. в Георгиевске был построен каменный Вознесенский храм с приделом в честь Святого благоверного князя Александра Невского. В конце 1885 г. этому храму был дан статус собора, а Николаевский собор при этом был обращён в приписной храм к Вознесенскому собору.

Удивительно, но этому храму удалось пережить все потрясения XX в. Даже в самые трудные годы он был открытым для прихожан. В 1999 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II вновь возвёл Николаевскую церковь Георгиевска в достоинство собора, восстановив таким образом её исторический статус. В наши дни Свято-Николаевский собор, некогда бывший главным храмом Кавказской губернии, в статусе памятника

истории и культуры федерального значения, является одной из уникальных исторических достопримечательностей, непосредственно связанных с эпохой становления российской государственности и русской культуры на Северном Кавказе.

Неподалёку от этого храма находится здание, напоминающее об одном из важнейших событий в российской истории XVIII в. В Ставропольском крае сохранилось не так много объектов, которые настолько связаны со становлением российской государственности на Кавказе и историей международных отношений, как здание, находящееся по ул. Красноармейской. Это «Дом кавказского наместника», в котором в 1783 г. был подписан «Георгиевский трактат» – договор о добровольном присоединении Восточной Грузии к России. Грузия в то время делилась на два царства – Имеретинское, в котором царём был Соломон I, и Картли-Кахетинское – наиболее сильное государство в Закавказье. Правитель Картли и Кахетии царь Ираклий II давно стремился к союзу с Россией. В ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. оба грузинских царя выступали на стороне Российской империи.

Понимая важное военно-политическое и экономическое значение Грузии в осуществлении российской политики на Кавказе, правительство Екатерины II решило заключить договор с Ираклием II. Начались переговоры и разработка проекта договора. После обсуждения его на царском совете Ираклий принял проект. Местом под-

писания договора была назначена штаб-квартира командующего Кавказской линией П.С. Потёмкина: Георгиевская крепость. Подписать договор должны были: со стороны России – П.С. Потёмкин, а от грузинского царства – князя И.К. Багратион-Мухранский и Г.Р. Чавчавадзе.

18 июля 1783 г. полномочные представители Картли и Кахетии в сопровождении свиты из 24 человек прибыли в Георгиевскую крепость и были торжественно приняты. Подписание Георгиевского трактата состоялось в Доме командующего 24 июля. По случаю этого события, русскими властями были организованы пышные празднества. В связи с заключением Георгиевского трактата, было начато строительство Военно-Грузинской дороги между Грузией и Россией, вдоль которой было сооружено несколько укреплений, в том числе крепость Владикавказ.

Указом Сената от 5 мая 1785 г. из Кавказской и Астраханской областей было образовано Кавказское наместничество. Кавказская область была разделена на 6 уездов, а центры их – Екатериноград, Моздок, Георгиевск, Ставрополь, Александров, Кизляр – в уездные города. С этого времени Георгиевск – не только крепость, но и центр крупного уезда.

В январе 1786 г. состоялось официальное открытие наместничества, резиденция которого была перенесена из Астрахани в Екатериноград (ныне ст. Екатериноградская, Кабардино-Балкария). В 1790 г. столицей наместничества временно стал Георгиевск.

Что касается здания, где был подписан Георгиевский трактат, то уже в начале XX в. оно считалось одной из достопримечательностей города, и одним из немногих объектов, связанных с первыми годами существования крепости. Н.Н. Шабловский пишет: «В Екатеринограде построен был Потёмкиным дворец наместника с необыкновенной для Кавказа роскошью. В нем была целая анфилада комнат с залом, посреди которого величественно возвышался императорский трон, у ступеней последнего стояло кресло для наместника. Здесь Потёмкин принимал при торжественной обстановке послов шамхала Тарковского и приводил их к присяге императрице Екатерине II.

В Георгиевске выстроен был не дворец, а скромный наместнический дом. Где же в крепости искать этот дом? Дом наместника должен был стоять на видном месте, то есть в центре крепости, на церковной площади. Старожилы могут нам указать – как в сороковых годах, а значит, и ранее располагались постройки в центре города. Они укажут, что южная и западная стороны крепостной площади занимались рядами лавок, северная сторона занята была купеческими домами, и только на восточной стороне площади был несуществующий теперь дом, где жил комендант крепости, а против этого дома стояло то казенное здание с садом, с хорошими надворными постройками, где теперь отводится квартира для начальников Георгиевского артиллерийского склада. В списках военно-инженерного

ведомства оно значится под № 3; значит построено третьим в крепости, – и, вероятно, давно, но когда именно и кем – сведений не сохранилось... Из всех казённых зданий, имеющихся теперь в крепости, – это самое удобное было для жилья, особенно в старое время, когда все вообще жили очень скромно. В этом доме 7 высоких комнат, большой зал; в саду, находящемся при доме, – есть остатки фонтана, это уже роскошь, на которую казна могла выдать средства лишь в исключительном случае.

Все старинные частные постройки на крепостной площади в половине минувшего столетия приходили уже к разрушению, отбыв свой век; они, очевидно, были построены, то есть заняли места на площади в начале или ранее ещё минувшего столетия. Где же тогда был наместнический дом? Очевидно, что этому дому соответствует одно только старинной постройки казенное здание под № 3.

В этом доме жили наместники: генерал Теккели, граф де-Бальмен, граф Салтыков, граф Гудович, генерал-поручик Кнорринг; наместник, князь Пётр Дмитриевич Цицианов, переезжает на жительство в Тифлис и уступает этот дом под губернские правления в 1803 г. Впоследствии здесь имел временные остановки великий князь Михаил Николаевич».

Сохранившиеся фотографии Дома командующего свидетельствуют о том, что здание неоднократно перестраивали, а прилегающая к нему территория меняла свой облик. В середине про-

шлого века в здании размещалась контора горгаза. К 200-летию подписания Георгиевского трактата здание в очередной раз реконструировали и обшили деревом. В это время оно получило свой современный вид. На фасаде была установлена мемориальная доска.

В Пятигорске отмечены памятниками места, связанные с жизнью и смертью М.Ю. Лермонтова. Кавказ всегда чтит память об одном из самых выдающихся сынов России. В 1889 г. здесь при большом стечении народа был открыт монумент поэту (авторы: скульптор А.М. Опекушин, архитектор Н.А. Дорошенко), в настоящее время являющийся памятником федерального значения. Композиция памятника представляет Лермонтова в офицерском сюртуке, сидящего в задумчивости на утёсе скалы. У ног поэта лежит раскрытая книга, а у основания постамента лавровый венок оплетает лиру. Созданный на народные пожертвования, на момент установки он стал первым в России памятником великому поэту.

Место дуэли и гибели Михаила Юрьевича, где в разные годы стояли временные памятники, в настоящее время отмечено обелиском. Он имеет классическую форму и вытесан из кисловодского доломита. В центре обелиска, в круглой нише, установлен бронзовый бюст М.Ю. Лермонтова в форме офицера Тенгинского пехотного полка. Под нишей начертаны имя поэта и годы его жизни. Обелиск окружён квадратной оградой из тяжёлых металлических цепей. На каждом из углов ограды восседают бетонные грифы.

Памятник был открыт в 1915 г., в разгар Первой мировой войны. Автором проекта стал скульптор Б.М. Микешин. Ограду вокруг памятника спроектировали петербургские скульпторы Л.А. Дитрих и В.В. Козлов. В настоящее время этот объект входит в перечень памятников федерального значения.

С памятью о Лермонтове, а также ещё многих выдающихся деятелях отечественной истории связан Пятигорский некрополь – старейшее кладбище региона КМВ. На его территории много исторических памятников, представляющих собой малые архитектурные формы. Это могилы воинов, отдавших жизнь за независимость Родины, могилы видных государственных деятелей, учёных, литераторов, художников, врачей. На этом кладбище первоначально был захоронен М.Ю. Лермонтов. В 1901 г. компетентная комиссия пришла к выводу о том, что могила поэта находится рядом с фамильным склепом Шан-Гиреев. Здесь и было решено поставить скромный памятник поэту на пожертвования горожан.

2

Что же касается Ставрополя, то здесь огромной историко-мемориальной зоной является территория Крепостной горы с прилегающими к ней улицами. Г.Н. Прозрителев по этому поводу писал: «Самым интересным и достопримечательным местом в Ставрополе является Соборная гора, названная так потому, что здесь стоит Кафедральный собор во имя Казанской Божией

Матери. Каждый шаг на этой горе связан с воспоминаниями о далёком прошлом, тяжёлых, бурных, кровавых днях долгой войны, этой величественной эпохи из жизни Кавказа. Маленькая по пространству, но сильная по значению, по занимаемой местности, гора эта символически знаменовала будущее маленького укреплённого пункта, никогда не мечтавшего стать шумным, многолюдным городом, центром всего края, каким стал Ставрополь. Все изменения в жизни Северного Кавказа и переживаемые события отражались на этой горе и оставляли на ней тот или другой след».

Несмотря на наличие памятных мест, в дореволюционном Ставрополе не было большого количества монументальных объектов. Самым старинным и известным был так называемый «Суворовский крест» на территории крепости. Городские легенды уже в XIX в. связывали этот крест с именем знаменитого полководца и временем закладки крепости, однако к реальности это не имело никакого отношения.

Прозрителев связывал появление этого памятника с временами раннего христианства на Северном Кавказе и описывал это так: «Известно, что он долгое время стоял в часовне, бывшей сзади собора, и пред ним постоянно горела лампада. Точных сведений о том, когда была сооружена эта часовня, нет, но она тщательно поддерживалась до 1884 г., и в ней зажигалась лампада. После 1886 г. часовня была сломана и крест, вынутый из неё, оставался открытым. Но в

1889 г., ввиду объявленного чествования памяти Суворова, наше городское управление по совету гласного И.П. Кувшинского оцементировало этот крест и поставило на пьедестал как крест, поставленный Суворовым, сделав указанную надпись. Основанием для такой ошибки послужило то, что в городской управе, в присутственной комнате, висела картина, на которой изображён Суворов с подозрной трубой в руке, стоящий у развалин крепости или постройки, служившей ей началом. Картина, как говорили, кисти художника Лагорио, бывшего учеником ставропольской гимназии. С другой стороны, у Бентковского имеется небольшая статья «Суворов встречает 1780 год в Ставропольской крепости».

В отношении этого креста у старожилов вовсе не было в памяти о постановке его Суворовым, наоборот, было мнение, и прочно сложившееся, что крест поставлен на горе жителями, добивавшимися постройки церкви во имя Святого Николая, приурочивая это благое дело к памяtnому для Ставрополя 1810 г., когда прекратилась чума, свирепствовавшая в Ставрополе... Называли даже купца Чернова, который и хлопотал об этой постройке». Потто повторял версию Прозрителева, только дату установки креста указывал более позднюю: 1900 г. Путаницу усугубляло то, что на территории крепости был ещё один каменный крест – на месте, где некогда находилась полковая церковь.

Ставропольский краевед Г.А. Беликов, ссылаясь на архивные документы, поддерживал

более позднюю дату установки креста, и приводил некоторые детали: «Городская управа по вопросу разборки часовни и установки каменного креста на специальный пьедестал обратилась непосредственно к губернатору Н.Е. Никифору, который не только одобрил предложение, но и выбрал само место установки памятника на Соборной горе... Вскоре архитектор Михаил Бржезицкий докладывал: «На пьедестале креста нами установлена доска с надписью: «По преданию поставлен распоряжением Александра Васильевича Суворова, 1780 г.»».

9 мая 1900 г., в день столетия кончины А.В. Суворова, под церковное песнопение, в присутствии ставропольского губернатора Н.Е. Никифору, архиепископа Агафодора с сонмом духовенства, общественности города и тысяч горожан памятник был открыт». Таким образом, крест был использован городскими властями для увековечения памяти знаменитого полководца А.В. Суворова, и одна из городских легенд была закреплена в общественном сознании фактом его официального использования в коммеморативных целях. В 1920-е гг. Суворовский крест был уничтожен.

В 2000 г. в День г. Ставрополя на месте, где ранее стояла полковая Николаевская церковь, был воздвигнут и освящён новый крест по проекту архитектора И.П. Ефимова. Этот современный памятник напоминает о тех исторических объектах, которые не сохранились до нашего времени.

Реальный вклад Суворова в становление российской государственности на Северном Кавказе огромен. За время командования Кубанским корпусом он не только внёс вклад в строительство укреплений Кубанской линии, но и обучил находящиеся здесь войска, пресёк набеги закубанских горцев. Суворов организовал прекрасно поставленную разведку, позволявшую ему быть в курсе настроений и намерений горских и ногайских предводителей. Знаменитый полководец осуществлял инспекцию Азово-Моздокской линии и дважды приезжал в Ставропольскую крепость. При подготовке к празднованию 200-летия Ставрополя, на территории, некогда занимаемой крепостью, был установлен бюст полководца работы скульптора П.И. Верховского.

Появление новых памятников в Ставрополе в начале XX в. было связано с подготовкой к празднованию двух юбилеев: 50-летия отмены крепостного права в 1911 г. и 100-летия Отечественной войны в 1912 г.

В декабре 1911 г. на бульваре напротив Дома губернатора, был открыт памятник царю-освободителю и реформатору, императору Александру II. Память об этом самодержце была увековечена в Ставрополе и губернии ещё в XIX в. Александр Николаевич впервые посетил губернский центр в 1850 г., будучи наследником-цесаревичем. В память о его пребывании в городе уже через год здесь появилась Александровская улица (ныне ул. Дзержинского) и Александровская площадь (ныне пл. Ленина).

После того как Александр II, уже будучи царствующим монархом, посетил Ставрополь во 2-й раз в 1861 г., местные власти впервые официально вышли в Сенат с просьбой разрешить городу поставить памятник царю-освободителю. В следующий раз Ставрополь поднял вопрос об установке в губернском центре памятника Александру II после покушения на него 2 апреля 1879 г. народолюбцами, а затем – после его убийства 1 марта 1881 г. Но вместо памятника, по инициативе епископа Кавказского и Екатеринодарского Германа, у г. Святой Крест, был устроен Воскресенский мужской Мамай-Маджарский монастырь с Преображенским храмом в память князя Михаила Тверского и царя-мученика Александра II.

Спустя почти 10 лет после гибели Александра II от рук террористов, в 1890 г. на Александровской площади построили часовню во имя Святого князя Александра Невского и в память царя-мученика. Пресса того времени сообщала: «Часовня устроена по приговору граждан г. Ставрополя, в память мученической кончины Царя-Освободителя Александра II. Приговор об этом состоялся ещё в 1883 г. но только к 1 июля были окончены все работы по сооружению её. Она напоминает собою надмогильный памятник в увеличенном размере и довольно красивой архитектуры. Материал для постройки доставлялся городом, а работы за свой счёт произведены купцом И.С. Третьяковым. Внутренность часовни украшена иконой Св. благоверного кня-

зя Александра Невского. Под иконой поставлен большой посеребренный подсвечник, а к своду прикреплен изящная люстра для свечей». В 1920-х гг. часовня эта была сначала закрыта, а затем разобрана.

Только в ходе подготовки к юбилейным торжествам Ставрополь получил разрешение почтить память царя-освободителя установкой скульптурного памятника. Первоначально его планировали открыть к 18 февраля, дню 50-летия провозглашения Манифеста об отмене крепостного права в 1861 г. Но из-за холодной зимы завершить строительные работы в срок не успели.

К памятной дате губернатор Б.М. Янушевич доставил из Москвы бронзовый бюст Александра II и передал его в дар городу. Городская Дума выделила 500 руб. серебром на устройство постаментов для бюста, цветника и каменного перехода от Дома губернатора на бульвар к подножию памятника. Работы шли до начала декабря 1911 г. Мемориал представлял собою сложенный из камня и оштукатуренный постамент, украшенный карнизами, нишами, декоративными столбиками. Слева и справа располагались большие цветочные клумбы, огражденные каменными тумбами, соединенными между собой корабельными цепями. Семена и луковицы цветов, которые, сменяя друг друга, должны были цвести все лето, были предоставлены городским садовником Б.О. Новаком. Через протекающий у памятника Желобовский ручей, обложенный каменными плитами, был переброшен каменный мостик с

электрическими фонарями, отлитыми на заводе Адольфа Шмидта.

6 декабря 1911 г. состоялись торжественное открытие и освящение возведенного памятника... После освящения памятника хор Казанского собора в сопровождении оркестра исполнил гимн «Коль славен...». Самурцы стали «на караул», затем грянул троекратный залп салюта.

Что касается коммеморации памяти Александра II в Ставропольской губернии в целом, то можно сказать, что она превзошла по масштабам всё, что делали в области мемориальной политики до того. С 1911 по 1916 гг. по всей России были поставлены тысячи памятников в честь царя-освободителя. Согласно каталогу К.Г. Сокола в Ставропольской губернии (включая поселения современной Калмыкии) в 1911 г. было установлено 122 памятника императору. Все они были уничтожены спустя десятилетие.

В 1912 г. – в год юбилея Отечественной войны 1812 г. – в Ставрополе появился памятник Александру I. Он был установлен у входа в первую мужскую гимназию. Открытие памятника сопровождал молебен, крестный ход и парад воинских частей, расквартированных в городе. Вечером центральные улицы города были иллюминированы. Особым убранством отличалась мужская гимназия, на ней красовался парный вензель с инициалами имён императоров Александра I и Николая II и датами «1812–1912».

Завершая главу, дадим краткий обзор памятников региона, связанных с событиями Кав-

казской войны 1817–1864 гг. Эта долгая война повлияла на судьбы нескольких поколений и стала источником вдохновения для деятелей российской культуры. В.А. Потто писал: «Много ли есть русских семей, на которых Кавказ в долговременных войнах его не отразился бы вечной невозвратной утратой... Тут прошли целые поколения героев. Тут были битвы баснословные. Тут сложилась целая летопись молодецких подвигов, целая изузстная русская Илиада, ещё ожидающая своего песнопевца. И много тут в горном безмолвии принесено жертв и много тут улеглось людей, чьи имена и заслуги известны только одному Богу. Но все они, прославленные и незамеченные, имеют право на нашу благодарность».

В XIX в. в событиях Кавказской войны, включая войны с Турцией и Персией в Закавказье, приняли участие практически все видные российские военачальники, не говоря уже о многих тысячах офицеров и сотнях тысяч рядовых солдат и казаков. Коммеморация событий войны и главных участников этих событий была неизбежна, так как с одной стороны было народное желание почтить память погибших, а со стороны имперской администрации – объяснить современникам и потомкам необходимость вхождения этого региона в состав России. Идеологам государства требовались символы великой борьбы и блестящей победы, и монументы на местах исторических событий как нельзя лучше подходили для этого.

Памятники, появившиеся в последней трети XIX и начале XX вв. можно условно разделить на 3 группы: 1) в честь знаменитых военачальников; 2) в честь солдат и офицеров, погибших при исполнении воинского долга; 3) в честь воинских частей на местах исторических событий. Отдельную группу мемориальных объектов составляют остатки русских укреплений в регионе, однако рассмотрение их не является предметом данной книги.

Первая группа: бюст А.П. Ермолова в Грозном (скульптор А.Л. Обер, 1881 г.), установлен возле исторической землянки полководца; памятник князю М.З. Аргутинскому-Долгорукому в Темир-Хан-Шуре (скульптор И.И. Подозеров, 1878 г.); бюст генерала Я.П. Бакланова в ст. Баклановской и памятник ему в Новочеркасске (1911 г.); памятник генералу Н.П. Слепцову в ст. Троицкой (1897 г.); памятник генералу Ф.А. Круковскому на месте гибели под Урус-Мартаном (1902 г.); памятник «Беседка Барятинского» в Гунибе, на месте, где фельдмаршал принял капитуляцию имама Шамиля (1893 г.).

Вторая группа: памятник полковнику Н.В. Грекову в Грозном; памятник над братской могилой поручика Гавронского и 7 нижних чинов в Лазаревском, погибших в бою 18 марта 1864 г.; памятник русскому десанту в Сочи (1913 г.) – это памятник основателям и строителям укреплений Черноморской береговой линии 1837–1839 гг.; памятники защитникам Михайловского укре-

пления – штабс-капитану Н. Лико и рядовому А. Осипову во Владикавказе (1881 г.); памятный крест А. Осипову на месте его подвига и гибели (1876 г.); памятник А. Микитину в Темир-Хан-Шуре (1886 г.); памятный крест над братской могилой полковника Тиховского и защитников Ольгинского кордона (1869 г.); памятный крест над братской могилой донских казаков, погибших при обороне ст. Луковской (1879 г.); памятник в ст. Неберджаевской над братской могилой защитников Георгиевского (Липкинского) поста, погибших 4 сентября 1862 г.; памятник-часовня над могилой сотника Гречишкина в ст. Тифлисской.

К этой группе памятников можно отнести и «Казачью могилку» в ст. Беломечетской. Этот мемориальный объект один из старейших в Ставропольском крае. Как сообщает справочник «Станицы Ставрополя»: «Станицу основали казаки Хопёрского полка в ходе переселения с упразднённой Азово-Моздокской линии на р. Кубань... Оказавшись расположенной по верхнему течению Кубани (Баталпашинский кордонный участок), Беломечетская с 1828 по конец 1850-х гг. периодически подвергалась набегам со стороны кубанских горцев и ногайцев, захватывавших лошадей, скот и имущество, убивавших и угонявших в плен жителей станицы. Наиболее драматичным для Беломечетской стал март 1842 г., когда при преследовании совершивших набег горцев в Закубанье погибли 35 местных казаков, попавших в засаду. Позднее, в 1891 г., станич-

ное общество соорудило над их братской могилой памятник, чудом сохранившийся до наших дней».

В ходе этнографической экспедиции в станицу в 2004 г. сотрудники Ставропольского государственного музея-заповедника осмотрели этот памятник. В отчёте экспедиции он описан следующим образом: «Слева от шоссе на дороге издали заметен изящный памятник в виде сени с шатровым куполом. Он установлен на братской могиле казаков станицы Беломечетской, погибших в 1842 г. в бою с крупной набеговой партией горцев. Над захоронением сделана высокая насыпь, в качестве постамента положены две каменные плиты. Сам памятник соответствует архитектурно-художественным традициям рубежа XIX–XX вв. Он отлит из чугуна, пластически декорирован в русском стиле. На фризях чередуются прямоугольные и квадратные дробницы, стрельчатые арочные проёмы заполнены ажурным орнаментом из кругов и крестов.

Над двумя ступенями в основании памятника проходит широкий фриз, по которому с 4-х сторон крепились доски с именами захороненных. Вероятно, в 1930-е гг. доски были сорваны, так же как и венчающая памятник фигура ангела с крестом. К настоящему времени местными краеведами восстановлены имена 17 погибших, на фасаде закреплена стальная доска с надписью: «Казак-хопёрцам, погибшим в годы войны 1842 г.», а над шатровым куполом вознесён шестиконечный православный крест».

К последней группе относятся полковые памятники: 80-го Кабардинского пехотного полка в Хасавюрте; памятник Апшеронского полка в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск); памятник над братской могилой бойцов 83-го Самурского пехотного полка в с. Шеляги (1887 г.); памятники Апшеронского (1894 г.) и Ширванского (1909 г.) полков в Гунибе.

К сожалению, после Февральской революции 1917 г. началось разрушение регионального историко-мемориального наследия. В 1920–1930-х гг. большинство монументов, установленных в честь царственных особ, военачальников и администраторов, уничтожили. Затем в ходе государственной антирелигиозной кампании началось уничтожение храмов, часовен и мемориальных объектов, в составе которых была религиозная символика. Некоторые уцелевшие объекты были лишены атрибутов монархической власти и обезличены. С них сбивали изображения корон и государственного герба, выламывали мемориальные доски. Постаменты некоторых впоследствии использовались для установки новых памятников большевистским вождям.

Литературное Ставрополье

Альманах № 4 (2025)

Отпечатано в ООО «СЛАВЯНОЧКА»

394026, Воронеж, пр-т Труда, д. 46Д, помещ. 1, ком. 3

Подписано в печать __.11.2025

Тираж 1000 экз. Заказ № _____